

4/91 ISSN 0236-3283

НИКАКОЙ ВАЛЮТЫ,
НИКАКИХ ПРОБЛЕМ –
гарантирует фирма "Катя"

МЫ

КАТЯ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Тамара АЛЕКСАНДРОВА
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
Андрей КОСЕНКИН
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Художественный редактор
Елена СОКОВА

На первой и четвертой
страницах обложки
фото Анатолия ЗЫБИНА

Адрес редакции:
107005, Москва, Б-5, аб. ящик №1.

© "МЫ", 1991
Издательство "Дом"
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61

Отпечатано в типографии
А/О Принт-Юхтиёт
Соинипринт Финляндия
при посредничестве
В/О "Внешторгиздат"

Сдано в набор 16.01.91 г.
Подписано в печать 18.02.91 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1.
Уч. - изд.л. 12,72. Тираж 1000000

4/91

ОСНОВАН В 1990 ГОДУ

МЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Армен Джигарханян. Главное – не врать ни им, ни себе	2
---	---

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Геннадий Пикулев. Голубая рапана. Повесть	18
Зарубежный детектив. Милдред Гордон и Гордон Гордон. Таинственный кот идет на дело. Роман. Перевод с английского.	73
Вапу Кале. Отец. Новелла. Перевод с языка маратхи ..	121
Татьяна Смертина. Облетающий цвет. Стихи	10

ПРОБА ПЕРА

Антон Попов. Прощание с детством	118
Елена Филонова. Прольюсь дождем. Стихи	120

ХОЧЕШЬ БЫТЬ ДЕЛОВЫМ?

Илья Шинкаренко. Лидеры бизнеса XXI века	135
Нонна Савельева. Фирма "Катя"	12

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Наталья Щербаненко. Спасись, спаси!	156
Татьяна Кукунова. Войти в его мир	68
Письма в "МЫ"	115
Ищу друга	143

НАШЕ ПРОШЛОЕ

Роберт К. Мэйсси. Николай и Александра. Главы из книги. Перевод с английского	160
--	-----

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Александр Ушаков. "Твое вдохновение ведет нас к освобождению"	146
Музыкальные страницы	180
На малом экране. Видеообзор	191

Армен ДЖИГАРХАНЯН

ГЛАВНОЕ — НЕ ВРАТЬ НИ ИМ, НИ СЕБЕ...

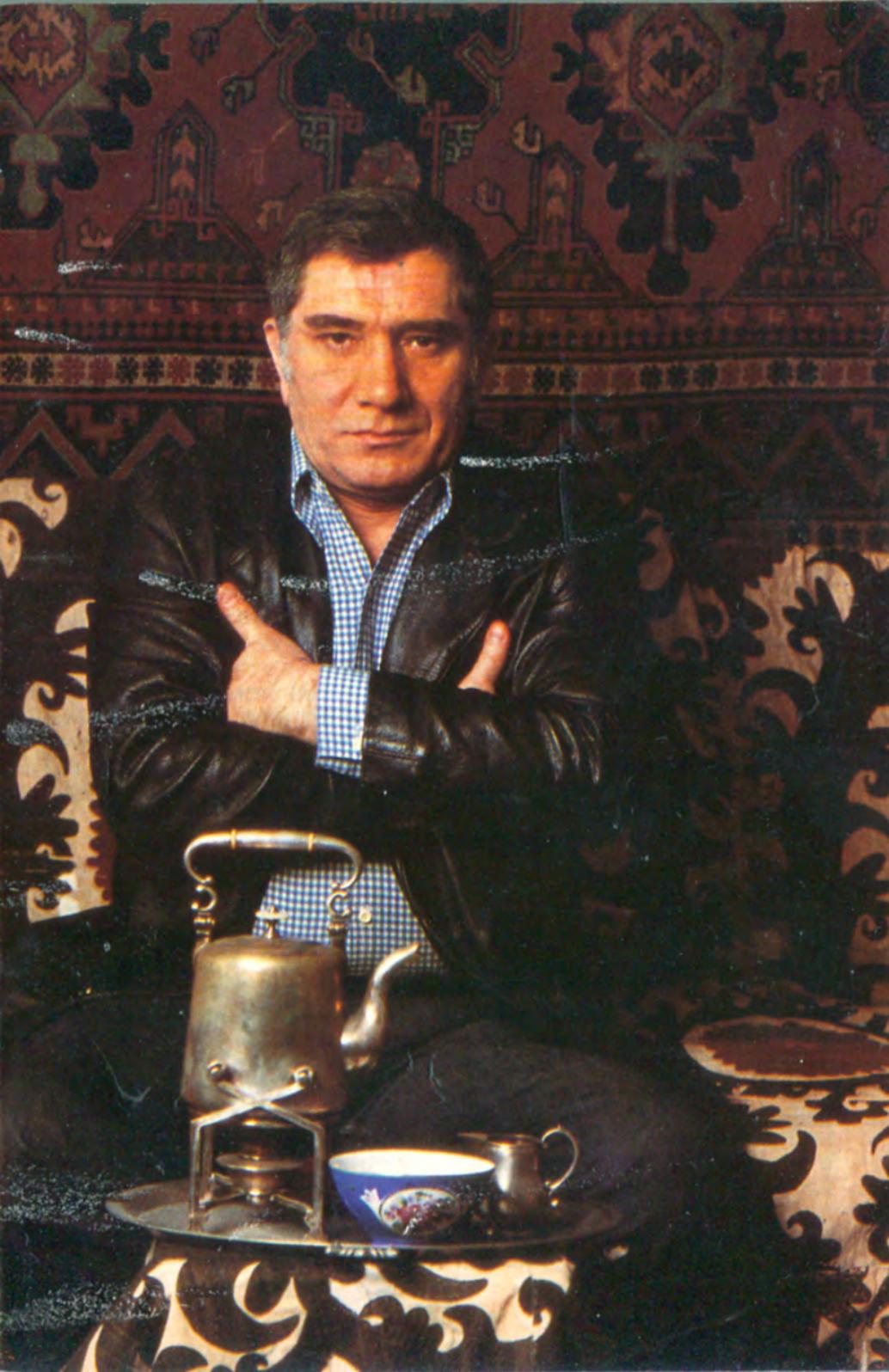
Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

”Им” — это тем, кому сегодня 13, 14 — ну и далее. Тем, кто в юности, как сказал классик, сильно ”шумит изнутри” — и не только изнутри, судя по рок-концертам, футболу, тусовкам, дням десантников и сопровождающим эти тинейджерские радости нарядам милиции.

Итак, что делать, если тебе всего тринадцать, а жизнь тебе уже кажется не слишком удобным местом для полетов во сне и наяву? Быть человеком толпы — или той кошкой, которая гуляет сама по себе? Быть ”в коллективе”, как бы этот коллектив ни назывался — улицей, тусовкой, классом, компашкой, малиной, — или рискнуть отправиться в одиночное плавание, чтоб потом ни на кого не сваливать свои неудачи.

Армен Джигарханян сумел все это сделать — распорядиться и собой, и жизнью. Те, кто знает его ”со стороны” — как актера, — говорят: ”Вот это личность! Вот это мужик!” И не ошибаются. Это — сильный человек, которому удалось выжить и ”не скурвиться”, остаться самим собой и не

попасть под мясорубку всеобщей посредственности.

Все остальное — слава, звания, материальная обеспеченность, добытая многолетней бешеной работой, — все только "приложение" к личности. Личность — либо она есть, либо ее нет. "На личность" назначить нельзя...

Кем же он был в ту эпоху, в пору своего "тинейджерства" (хотя после войны и слова такого не было), и что он может сказать тем, кто мучается в тонкой шкуре тинейджера 90-х?

— Честно говоря, совсем не помню себя подростком, а врать не хочу. Это была какая-то особенная эпоха: четко помню лишь трофейные фильмы, которые тогда, в послевоенные годы, воспринимались как какая-то патология. Другого слова подобрать не могу (придумать нетрудно, но ведь мы договорились: НЕ ВРАТЬ. Ни себе, ни им). Конечно, это на меня как-то повлияло. Как? Не знаю. Но ведь на человека влияет все.

— Можно себе представить этот "патологический" эффект: разоренная, в развалинах страна — и феерия другой, "красивой жизни", чужой "блистающий мир" (хотя были и свои подобные миры). Нужен ли человеку вообще этот блистающий мир? Мы ведь и без того мифологическая страна, живущая мифами во всем, не только в политике, но и в личной, интимной жизни, в дружбе, в любви. Мы непременно должны что-то "накрутить" вокруг простых и естественных вещей — и, наоборот, обнаружив вдруг, что эти вещи "слишком"

для нас просты, естественны, тут же затоптать их в грязи. нас всегда оберегали от "улицы". Но я думаю, что подростков надо оберегать не только от грязи, но и от восторженных дяденек и тетенок, которые живут в мире, населенном ими же самими сотворенными мифами, и точно так же воспитывают молодое поколение. Полеты Икаров с восковыми крыльями кончаются плачевно. Но что-то, а производство этих крыльев у нас поставлено на поток: видимо, воска в стране еще хватает. Реакция же молодых на эту восторженность, удаленную от жизни на тысячу световых лет, — цинизм, бездуховность, душевная тупость, лень, неумение думать о себе как о личности, неумение воспринимать себя "в цепи".

— Я об этом постоянно думаю. Меня страшит, что между нашей интеллигенцией и молодежью нет мостов, нет общего языка, мы не знаем, как и о чем друг с другом говорить.

Ехал недавно в лифте с двумя ребятами: те были уже "поддатые" — мат через каждые полслова, на глазах — шоры, вокруг себя никого не видят. Подумал: случись что-нибудь — на каком языке с ними разговаривать? Это ведь полуплюди. Юные варвары в варварской стране. В варварской, жестокой, мстительной. В этом смысле Запад нас недооценивает — недооценивает уровень нашего варварства, нашей всеобщей мстительности... Взять такую вещь, как футбол. (Я страшно люблю эту игру, для меня это сильный допинг.) Проигрывает, допустим, где-то ТАМ наша коман-

да. Какая наша первая реакция? — "Снять тренера! Наказать, понизить, уничтожить, сослать, расстрелять, показать ему кузькину мать!" Я говорю не о ком-то — я СЕБЯ на этом ловлю! А ведь нигде в мире этого больше нет, хотя везде играют в футбол и везде есть болельщики. Ну, если проиграла национальная сборная какой-то кубок — тренеру, ясно, скажут пару теплых слов, ну, может, стекла еще дома выбьют под горячую руку. Но ведь его никто не "снимает", не "меняет", не уничтожает и не растаптывает. Этой дикости, этого варварства нигде больше нет — только у нас. Нормальный мир живет по нормальным законам. А мы — совсем по другим. Мы не слышим друг друга. Мы не умеем друг с другом по-человечески говорить.

Помню, как-то в Испании зашли с другом в церковь. После проповеди я сел на скамеечку — отдохнуть да и уходить было жаль. Вдруг заходят подростки с гитарами. В церковь! И начинают петь! Я вслушиваюсь — и смутно улавливаю, что поют они те же слова, что только что звучали в проповеди: "Иисус", "голубка", "мадонна". К ним вышел священник — спустился с амвона или как там это называется, в общем, сошел со своих небес. Как он разговаривал с этими подростками, с этими детьми! Надо было видеть его лицо — оно было освещено каким-то светом, юмором, терпением, пониманием. Они поговорили коротко о чем-то, даже посмеялись — и ребята с гитарами ушли... Вы можете представить себе такую картину в нашей стране? Я — нет. Но ПОЧЕМУ? Я постоянно об этом думаю. Тут на-

ша интеллигенция, по-моему, должна взять вину на себя: она виновата, когда, не зная дороги, зовет за собой "в даль светлую" и зовет туда поколения — всем гуртом...

— Давай, брат, воспарим?

— Да, "воспарим"... Она должна думать все же о жизни, адекватной самой жизни, о земле, где мы все живем.

— С одной стороны, зовы "в даль светлую", с другой — поруха в подземных переходах. Лично мне хочется сказать каждому: ребята, честное слово, это не то, отойдите и не пачкайтесь! Да, и школа, и дом нас калечат, "стесняясь" говорить о том, что жизненно важно для каждого человека — для каждого! В том числе — о сексе, о любви, заменяя элементарные знания по сексуальной культуре блаженными сочинениями об "образе Наташи Ростовской", которая сегодня стала — не без усилий восторженных тетенок — героиней анекдотов о поручиках. И боюсь, останется ею навсегда — если только сам тинейджер не проявит строптивость и самостоятельность уже после того, как Наташу "прошли" (словно танками прошли!) в школе. И тогда он вдруг обнаружит, что она — нормальный человек, живущий по естественным законам жизни и любви, не терпящий никакой фальши — даже самой возвышенной. Но ведь надо еще дорасти — до Наташи, надо еще дойти до Льва Николаевича. А до любого подземного перехода и "доходить" не надо: вот он, рукой подать — там и подземная Кама-Сутра, и приключения

космической проститутки, и 365 поз на все 365 дней, и все, чего душа пожелает. Но этого ли желает юная душа? Это взрослые дяди внушили подросткам, что все это современно, модерново, столично, престижно. На самом деле убого и провинциально, Запад ведь давно от этой продукции отказался...

— А знаете что? Я недавно был в Америке и хочу сказать: там, оказывается, никто не смотрит порнофильмов! Там это никому не нужно, кроме... советских граждан, у которых это первый вопрос: "А порнофильмы есть?" И на них там смотрят с сожалением, как на больных людей, потому что в Америке, чтоб "интересоваться" порнографией, надо быть действительно большим человеком. В нормальном мире, где торжествует обыкновенный ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ, и не может быть иначе, а здравый смысл — это и есть нравственность. Да, именно он, а не идеологические мифы и прочие штучки. Потому что когда подросток ТАМ созревает и ему приходит время любить — то он и любит, и учится любить, и никто не станет его за это оскорблять, унижать, следить за ним, топтать его человеческое достоинство. И все взрослые рядом с ним — родители и учителя — понимают, что это — ЕСТЕСТВЕННО, это НОРМАЛЬНО, это НОРМАЛЬНЫЙ период в жизни каждого человека.

— Реакция на запреты известна: она запрограммирована самими запретами. Помню письмо одной лихой 13-летней секс-бомбы, которая публично объявила, что за год поменяла... 25 партнеров. Что же с этой

Джульеттой будет к 20 годам? Какую семью она создаст, какого родит ребенка, как она вообще будет любить?.. Или нежные наши юноши, через каждое слово великого и могучего употребляющие одно, пожалуй, самое могучее: "Пошли, бля, в кино, бля!"... А ведь это не просто жаргон — это образ мысли, образ жизни, уровень отношения к другому человеку. Помните, в одном из старых своих киноспектаклей вы говорили словами вождя революции: "Жажда нуждается в удовлетворении, но нормальный человек не станет пить из лужи". Однако благодаря тем же вождям все наше существование — от пустых полок до порнухи (вот она почему-то в изобилии — странный парадокс!) — во всем сводится к тому, что нас заставляют пить из лужи. И — больше того! — лужа эта и выдается за революцию. Очередную. И, что самое страшное, — приучают к этому стадному водопою молодых. Как их спасти? Как работать у них аллергию, отвращение к луже? К этому "бля"? К этому "трахаться" вместо "любить"? К этому наплевательству на всех и на самих себя? Как им сказать: ребята, отойдите от лужи, это грязь, это никакой не модерн — вас туда специально толкают!

— Вы у меня спрашиваете? Я не знаю. У меня рецептов нет. Я все время думаю: почему именно МЫ выбрали эту идеологию, а весь остальной мир выбрал здравый смысл? Почему мы выбрали "НЕЛЬЗЯ", почему мы выбрали "НЕ ВЕРЬ", почему мы выбрали взаимную тотальную слежку друг за

другом? Взаимное пещерное уничтожение друг друга? Нормальный мир живет по другим — нормальным — законам. Вот почему после Америки, Швейцарии, Испании я возвращаюсь домой с трудом, — а вовсе не потому, что ТАМ 400 сортов колбасы. Черт с ней, с колбасой! Дело не в ней, а в уважении к человеку.

У меня из головы не выходят те двое, в лифте. Ведь их тоже рожали матери, рожали для радости. Они тоже играли в игрушки... Но — в какие игрушки? Вот в эти — страшные? Это уродство они видели перед собой каждый день? В жизни человека все связано. Это только мы придумали, что может быть "выше" среды, "выше" быта, "выше" жизни. Вранье! Нельзя! Даже если каждый день читать Ахматову — и ходить по грязным улицам и ездить в раскуроченных автобусах — толку не будет. А наши школы, вузы, ПТУ — на что они похожи?! Я видел американский колледж — боже мой! Какие аудитории, какие лужайки! Там просто не в о з м о ж н о НЕ БЫТЬ ученым, политиком, менеджером высокого класса. Там невозможно НЕ БЫТЬ порядочным человеком! А я, когда в энный раз прохожу по перекопаным улицам Москвы, по вздыбленному асфальту, я понимаю — это конец, ведь началось благоустройство!!! Это значит — вечная грязь, вечные окопы, вечные рытвины — попробуйте без приключений добраться хотя бы до нашего театра! Для меня поломка моей машины, самая пустяковая, — это греческая трагедия: я страдаю, когда должен отдавать ее варвару, который, что-то жуя, говорит: "Ну, чо

там?" — и я знаю, что сейчас он размахнется своей кувалдой и трахнет по моей живой машине! И так мы живем каждый день, каждый час — так чего же мы еще хотим?

В той же Америке и общая атмосфера другая: там тоже все торопятся (весь мир торопится), но это не значит, что вас собьют с ног, пихнут локтями, оботрут со всех сторон спортивной сумкой, висящей непременно через плечо... Если у кого-то авария в дороге, колонна машин не будет истерически гудеть, а кто-нибудь обязательно выйдет и сочувственно спросит: чем помочь? Одну мою знакомую, задержавшуюся на улице у какого-то объявления, тут же спросил прохожий: "Чем вам помочь?" Она поражена до сих пор — потому что первый вопрос, который она услышала в чужой стране, был именно этот: ЧЕМ ВАМ ПОМОЧЬ?

И начинается это уважение к человеку с детства. Вот детский аттракцион. Ребенок качается на лошади — за две минуты надо там платить какую-то ерунду. Рядом стоят его мать и еще две молодые пары с детьми. Две минуты истекли. Но ребенок продолжает качаться. Я с интересом советского человека жду: что будет? Кто первым поднимет крик? Кто заорет: "Женщина, снимите своего ребенка, вы тут не одна, у других тоже дети есть!" Ничего подобного. Две пары ждут, по-прежнему улыбаясь. Мать тоже ждет. И опять же все построено на здравом смысле! Ну сколько еще этот наездник может "продержаться"? Ведь это ребенок, ему скоро это надоест! Так и вышло — этому мальчику через полминуты скачка

надоела, он сам стал слезать с лошади — и все довольны, все понимающе улыбаются... Что было бы за эти полминуты у нас — страшно подумать!

И это уважение к человеку как к личности касается и других вещей — даже самых драматичных. Смотрю я как-то американскую передачу, что-то там говорит дикторша, очень красивая женщина, вдруг мой друг говорит: обрати внимание, у нее вместо одной кисти — культя, сейчас она перевернет страницу — и ты увидишь. Я говорю: не может быть! Чтоб диктора с культей выпустили на экран, под миллионы глаз?! Я сам актер, я знаю, что так не бывает! Но смотрю: действительно, эта дикторша переворачивает страницу... культей!!! Понимаете? И никаких комплексов у этой женщины нет: она ее не прячет, не стесняется, не краснеет — ну так вышло в ее жизни, что ж теперь?! Она ведь не перестала быть человеком? Ведь все при ней: ее ум, красота, умение общаться. И каждый из американцев, наверное, глядя на эту женщину, думает: черт возьми! Ведь если это не помешало ей всего добиться, то и я смогу добиться чего-нибудь в жизни! Вот в этом — великий урок американцев и вообще Запада, а не в том, что там универсамы забиты шмотками (что, впрочем, тоже немаловажно для человеческого достоинства). Я видел, как на том же американском телевидении отбирают дикторов и ведущих и как там вместе занимаются аэробикой какая-нибудь точеная красавица и толстуха, которая тоже, точно так же (пусть смешно, пусть неумело) повторяет те же движения. В этом есть

свой великий смысл: кому-то для стимула жизни нужна точеная красавица, а кто-то подумает: нет, это не для меня — "слишком высоко"!

— **А когда идеалы "слишком высоко", от них мало толку?**

— Вот именно. Зато обыкновенный человек, увидев толстуху, обрадуется ей как родной: ведь она — это я! Черт возьми, ведь она — как раз для меня, значит, я в жизни тоже что-то могу, тоже что-то значу, не одним красавицам и красавцам принадлежит мир! Вот что такое уважение к человеку, а в итоге — и к своей собственной стране, которая тоже уважает и ценит каждого...

— **Мы знаем, что мы — великая страна, но величие наше какое-то странное: от самоуничтожения (куда мне!) до самовознесения (никто, кроме меня!) Хорошо еще, когда такое продолжается только в подростковом возрасте, а если всю жизнь? Метафора поэта "моя страна — подросток" — это, оказывается, очень сомнительный комплимент стране, сохранившей инфантильность в 70 "с хвостиком" лет! Недавно один высокопрофессиональный хиромант сказал, что он исследовал детские руки детей разных стран, с тем чтобы прогнозировать по ним будущее народов. Так вот, по ладонкам детей из Советского Союза ясно видно, что нас ждет вырождение гено типа, вырождение нации. Уже по детским ладоням это ясно!**

— Ну а что вы хотите? Нельзя жить во всеобщем цинизме, во всеобщей ненависти, всеобщем варварстве, не думая о будущем. Я был в Израиле — там публика,

конечно, разная, есть евреи из ФРГ, США, есть "наши" евреи — у всех есть свой маленький бизнес. Я люблю этот народ — не знаю даже почему. Но встречал внешне вполне интеллигентных людей, которые испытывают к евреям прямо-таки биологическую ненависть...

— Опасно, что эта биологическая ненависть потом становится каким-нибудь "патриотическим движением", куда косяком, как водится, "первою идет молодежь". Отсюда — Сумгаит, Фергана, Ош, недавно вот Наманган...

— Какая страна — такая и молодежь. Хотя каждый должен отвечать и сам за себя... Ну так вот, об Израиле. Я там у них спросил: покажите мне настоящего еврея и объясните, что вы вкладываете в это понятие? Мне показали прекрасного 18-летнего юношу с удивительно тонкими чертами лица и сказали: вот он — настоящий еврей, какими должны быть все евреи, и, может быть, поэтому мы все здесь со всего мира собрались, чтобы вырастить вот такого юношу. Вырастить "породу". Это — наша надежда.

— Так, может быть, вообще надо "выращивать" молодых не как абстрактного "советского человека", а как надежду народа? Который бы чувствовал, что он — русский, армянин, грузин, что за его плечами — история, культура, репутация народа. Что он — не пыль на ветру. Тогда, может быть, и девочки у гостиниц вспомнят, что "русские женщины" — это не интердевочки по 10 долларов за ночь, каких полно во всем мире, а женщины Толстого, на кото-

рых помешан Запад? И та 13-летняя секс-бомба не будет иметь по 25 партнеров за год, потому что будет с юности понимать: она — русская и должна родить России сына-богатыря — умного, крепкого, благородного, как в пушкинских сказках. И для мужчины в 13—14 лет его подружка будет не "бля", а любимая, человек, личность. Я понимаю, что все это тоже похоже на восковые крылья, обруганные мною же, и похоже на это: "Давай, брат, воспарим!" — но ведь за державу обидно! За державу, которая никого не могла "удержать" на должной высоте — в том числе и свою молодежь...

— Ну, для этого нужен другой воздух, другая биология, другая порода людей, а пока мы живем, как живем — ничего другого произвести на свет мы просто не можем. Нельзя говорить о любви к человечеству, ежедневно ненавидя друг друга. У меня такое чувство, что все мы играем плохую пьесу, плохой спектакль и нет ему конца...

— Ну, а ведь вы как-то уцелели в этой пьесе? Не поддались мясорубке-режиссеру? Как вам удалось и удается играть всегда самого себя?

— Понятия не имею. Киплинг-говский кот всегда гулял сам по себе — и я вот всегда хотел быть таким котом. И еще: мое ремесло — то, что я умею делать на сцене, — делает меня независимым.

— Может быть, вместе с чувством собственного достоинства КОЕ-ЧТО УМЕТЬ — это главный способ в жизни отстоять свою независимость?

— Советовать и рекомендовать я не могу. Но, видимо, КОЕ-ЧТО УМЕТЬ необходимо. Извините, мне пора: сегодня футбол!

На этом наша встреча с Арменом Борисовичем закончилась, а вернее — прервалась. Как фильм, не досмотренный до конца. В этом фильме, может быть, много чего не было, но одного в нем не было точно: вранья. Утешительных иллюзий. Compliments "нашей замечательной молодежи". Заигрывания с ней. И пока бегут титры без музыки — молчание тоже для чего-то существует в нашей жизни, и пока не появилось слово "КОНЕЦ", мне хочется сказать кое-что "от себя лично". А именно: каждый из нас погружен в поток времени, выпрыгнуть из которого нельзя. Времена не выбирают — в них живут и умирают. Не выбирают родину, не выбирают отца и мать. Но выбрать самого себя — можно! "Выбирать свойственно человеку!" — как сказал один умный и самолюбивый человек, обремененный чувством собственного достоинства. Можно выбирать, где тебе быть: в толпе, в стаде — или быть кошкой, которая гуляет сама по себе.

Можно выбирать — пить из лужи, из горла — или все-таки из стакана, желательнее чистого. Любить — или "трахаться", делать свою жизнь осмысленной — или вешать самому себе лапшу на уши, а потом долго и страстно искать, "кто виноват". Главное — не врать ни себе, ни другим. И не быть лапшой. Главное — быть человеком.

Наталья АЙРАПЕТОВА

Татьяна СМЕРТИНА

ОБЛЕТАЮЩИЙ ЦВЕТ

х х х

*Наконец-то мне —
тринадцать лет!
Я умею летать, колдовать,
Верить в Свет!
В мотылька превращаться
И в птицу,
И царевной любимому снится,
И русалкой под воду нырять,
И зачем-то
среди ночи рыдать...*

х х х

*В еловой глуши,
В сосновой тиши,
Где избы в росе,
Где туманы наплывны —
Оплаканы все
Индийские фильмы.*

х х х

Небо вспыхнуло рано,
В Вятке высветлив дно.
Посредине бесславно
Кольхнулось бревно.
Лодку правлю я прямо,
Чтоб догнать, перегнать.
Хорошо, что спит мама
И не будет ругать...

Всё осклизло бревно,
Мне оно ни к чему,
Крутанулось темно,
Полоснуло корму.

Мои вздохи средь Вятки
И блистанье весла...
И так помыслы сладки,
И так вербна весна!

ЯБЛОКО ПОЗНАНИЯ

Яблоки спелые падали.
Нам вновь про Ньютона задали.
Не раскрывалась учебника тяжесть,
Вздохи за вздохом летели...
Яблоко — вниз!

И отава смыкалась.
Надо учить в самом деле...

Вот оно хладно лежит на земле,
Ветром сточёно, упадчиво...
Вновь несуразное чудится мне —
Вечер, как яблоко, вкрадчиво
В сад закатился,

боками краснеет
И на глазах моих радостно спеет.
Двину ладонью его от стены —
Вечер познания,
с листочком луны...

ДЕВА-ЧЕРЕМУХА

Кто ходил здесь, мир знает —
Уж того близко нет.
Лишь следы наполняет
Облетающий цвет.

Иль, черемуха-дева,
Рвешься следом бежать?
В этой тихой и белой
Пенной юбке до пят?

Только ноги — как встыли.
Крики в горле стоят.
Если любит любимый —
Сам вернется назад.

х х х

Не покидай, не уходи!
Как ветер бьется,
Ветер бьется...
Он вербу смял и заломил
И над заломленной
Смеется...

Тебя я, милый, не звала.
И не умела быть я
Смелой.
Но так ждала,
Но так ждала
На пристани окоченелой!

И вот по трапу
Ты сошел.
Волна качалась,
Причитала...
Рванулась —
Мимо ты прошел!
А я — тебя,
Тебя встречала...

ФИРМА
"КАТЯ"

Фото Анатолия ЗЫБИНА

Мои родители бедные люди, хотя и с высшим образованием. Они не бывают за границей и вообще ничего в жизни не добились. Когда я смотрю, как одеты некоторые девочки — все вещи из-за бугра, — я завидую им, хотя знаю, что завидовать плохо, и чувствую себя несчастной.

**Инна Т.,
Ростов-на-Дону**

— **А тебе завидуют?** — спросили мы девятиклассницу Катю, которая всегда интересно и хорошо одета.

— Не знаю, не чувствовала. Иногда, правда, наденешь что-нибудь новое и услышишь: "О, прикид попсовый!" Это высшая похвала. А иногда спрашивают: "Фирма?" Да, отвечаю, фирма "Катя".

Катя все шьет и вяжет сама, и мы попросили ее продемонстрировать в нашем ателье свои вещи.

— **Катя, мы же договорились — свои! А ты позируешь перед объективом в кожаной куртке.**

— Я ее тоже сшила сама. Мы с мамой как-то купили обрезки кожи в магазине "Пионер". Работа, конечно, адская. Надо было кусочек к кусочку подобрать, плотно сшить, потом раскрыть по выкройке. Но зато было интересно: из ничего — вещь! Кожаную куртку ведь не купишь — бешеные деньги! — а хочется. Я вот и сумку сама сшила...

— **Что, ты считаешь, должна иметь твоя ровесница в своем гардеробе?**

— Джинсы, кроссовки, две куртки... У меня, кроме кожаной, есть еще куртка из плащевки на теплой подстежке, которую я сде-

лала из старой детской шубы, и еще легкая курточка типа ветровки. Я считаю, необходимо два-три джемпера. Надоели, вышли из моды — можно распустить и связать новые. А можно обновить старый скучный джемпер, не перевязывая. Сделать, например, из шелка или старых кожаных перчаток аппликации или отдельно связать всякие штучки — круги, бантики и нашить на кофточку. Надо иметь хотя бы одну юбку или юбку-брюки. И еще легкие брюки любой длины и ширины — кому какие идут, — гладкие или в цветочек, со складочками у пояса. На лето неплохо сшить пару платьев. Я сшила себе одно в стиле "кантри", то есть деревенское, а другое в романтическом стиле. Чуть не забыла, на лето еще нужны майки, их тоже, кстати, можно украсить вышивкой или аппликацией, кому как нравится. Вообще, мне кажется, в одежде нужно больше смелости и изобретательности. Можно достать старые бабушкины и дедушкины шляпы, обвязать туюлю шарфом, шнурком... Знаете, бывает очень забавно: старая вещь сразу переносится в наше время и просится на улицу.

— **Значит, можно обойтись без фирменных вещей?**

— Почти. Все-таки неплохо бы иметь фирменные джинсы...

— **Где ты научилась шить? На уроках труда?**

— Да, нас этому учили. Но, честно говоря, у меня хуже выходит, когда "надо", а не когда "хочу". Если мне хочется скорее что-то сделать и надеть, я обращаюсь к маме. Она все умеет и хорошо объясняет.

— **А кто она по профессии?**

— Инженер. Мама считает, что

все надо делать профессионально. Во всяком случае, стремиться к этому. У меня пока не все получается, и кто-то, наверное, заметит дефекты в моей одежде, скажет, чего доброго, "самопал". Но я стараюсь. Потому что согласна с мамой: сейчас вообще такое время — всюду требуется профессионализм, без него ничего не добьешься в жизни.

— Ты хочешь стать модельером?

— Нет, мечтаю о Строгановке — Высшем художественно-промышленном училище. Сейчас беру уроки у художника. Специальность пока точно не определила.

— Как же у тебя хватает на все времени? Ты, наверное, никуда не ходишь?

— Ну почему, мы с друзьями развлекаемся, как все. Времени, конечно, не хватает, но я, например, не сижу часами у телевизора, заранее выбираю только то, что мне интересно. Когда забегает подружка, беру в руки спицы, просто люблю, когда руки заняты, а она считает, что мои спицы уют создают. Иногда можно полрукава "наболтать", слово — петля... Но иногда и бездельничаю. В общем, по настроению.

— Скажи, а твои подружки тоже умеют шить, вязать?

— Многие умеют, но не любят, видно, терпения не хватает. Иногда мне говорят: тебе хорошо, ты все можешь сама. Но кто мешает другим? Придумай что-то, найди подходящую выкройку — в "Бурде", в "Журнале мод", в "Крестьянке", в "Работнице"... И за дело!

Фирму "Катя" посетила
Нонна САВЕЛЬЕВА

Геннадий ПИКУЛЕВ

ГОЛУБАЯ РАПАНА

ПОВЕСТЬ

I

Лет двадцать назад, в ранней юности, я, как и многие керченские мальчишки, промышлял рапанами. Рапаны — это такие морские раковины-хищники. Питаются они моллюсками: устрицами и мидиями. Говорят, рапан завезли наши суда из Средиземного моря с другими ракушками, которыми со временем обрастает подводная часть судового корпуса. Рапаны эти для народного хозяйства оказались настоящим бедствием: быстро расплодилось в благодатных водах Черного моря, набросились на устричные колонии, а тех у черноморских кавказских берегов всего и было не то две, не то три, и за несколько лет рапаны сожрали устриц подчистую. После устриц они принялись за мидий. В ту пору недалеко от ресторана "Керчь" примелькался плакат "Сто блюд из мидий!" Тогда мы еще не осушили кубанские плавни под рисовые плантации, не загадили черноморскую воду и в ресторане можно было отведать не только осетринки, но и черноморской кефали и скумбрии, а на базаре десяток бычков-ратанов, бычищ, ей-богу, стоил двадцать копеек, сотня мидий — полтинник, а камбалу в стол шириной можно было купить за пятерку прямо прыгающую на прилавке, и никто за это не посадил бы вас в тюрьму. А барабуля, а сарган, а керченский залом, хотя мне больше нравился пузанок. Грабим мы себя, грабим.

Я рассказываю про обилие рыбы два десятка лет назад. А как рассказывали и о чем старики!

Да... Так вот, плов из мидий делали тогда разве что обрусевшие греки да итальянцы: вообще старые крымчаки. А много ли их осталось после войны-то? Говорят, когда наши во второй и окончательный раз освободили Керчь, живого мирного населения насчитали девяносто восемь человек. Это по тем понятиям живого: раз дышат, значит, живут. А по нашим сытым временам таких людей и полуживыми-то стыдно было бы назвать. Между прочим, среди этих девяносто восьми человек дышала и моя будущая, тогда юная теща. Ох, судьба, судьба! По многолетним наблюдениям над собой я пришел к выводу, что человек я, в общем-то, незлой. Но, ей-богу, если бы после освобождения Керчи наши солдаты извлекли из подвалов не девяносто восемь перепуганных жителей, а девяносто семь, пожалуй, сердце мое не сжалось бы от страдания. А может, даже и возрадовалось бы.

Так вот, говорю я, промышляли мы тогда рапанами.

К середине шестидесятых страна вроде вовсе оправилась от войны: у стройбанков денежки завелись, подросло послевоенное поколение, стало кому заменять баб на мужских работах, хотя, говоря честно, наша неразумная политика с распределением рабочей силы в конце концов и приведет нас к гибели. Власть рабочих, само собой, прежде всего позаботилась, чтобы отныне и присно и во веки веков всем хватало работы. Для рабочего человека работа — это все: уважение жены, мясо в борще, любовь ближних, обутые-одетые дети, крыша без дыр над головой... Это так мыслилось, за это в конечном счете шли умирать на баррикады. А как получилось? Власть-то взяли, да не подумали, что власть — это прежде всего сила. А сила — это прежде всего производительность труда, не важно, что производится: каменные топоры, мечи, хлеб, пушки, губная помада, лазеры. А производительность труда — это прежде всего конкуренция. А конкуренция и опасение потерять работу невозможны без... Впрочем, я не об этом. Тогда я ничего этого еще не знал. Это сейчас я все знаю: два института закончил, с женой разошелся — тоже опыт немалый. С женой я разошелся потому, что я ей в конце концов осточертел тем, что все знаю. Поводом для ее ухода послужил вот какой случай. Купила она себе заграничные туфли и поставила в спальне на шифоньер: год любовалась. Как-то звонит у двери цыганка: грязная, босая, с двумя сопливыми детишками — дайте двадцать копеек на дорогу домой. Летом этих цыганок на юге — полчища. И всем не хватает двадцать копеек, чтобы доехать до дому. Дал я ей полтинник. Может, говорит, старенькая одежонка есть для детей? Нету, говорю, у нас детей, если хочешь, да мужнины туфли. Жена пришла — и в обморок. Я ей объясняю, мол, женщина босая, понимаешь: бо-са-я! Дал бы, говорит, мои тапочки. Я ей: что, мол, я — дурак? Ты в тапочках каждый день ходишь, а туфли за год ни разу не надела.

— Марк, — сказала жена, собирая вещи. — Я устала.

Возможно, читатель улыбнулся и подумал: развеселый рассказчик попался, то-то он меня сейчас насмешит. Увы. Я всегда печален, и все, о чем я рассказываю, печально. Ей-богу, мне можно было бы присвоить звание Рыцаря Печального Образа, не будь я от природы не по-рыцарски осторожен. Вот и туфли: я возненавидел их из осторожности — уж больно жена в них красива.

Так вот, страна стала отстраиваться, в Керчи соорудили бетонную набережную с разными там фонтанчиками, стали благоустраивать центр. Снесли старинный дом "Военторга", изрешеченный пулями, с пивной рядом — там сейчас шикарный "Универмаг", — и вот тут-то все и началось: в кирпичной кладке пивной нашли кувшинчик с золотыми древнегреческими монетами. А может, с царскими, не помню.

Нам с Петькой Рыжовым тогда стукнуло по шестнадцать, и мы твердо решили приобрести парусно-моторную шлюпку и укатить куда глаза глядят: в открытое море. Авось подвезет и наткнемся на необитаемый остров. У Петьки отец пил запоями и колотил по пьяни мать, а Петьку — и по пьяни, и по-трезвому. Я жил у тетки Изабеллы Станиславовны, материнной сестры: по матери я польско-испано-франко-итальяно-эскимосских кровей, короче, сам черт не разберет, и тетка все пыталась

научить меня говорить то по-польски, то по-французски, то по-итальянски, и мне тоже было либо в прорубь головой, либо на необитаемый остров. Про необитаемый остров — это я для красного словца, а на самом деле мы хотели мотнуть за границу и пристроиться к "Битлзам": я неплохо бренчал на шестиструнке и пел на четырех языках русские частушки, а Петька показывал умопомрачительные фокусы — например, проглатывал сырое воробьиное яйцо и тут же выплевывал живого воробья. Мы даже воробьев наловчились ловить почти голыми руками. Петька погиб в свой самый первый рейс и не посреди бушующего океана, а в мелководном Азовском море, на лихтере "Рокша". "Рокша" таскала агломерат из Керчи в Мариуполь. План жал, поторопились с загрузкой, не рассчитали, прихватил небольшой штормишко, и судно разломилось на волне: горячий агломерат стал гулять в трюме. Погибли все, погиб и Петька-фокусник, мой первый закадычный дружок. Да и последний, кажется.

Парусно-моторная шлюпка была нам позарез нужна, а тут кувшинчик с царскими золотыми! Недели две выстукивали мы стены всех старых домов. Кое-где нам давали по шее, кое-где мы успевали спереть чалку бычков из двора, а вот кое-где...

А вот кое-где...

Была майская тихая ночь. В том году зима отстояла теплая, солнечная, как сейчас помню, на День Советской Армии зацвел миндаль: двадцать третьего февраля, когда я выглянул из окна во дворик, я увидел, что деревце миндаля стоит бледно-розовое, даже белое. Я было подумал: уж не снег ли выпал? Но это за одну ночь расцвел миндаль. Миндаль всегда зацветает первым.

Весь март жарило солнце, а в апреле туристов уже понаехало, курортников — не протолкнешься. В мае мы с Петькой взялись отлавливать рапан. Правда, вода у дна была еще очень холодной, и мы ныряли в свитерах и в трико. Кто не знает, пусть не улыбается — в холодной воде свитер также помогает, как и на холодном воздухе: не дает смывать согретый телом слой воды. И все пошло бы, как всегда, но...

Но этот чертов кувшин с золотом!

Это вам не по полтиннику продавать раковины туристам. Тем более все утро надо нырять в свитере, с сеткой у пояса, ножом отколупывать раковины от донных камней и складывать рапаны в сетку. Хорошо еще набредешь на богатую колонию, где есть много больших, взрослых рапан. А малолетки идут по тридцать копеек. Но мы с Петькой знали хорошие места, заветные, и никому о них не говорили. Правда, там было много ржавого металла, оставшегося еще с войны, а на изорванных судовых бортах — шуба из мидий, по которой стоит терануться голым животом, и всю жизнь от тебя на пляже будут шарахаться: изрежешься. Но зато и рапаны там были — ого-го! А потом надо специальным отточенным крючком из проволоки вырывать из раковин самих моллюсков, раковины кое-где подшлифовывать, лакировать, а на внутренней бледно-розовой стороне рисовать какую-нибудь чертовщину: то якорь, обвитый вместо цепи змеей, то парусник, то просто пиратский флаг, а то и голую — ох, простите! — обнаженную девку, изображающую русалку. Сами понимаете: на вкус и цвет...

Петька Рыжов был отличным нырятьщиком, на десятиметровой глубине он работал, как я за столом с кисточкой, а кроме того Петька начал заниматься тогда еще не очень распространенным видом спорта — дзюдо: чтобы научиться защищать мать от пьяного отца. Отец у него был дядька метра два с лишком. Так что конкуренты нас побаивались, зная о дзюдо. А я был не только хорошим шлифовальщиком и рисовальщиком, но и отличным торгашом. А уж чего-чего только не плел я иностранцам! Меня даже однажды кое-куда пригласили и кое-что сказали, но, извините, не велели говорить что.

И вдруг этот кувшин! Да если бы только кувшин...

Ранней весной решили городские власти строить новый автовокзал. И то, старый больше был похож на почтовую станцию пушкинских времен для перекладных. Вызвали бульдозер, стал тот стройплощадку очищать от мусора. Посреди площадки — бугор какой-то, туда близящиеся хозяйки помои выносили. Бульдозерист угол у бугра снес, и вдруг — рrrrrr: стоп! Глыба каменная. Вызвал прораба, тот на логарифмической линейке подсчитал, сколько взрывчатки надо, чтоб глыбу своротить, и поехал в "Бурвзрывпром" договариваться насчет взрывников. Бульдозерист фуфаечку на гусеницу расстелил и дремлет, пузо греет, динамиту дожидается. Тут какая-то старушенция с базара идет, видит такую картину и, душа добрая, говорит:

— Притомился, сердешный? На соленый огурчик.

Бульдозерист сигаретку сплюнул, огурец взял и отвечает:

— Взрывных дел мастеров жду, бабуля. Мой танк, — по гусенице, говоря, этак похлопал с сожалением, — мой танк не берет вражеское укрепление. Взрывать будем проклятый холм.

Старушка перепугалась, перекрестилась да в милицию: домишко, мол, старый, совсем рядышком, ну как развалится? Я, дескать, две войны пережила, бомб страсть как боюсь, может, на время переселите? Милиция — в горком на предмет переселения, горком — в музей на предмет опознания глыбы. С одной стороны к холмику прораб идет с детиной рядом, у детины бур ручной на плече, сумка с динамитными шашками, с другой стороны мужичок в белых брючках, в очках подходит и с ним девица какая-то, мороженое лижет. Говорят, девка, как угол каменюки увидела, закричала не своим голосом и мороженое целиком так и проглотила: дурно ей стало. А мужичок на пузо упал и ужом к каменюке пополз, рассматривает, пальчиком притрагивается, своротить каменюку с места боится. Вот уж город хохотал!

Оказалось, древнеэрное захоронение. Неразграбленное! Золотишка оттуда выудили — страсть! Два месяца в музее выставлено было: мы с Петькой каждый день ходили, все вздыхали да переглядывались. Особенно мне там монисто понравилось. Одного его поди на всю шлюпку с полным снаряжением хватило бы. А от каждой штуковины древней проволочка тайная идет: мы сами видели. И возле непробиваемого стекла милиционер с пистолетом на боку день и ночь стоит. Один с нами даже здороваться стал, мы соврали, будто из кружка юных археологов.

Через два месяца золотишко в Эрмитаж увезли. Под спецконвоем и наблюдением, в бронированном вагоне.

Когда я рассказал тетке про Эрмитаж, она не преминула изречь по-латыни, помешивая ложкой молочный суп с рисом, который я терпеть не мог:

— Арс лонга, вита бревис.

— Беллум омниум, контра омнес, — яростно ответил я ей тоже по-латыни, потому что Изабелла Станиславовна ненавидела Гоббса, и удалил из-за стола.

Только в городе улеглось — нате! Два гэпэтэушника-первогодка при строительстве портового причала нашли россыпь золотых монет. Пришли в магазин и шепчут: "Тетя, дай бутылку вина и две пачки с фильтром". И монету суют. "Еще есть?" — затряслась продавщица. "А вот", — говорят и по раздувшимся карманам хлопают.

Та и брякнулась на пол.

В общем, с этими реконструкциями весь город будто ополоумел: не Керчь, а натуральный Пантикапей. Ну и мы с Петькой хоть малость и поумней других, но тоже поддались общему угару.

Как я уже говорил, стояла тихая ночь. Май был на исходе. Пахло акацией. Полная луна высветила поперек пролива мерцающую дорожку, и в ней какими-то космическими цветами переливались пятна нефти. Буи мигали, топовый фонарь небольшого суденышка плыл по фарватеру канала от Варзовского маяка в направлении к Черному морю.

В Керчи, когда цветет акация, всегда начинают дуть сильные ветры: наверно, чтоб лучше произошло опыление. Ветры, как правило, работают в эту пору верховых направлений: трамонтана — северный и грего — северо-восточный. Поэтому по ночам становится прохладно, даже холодно.

Но в эту зиму и весну все шло как-то не по графику: и в пору цветения акации безветрие стояло такое, что нежный запах не просто сладко дурманил — от него подташнивало. И тепло было до духоты: мы с Петькой шли без пиджаков, в одних рубашках.

Шли мы к старой бане: дня два тому назад ее начали ломать.

Петька, уходя по ночам, коротко бросал матери: "На рыбалку", а я объяснял дотошной Изабелле Станиславовне, что нынче хорошо идет ставридка, что ставридка идет на свет, а поэтому ловить ее надо ночью. Тетушка думала, взвешивала все за и против, потом решала: "Кум део", — и я уходил. Обмануть ее было проще пареной репы. Кроме того, существовало еще одно средство, прибегнув к которому я мог бы добиться снятия любого вето, но я за всю жизнь лишь один раз прибегнул к этому средству: когда мне было лет десять и тетушка не пустила меня в трехдневную самодеятельную экспедицию по приручению дельфина. Это было после фильма "Человек-амфибия", кажется, а может, после книги, не помню уж — тетушка с ранних лет стала изводить меня чтением, и у меня в голове все смешалось, как в доме Облонских. Когда Изабелла Станиславовна не пустила меня в экспедицию и даже топнула ногой, я тоже топнул и грозно крикнул:

— Если я не пойду, за это могут расстрелять!

Щеки у Изабеллы Станиславовны опали, она подкошенно глянула на

кого-то мимо меня, глаза у нее загорелись сухим ужасом, и она предсмертно прошептала:

— Матка бозка! Да, да, за это могут расстрелять. Иди.

Я трусливо убежал и, пока бежал к мальчишкам, даже всхлипнул от стыда и боли. К этому средству я не прибегнул ни разу, повзрослев: уже когда работал юнгой-практикантом на землечерпалке, уже когда познакомился с Гриней Топчием, уже когда нашел лунную рапану и потерял первую любовь, до самой тетушкиной смерти — она умерла, когда я вернулся из армии.

Итак, мы шли к старой бане.

Тихо, гулко и таинственно было в пустых душевых. Через разобранную крышу светила полная луна — Петька лишь изредка включал фонарик. Разбитые кирпичи кричали под ногами, хрустели осколки стекла, будто чьи-то кости, вывороченные из стен трубы торчали, как ребра скелетов, и пахло сырой могильной плесенью. Какие-то птицы, мелькнув тенями, бесшумно вознеслись в лунное небо. Петька отпрянул назад и глухо сказал:

— Ты молитву какую-нибудь помнишь?

— Помню, — ответил я и засмеялся: я боялся только одного — как бы не порвать о железяки босоножки, на которые Изабелла Станиславовна с таким трудом сэкономила, она мне все время об этом напоминала, о босоножках, чтоб я помнил о них.

— Чего лыбишься? — проворчал Петька. — Ты за кого меня принимаешь? Молитва — это чтоб клад найти, не кумекаешь?

Я совсем было захохотал: Петька, наверно, начитался какой-нибудь детской дряни, ничего серьезного он не читал.

— Валяй, — приказал Петька. — У меня батя, когда с похмелья умирает, всегда молитвы читает. Только не разберешь, что бормочет.

— Помогает? — удивился я.

— Лучше, конечно, опохмелиться. Но если нечем, помогает. Шпарть, только на русском.

Я подумал, выбрал простейшую и начал:

— Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твое, да прииде царствие твое, да буде воля твоя, яко на небе, такмо и на земли...

— Иже — это ежели? — перебил Петька. — Ежели ты на небеси? А где же он должен быть, в душевых, что ли?

— Иже — это который, — пояснил я. — Может, по-латыни? Или на испанском?

— На китайском, — обиделся Петька.

— Такмо и на земли, — зевнув, продолжал я. — Хлеб наш насущный дашь нам днесь. Отпусти нам долги наши, яко мы должникам нашим отпускаем...

— Ишь ты, — удивился Петька. — Долги списывают?

— Списывают, — подтвердил я. — Яко мы должникам нашим отпускаем. Не введи во искушение, но избави от лукавого, яко царствие твое есть сила и слава Отца и Сына, и Святого Духа отныне и присно и во веки веков...

— Аминь, — сказала что-то за спиной: рокошущий голос долго ты-

кался в разрушенные стены душевых, ваннных комнат и увяз где-то в пыли общего зала, а мы все не оборачивались.

— Ин номине падре, эт фили, эт спиритус санкци, — сказал я и подождал, но по-латыни оно не сказало ничего.

— Амен, — окончил я и обернулся.

Петька встал в стойку.

— Я думал сначала — менты, — проворчало оно и выплыло на лунный свет. — Курить нету?

— Я не курю, — сказал я и покашлял. — Туберкулез.

— А мне тренер не разрешает, — сказал Петька и сделал несколько подсечек. — Чтoб не потерять звание чемпиона республики.

— По бегу? — поинтересовался голос и совсем показался.

Петька включил фонарик.

Здоровенный парняга метнулся к куче битого кирпича и размахнулся.

Петька щелкнул выключателем, и мы прилипли к стенам, боясь бежать, чтобы не получить удар в затылок.

— Включишь фонарь, выключу тебя, — спокойно предупредил парень и выбросил кирпич. — Всерьез не курите?

— Всерьез, — сказал я. — Никотин — яд, что в нем толку?

— Ты еще про долгожителей расскажи, — проворчал парняга. — Что за житуха покатила? Каждая вот такая, — он показал здоровенной ручищей над полом, — каждая вот такая малявка в юбке — с сигареткой пляшет, а два здоровенных парня — не курят.

— Петьке и вправду тренер не разрешает, — польщенный эпитетом "здоровенный", объяснил я. — А мне за компанию не хочется.

— Ну и ну, — удивился парняга. — Гриня меня зовут. Совсем малолетки, — сказал он, приглядываясь к нам. — Мне сперва показалось — милиция, потом — бичи, а вы... Вы что тут шарите?

— Клад ищем, — сказал я правду.

— Кла-а-ад, — уважительно протянул Гриня. — Это другое дело, — он оглядел мутные стены. — Я бы тоже в дело вошел, но у меня инструмента нет, а на заниженный пай я не пойду: гордость не позволит. Частенько находите?

— Только начали, — неохотно сознался Петька, и мы переглянулись: нам стало совестно, что мы так непроизводительно работаем.

— Найдете, — великодушно уверил Гриня. — Менты не стопорят?

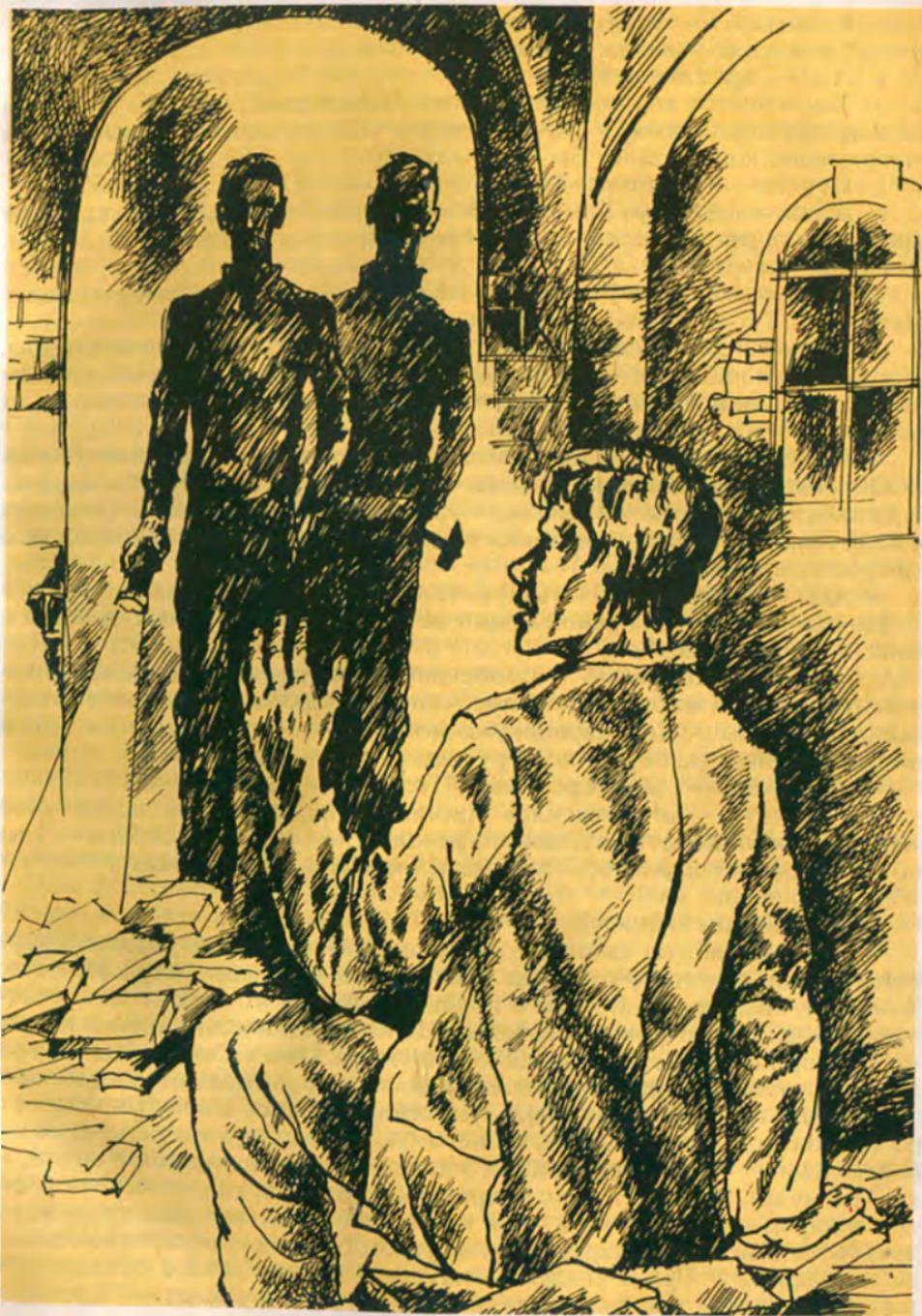
— Чего?

— Я говорю, милиция не мешает?

— А какое милиции дело?

— Ну, братцы, — удивился Гриня. — Милиции до всего есть дело, на то она и милиция. Люди они добросовестные, хлеб зазря не едят. Сидел я с одним кладоискателем... где же, где же? — Гриня потер высокий и благородный — даже в лунном свете — лоб. — Во второй иркутской, кажись. Нет, в херсонской, — радостно вспомнил он. — Комаров там — страсть: За час прогулки крови больше выпьют, чем режимняк за весь срок в зоне.

Рисунки Игоря СУСЛОВА

- Режимняк? — переспросил Петька.
- Начальник режима, — пояснил Гриня.
- А-а, — протянули мы.
- Так вот этот кладоискатель искал, искал клад, а потом отчаялся да и проколотил стенку в "Ювелирторге". То-то золотишка из мужика вытряхнули, когда взяли. Вы не из таких?
- Нет-нет, — уверили мы.
- Жаль, — вздохнул Гриня. — В этом деле я мог бы сгодиться. Для организации связи с персоналом, с продавщицами то есть, — он зевнул.
- Где же закурить?
- Я, пожалуй, мог бы у отца спереть, — неуверенно предложил Петька. — Тут недалеко. Да вот не знаю... как дружок.
- Тащи, — довольный, сказал я: нам еще никогда не приходилось сталкиваться лоб в лоб с настоящим крупным вором, который даже не помнит точно, в какой тюрьме и что с ним происходило — столько их поменял!
- Раз уж мы скентовались, захвати и жратвы, — предложил Гриня.
- Окорок, курицу или язык бизона, запеченный в тесте. Хлеба, корочка. А дружка я оставлю заложником, — вроде бы в шутку сказал он, подходя к нам: Гриня легонько полуобнял меня за плечи, и я почувствовал всю могучесть его хватки.
- Ага, — согласился Петька, исчезая голубым призраком.
- Но оказалось, что никакой Гриня не вор, а так — воришка. А может, даже и не воришка.
- Завтра переоденусь, — пообещал он, когда мы, полулежа на каком-то тряпье и картонках, полуночиляли хлебом, огурцами и вялеными бычками. — Дни жаркие, уже можно. А то в этом драном хэбэ и на работу нигде не берут: по перу видно, что за птица.
- А как это? — заинтересовался Петька. — Может, и мы?
- Нет-нет, — не согласился Гриня. — Мне статью за вовлечение малолеток схлопотать — никакого резону. Вы — сами по себе, я — сам по себе. Хлеба маловато, — вздохнул он, с сопением чавкая.
- Весь спер.
- Гриня закурил "Приму".
- Техника работы такова, — начал он, развалившись на листах картона, а тряпье он сгреб себе под локоть. — Лето. Крым. Жара. Не лето, но еще лучше: приезжают аж в плащах. Гуляешь по городу и высматриваешь залетного фраера-одиночку. Чтоб в костюме хорошем, в новых туфлях, при галстукке и по твоей комплекции. Они с Севера, как за три года раз в отпуск вырвутся на юг, сразу во все новое одеваются: особенно лесорубы и геологи. Ходит наш гусь северный, гусь лапчатый, глазает по сторонам, а ты — за ним, на него глазаешь. Он в очередь за газировкой, и ты — за газировкой, он в кино, и ты — в кино, он в музей, и ты — в музей. Разморит его с непривычки, испечет, глядь: галстучек он уже в карман, пиджачок на руку и ковыляет, ботиночки новые жать начали. Новые, они на жаре всегда жмут, особенно после кирзовых сапог либо валенок. — Гриня сладко затянулся, вонючий дымок потянулся к звездам, и Гриня довольно приятным баритоном пропел: — "Костюм-

чик новенький, колесики со скрипом я на тюремный халатик променял..." Идешь за дурачком, пасешь его, а сам думаешь: "Ну куда ты, фраер безмозглый, денешься? Все одно сейчас пойдешь на пляж". И что ж вы думаете? Зарулил, бедолага. А народу!.. Ну, не вам говорить, вы местные. Раздевается он, костюмчик складывает, туфельки под костюмчик: блаженство! Берешь каменюку...

— Каменюку? — Петька толкнул меня локтем: мол, гляди в оба, никак шизик. Я с Петькой перетолкнулся. — Зачем каменюку?

— Сейчас узнаешь, — пообещал Гриня, все слаще зевая после позднего ужина. — Берешь каменюку, кладешь рядышком с его одеждой, раздеваешься и — нырь за ним. И вот он от радости поплыл к буям, поплыл, поплыл, поплыл...

— И вот уже видно, как что-то вдали пылит и сверлит воздух, — насмешливо продекламировал я.

— Ничего не пылит, ничего не сверлит, — не согласился Гриня. — Он к буям, а ты — к берегу. Надеваешь его рубашечку, галстук можно не повязывать, туфельки можно не надевать: ну как не налезут? Вроде желательно тебе ублажить себя, босиком по песочку пройтись после северных-то болот да тундровых бахил. Ботиночки в руке — идешь и сладко шуришься: приятно подошвам. А перед уходом карманы проверил: мол, не обокрали часом, пока купался? Деньги — сюда, — Гриня хлопнул по левой стороне драного пиджака, из него дунуло пылью, — а документы — под каменюку. Во-первых, не резон, если у тебя вдруг найдут чужие документы, мало ли что; а во-вторых, человек без штанов и документов опасен — в буйство входит. Как документы под каменюкой увидит (под каменюкой, чтоб ветром не унесло), как документы увидит, успокаивается. Вроде, мол, пропади оно пропадом, обличье, главное, самого себя нашел: без документов да еще без штанов — человека нет, так, один кукиш. Уж я-то знаю, — Гриня повозился немного и заснул.

Начался рассвет. Легкий туман проплыл над речушкой Мелек-Чесме и растворился в синем воздухе. В порту прогудел теплоход.

Мы с Петькой постучали молотком по стенам, порылись в куче битого кирпича и, позевывая, стояли и раздумывали: лезть наверх, на разломанные стены, нет ли?

Гриня посапывал во сне. Каштановые выющиеся волосы ниспадали на потный лоб. Сочные губы приоткрылись, и под ними сверкала в рассветной тени влажная полоска зубов. Затасканные брюки от рабочего хэбэ натянулись, заголив мощные загорелые икры: видать, Гриня на пляжах уже поработал, только, судя по всему, безрезультатно.

— Может, дать ему по башке? — предложил вдруг Петька. — Каменюкой. Под которую он документы засовывает.

— Вы это зря, — сказал Гриня, приоткрывая один глаз. — Каменюкой бить — больно. И статья нехорошая.

Мы шагнули назад, оглянулись на дорогу к выходу...

— Не бойтесь, — сказал Гриня, зевая и потягиваясь. — Никакой я не ворюга, это я вам баланду травил для заманухи. Одному скучно да и опасно: еще крысы нападут. Говорят, один пьяный труболет уснул в

сарая, а крысы его и съели. Сонную артерию перекусили и — обглодали. Хозяйка утром заходит, глядь: скелет лежит в рабочих ботинках — паралич ее и хватил.

— Заливать ты можешь, — согласился Петька. — А кто это — труболет?

— На тюремном жаргоне — бродяга.

— А как же ты в тюрьму угодил? — продолжал допрос Петька. — За кражи?

— Нет, — возразил Гриня, шаря под тряпками. Он нашел "Приму" и с удовольствием понюхал пачку. — За труболетство.

— За это могут расстрелять, — вспомнил я свою тетушку, и мне вдруг стало жалко Гриню-труболета. — А как же пляж? — спросил я. — Геологов обворовываешь.

— Э-э, — отмахнулся Гриня. — В тюрьме чего не наслушаешься. А я целых полгода отбубухал. — Он закурил и счастливо закрыл глаза. — Бычков не осталось?

Но бычков не осталось. Мы с Петькой переглянулись.

Уже совсем рассвело, за стенами зашаркали и застучали каблучки машины заработали, где-то хором смеялись прохожие мужики, и небо в квадрате снятой крыши стало голубым.

— И куда ж ты? — спросил Петька.

Было как-то неудобно просто взять и уйти: все-таки ночь провели вместе, вместе пили-ели, и если сейчас взять и уйти — вроде как предать бездомного человека, бросить, что ли. Никак я почему-то не мог уйти, хотя знал, что Изабелла Станиславовна уже давно прислушивается к шагам под окном, ждет и боится: не расстреляли племянника, нет ли?!

— На свалку, — Гриня вздохнул. — Куда еще? Надо брючата подыскать, а то в таком виде даже вербовать не хотят.

— Документы у тебя есть? — спросил Петька.

— Есть, — ответил Гриня, поднялся и стал послушно рыться в карманах драного пиджака, узкого в плечах и с рукавами до локтей. Гриня был на голову выше даже Петьки и намного шире в плечах, но он достал завернутые в целлофан истертые бумаги и робко протянул Петьке. Это уж потом я понял, что бродяги не боятся ничего, но вопрос о документах всегда приводит их в трепет, как мою тетушку упоминание о расстреле.

— Э-э, — сказал Петька, перелистывая паспорт. — Двадцать два года. помирать уж пора, а ты все... — Но что все, Петька не сказал. Гриня заискивающе кивнул, переминаясь с ноги на ногу. — На, — Петька презрительно усмехнулся.

Гриня засунул документы в карман и на глазах переменялся.

— Ну а ты сам-то, — он насмешливо похлопал Петьку по плечу. — Поди у мамани на шею сядишь, ножки свесил? А ножки длинные, уже по полу волочатся. Такие, как ты, мастера учить, — он пнул тряпье, разбросал картон, чтоб, наверно, не видно было, что здесь ночевали, и сказал: — Такие, как ты, с матерей начинают. Один малолетка с нами в подследственной камере сидел: мы как обвинилровку его прочли, жрать рядом с ним не могли. Для воровской практики решил он начать с мамаш: дружков подпоил, дал ключи, и пошли все вместе на дело. А тут матушка возьми и вернись с работы — чертежи какие-то забыла.

Герой наш уже пьяный спит, а те орудуют: ковры упаковывают. Матушку слегка придушили, изнасиловали, а та возьми от страдания да и помри: разрыв сердца. Мы его спрашивали, что ж ты, гад, мать-то решил огрывать? Чужих, что ль, не было? А он: боялся погореть на первый раз. Думал, ежели что, мать простит — мать все-таки... А чужие не простят. Вот и ты...

Петька шагнул вперед и вместо дзюдоистской подсечки хряпнул Гриню кулаком в глаз. Гриня отскочил, засмеялся и сказал:

— Вот теперь точно не возьмут на работу, скажут, еще и баклан.

— Кто, кто? — спросил Петька и снова шагнул.

— Баклан. Хулиган, значит, — миролюбиво пояснил Гриня и предупредил: — Только не подходи: я ударом березу переламываю. Честное слово, на спор перебивал. Вот такую, — он показал какую. Петька остановился.

— Мы с Марком на днях первый курс ГПТУ окончили, на матросов-рулевых учимся. А сейчас на рапанах зарабатываем. Клад, это мы так, в свободное время. У нас дорога — открытый океан, не твои вонючие душевые. Пошли, Апостол.

Такая была у меня кличка: Апостол. Это все из-за тетушки.

У Петьки всю жизнь неважно было с русским, историей и английским, я терпеть не мог всякие математические закорючки, и как парни взрослые мы прекрасно понимали, что люди мы никудышные и нам одна дорога — в открытый океан. После восьмилетки пошли в ГПТУ.

— После восьмилетки у всех впереди — открытый океан, — усмехнулся Гриня нам вслед. — А к двадцати двум, глядишь, и вонючей душевой рады.

Мы остановились. Ну никак не могли мы уйти, что-то нам мешало. Петька тоже тоскливо смотрел на меня и ежился.

— Ладно, — сказал вдруг он. — Айда, дам я тебе батюшкины брюки. Старенькие, правда, но как раз по тебе. Да и рубашонку подышу. На первых порах у Апостола во времянке поночуешь. У него тетка — действительно святая. Но ежели что, — он посмотрел на меня, я кивнул. — Ежели что... Я тебе не зря брючата папашины дарю. Он у меня однажды на мясокомбинате за бутылку водки быка кулаком в лоб убил: весь город знает. Он хоть и запойный, а... — но что "а", Петька не договорил: была у него такая странная манера — недоговаривать вроде бы и так все понятно, очень его учителя за это не любили. — Идешь?

— Я быка не убивал, но и единой спички ни у кого не украл, — сказал Гриня, и мы пошли.

У тетушки моей Изабеллы Станиславовны в свое время все было надломлено: нога, позвоночник, затылочная кость черепной коробки, психика и, конечно, судьба.

Отца ее, моего деда, расстреляли не то в ежовщину, не то попозже — не знаю точно за что: кажется, "за преступную связь с Тухачевским". Изабелла Станиславовна уверяла меня, что выражение "ежовы рукавицы" происходит от фамилии Ежов. Я ей уж и Даля под нос совал — не помогает. Матушка моя была помладше, та легче оправилась. Даже

музыкалку потом окончила. А тетушка уже в балетной студии училась, и со студией пришлось расстаться. Но тут встретила она хорошего человека, Бориса Львовича, портного, и не просто портного, а мастера, хоть тот и был почти глухой, и он увез тетушку из Москвы в Крым.

Казалось бы, чего может бояться человек-мастер? Пусть умирают императоры и гибнут инопланетные цивилизации, пусть философы выбивают друг другу зубы в теоретических спорах, как это делали в средние века теологи, пусть... Человек-мастер нигде не пропадет. Если он умеет шить пиджак или сапоги так, что о его работе скажут — искусство! — чего ему бояться? Его искусство пригодится во все времена и всем народам. Ан нет!

Все это оказалось лишь теоретическими выкладками. Практика указала на другое.

У Бориса Львовича был маленький домик в Керчи в три комнатки и садик-дворик: вот этот самый, где сейчас растет деревце миндаля, сумах, который в народе называют вонючкой, несколько вишен и восемнадцать корней "изабеллы". Тетушка рассказывала, что Борис Львович посадил именно этот сорт винограда в честь ее имени, а она омолаживает виноградник только этим сортом — в память о нем.

Когда немцы заняли Керчь, они собрали всех евреев во дворе тюрьмы якобы для регистрации и отправки специалистов в Германию: приказали даже явиться вымытыми и с вещичками. Тетушка моя тоже явилась с вещичками, но немецкий капитан повертел в руках документы, внимательно посмотрел на нее, усмехнулся и велел выйти из строя, вернее, из толпы. Тетушка упала на колени и заговорила с ним по-немецки, по-польски, по-французски... но больше по-немецки: капитан молчал и думал. Довод был веский — тетушка клялась честью польской шляхтички, что Борис Львович — портной-художник, портной-мастер. Наконец немец усмехнулся и сказал, что не пристало польской красавице-шляхтичке стоять на коленях перед мужчиной, пусть даже это и ариец, немецкий офицер.

Бьющуюся тетушку два солдата уволокли со двора тюрьмы.

Всех евреев: мужчин, женщин, детей — увезли за город, в Багерово, и там расстреляли у рва; был по-крымски розовый закат, и евреи плакали. Утром их закопали.

Недалеко от нас жила тетя Соня, по улице Володи Дубинина в доме номер двадцать два, его теперь нет, там стоит пятиэтажка. В эту тетю Соню попало четыре пули, и я сам видел их заросшие следы. Ночью она очнулась и уползла к домам, ее приютили и спрятали. Она тогда была юной девушкой. После войны она вышла замуж тоже за портного, и ее муж сшил мне с первого моего заработка на практике отличные брюки — зауженные, но не дудочки, и с карманными клапанами, вшитыми внутрь, — прелесть...

После того как расстреляли тетушкиного отца, после того, как ее уволокли с тюремного двора, а Борис Львович кричал ей вслед и прощался, она до сих пор верит, что за любой пуляк могут расстрелять. Но я даже в детстве над этим не шутил: очень страшно.

Ее брат Болислав, мой дядя, ушел добровольцем и служил поручиком

в Войске Польском, освобождал родину своих предков от фашистов и погиб где-то под Варшавой. Моя мать погибла вместе с отцом и всей труппой в одну минуту в пятьдесят седьмом; уже реабилитировали деда, уже мне было почти семь лет... Шофер труппы, пьяная сволочь, сел за руль автобуса, добавил полстакана по дороге, и праздничные гастроли для всех окончились — автобус слетел с серпантина крымской дороги. Восемнадцать человек сгорели заживо, приплюснутые к полу крыши салона, а сволочь успела выскочить. Ему дали десять лет — "катушка", больше за это преступление не дают. Несколько лет назад я видел его. Я специально ездил в Симферополь. Сытая крупная морда, золотая фикса, руки в машинном масле, легкая усмешка... Я даже не сказал ему, кто я, посмотрел и уехал.

Тетушка утверждала, что она самая несчастная из всех троих: брат счастлив тем, что погиб, освобождая родину, сестра — тем, что умерла вместе с любимым. "Они любили друг друга и умерли в один день", — говорит тетушка со счастливой улыбкой, вспоминая мою мать. Все счастливы, и лишь она, Изабелла Станиславовна, самая несчастная — одиокая и живая.

Я не разубеждал ее никогда: ощущение исключительности несчастья помогает жить.

Сколько я себя помню в доме тетушки, ее кто-нибудь да сватал. Однако после непродолжительного знакомства дело расстраивалось: может, жених начинал побаиваться вопросов тетушки, а может, та побаивалась выходить замуж, потому что за это могут расстрелять, — не знаю. Знаю одно: она работала санитаркой в детсадишке, там женихов не было, а те, которых приводили или приходили сами, через неделю-другую исчезали со свадебного горизонта — к необыкновенной моей радости: я терпеть не мог женихов. Они так нелепо хрустели сахаром, когда пили чай, так длинно и умно говорили и так растерянно умолкали, когда тетушка вдруг спрашивала: "А за это не могут расстрелять?" Ну и что же? Сказали бы, мол, нет, не могут. Или — не знаю, дескать, пока ничего такого не слышно, и делу конец. Так нет же, начинали убеждать, доказывать, приводить примеры. Изабелла Станиславовна внимательно слушала, думая о чем-то своем, и как-то странно улыбалась: мол, вы так думаете? Ну-ну...

Гриня заявился к нам в летних брюках Петькиного отца, в его кремовой рубашке с засученными рукавами, в довольно еще приличных босоножках и поклонился тетушке: та стояла во дворе и собиралась уходить.

— Григорий Топчий, — представил я Гриню-труболета. — Дня три-четыре поживет у нас во времянке, пока устроится на работу.

Тетушка внимательно осмотрела его и сказала:

— Пройдитесь, молодой человек, туда-сюда, — она махнула тонкой кистью из стороны в сторону.

Гриня пошел.

— Быстрее, быстрее, — воскликнула тетушка. — Резче поворот. Еще резче! Мда-а, — восхищенно протянула она. — Вы родились танцором.

— Сплясать? — послушно предложил Гриня.

— Нет, — остановила его тетушка. — Я сказала: танцором, а не плясуном. Старайтесь ходить, будто у вас на голове яблоко и вы боитесь его уронить. Спина, спина! — Она слегка хлопнула Гриню по животу и спине. — Танцор должен думать спиной. Думайте спиной! Не уроните яблоко и думайте спиной.

— Я родился труболетом, — уверил Гриня, вытягивая шею, видно боялся уронить яблоко, — а не танцором.

— Ничего подобного, — возразила Изабелла Станиславовна. — Но это заблуждение распространено. Многие не знают, кем они родились.

И она пошла было на работу, однако в это время открылась калитка, и...

— Бонжур, мадам, — сказала Наташа.

— Бонжур, ма шер, — ответила Изабелла Станиславовна, слегка кивая. Дальше они говорили тоже на французском. — Какая чудесная погода, не правда ли?

— Да, но очень сильно пахнет акацией.

— Кстати, это хорошо для тех, у кого понижена кислотность. Как твоё здоровье?

— Спасибо, хорошо. Как вы себя чувствуете?

— Чудесно. Ты меня проводишь?

— Да, мадам.

Они ушли.

— Ай-я-яй! — воскликнул Гриня. — Явление Христа народу. О чем это они?

— Да так, о погоде. Почему Христа?

— Какая девчонка, а?! — Гриня прошелся туда-сюда "с яблоком на голове". — Какие волосы! Белые, как снег. Это не от перекиси, это от природы, уж я-то знаю. В этой области я — танцор. А глаза, глаза! Голубые, но главное — бездонные. А какая смуглая кожа: странно. Но самое главное, — Гриня прошелся, вихляя бедрами, — походка. Буду тоже носить яблоко. По-каковски это они?

— По-французски. Тетушка дает ей уроки разговорного. Готовит в иняз.

— Иду устраиваться на работу, — сказал Гриня. — Говоришь, на землечерпалку?

— Да, — хмуро ответил я. — Там все алиментщики собираются. Визу не надо, прописка по управлению, кормежка бесплатная, жилье — на месте: райские острова. Из нашего училища там практику проходят.

— Ты настоящий друг, — сказал Гриня и положил руку мне на плечо. — И Петька тоже. Становлюсь моряком, землечерпаком — кем угодно. Только разреши мне приходить в гости. Какая девчонка!

— Приходи! — выдавил я из себя.

И Гриня ринулся устраиваться на работу, только калитка звякнула.

Грустно стало у меня на сердце. Муторно как-то, и нехорошее предчувствие закралось в душу. Я походил по двору, полил помидоры, подбелил стволы виноградных корней... Если двадцатилетний мужчина влюбится в тридцатилетнюю женщину — это еще куда ни шло.

Но разница в год между шестнадцатью и семнадцатью — длиной во всю жизнь. Наташе было семнадцать.

Когда я попрос и меня надо было уже "одевать", Изабелла Станиславовна решила подрабатывать уроками иностранных языков. Образовалась небольшая группа, и все ученицы — в основном ученицы, учеников почти не было, — все ученицы были просто-таки влюблены в мою тетюшку. Но однажды пришел фининспектор, перепуганная Изабелла Станиславовна всю ночь не спала, глядя на лампу у кровати: спать без света она никогда не могла, и все спрашивала — а не могут ли за это расстрелять? Я сказал ей, что вышел закон — за это не расстреливать. Она успокоилась.

Вся группа, естественно, распалась. Лишь одной Наташе тетюшка не отказала и то с условием: в дом не заходить, ничего не писать. Легкая болтовня, и только! Во дворе, в саду, на прогулке — где угодно. Но ничего не записывать и к библиотеке не подходить. Легкая болтовня, только легкая болтовня! Вышел закон: за легкую болтовню не расстреливать. Слава богу... Матка бозка! А ведь чуть было не расстреляли. Что стало бы с Марком?

Я бегло читал и болтал по-французски, но Изабелла Станиславовна запретила мне разговоры с Наташей на этом языке: произношение мое желало лучшего, для обычного француза сойдет, но для преподавателя! Нет-нет, ни в коем случае.

А на русском разговаривать с Наташей я стеснялся: темы не было. Так, несколько слов или "здравствуй-до свидания" — и только.

Я зашел во времянку, взял маску, ласты, нож, сетку и отправился на охоту за рапанами. Петька с матерью уехали на огород окучивать картошку.

Когда я вернулся, был вечер, звенели цикады, легкий ветерок наконец-то зашелестел в листьях сумаха. Я разбирал на столике под сумахом рапаны и думал о Наташе.

Я хотел написать ей записку, еще зимой хотел, когда она стала ходить к тетюшке, и в марте, когда иноязычная группа распалась, а Наташа осталась. И сейчас я подумывал о записке, а отвратительные, циничные замечания Грини о Наташе — не знаю, но почему-то они показались мне полными грязного смысла, — замечания Грини о Наташе заставили было меня подумать о записке, полной укора, признания, прощения и прощания. Никто, даже Петька, не знал, что я частенько, когда что-либо делаю, мысленно пишу Наташе записки: иногда обиженные, иногда восторженные, а в последнее время я перешел на стихи. Сначала я хотел было писать на французском, чтобы посрамить Изабеллу Станиславовну и доказать, что произношение — это еще не все: может, у меня так устроены голосовые связки? Не Шалапин — и все тут. Но все мысли, жалобы, вздохи и упреки как-то неожиданно переводились на русский, и вскоре я от французского языка отказался. Как и от французской манеры: ироничной и остроумной.

— Где море разбивается о скалы, где ночи разбиваются о дни, — бубнил я, сортируя рапаны и отбрасывая бракованные в мусорное ведро. — Взирая на пещерные оскаль, бродили мы по берегу одни...

Я мечтал блеснуть особой изысканностью и необычностью рифмы и поэтому выбрал именно эту форму стиха. Правда, мы никогда и нигде не бродили одни, однако мало ли что ждет нас впереди? Одна рапана была очень крупной и тяжелой, но изнутри покрыта каким-то известковым и слоем грязно-серого цвета, а сверху она была не красно-коричневая и даже не просто бурая, а какая-то зеленовато-болотная и вся покрыта бородавками — точь-в-точь лягушечья кожа. Я выбросил ее.

— И счастье... и счастье... — бормотал я. — Какое счастье? Ну какое же? Ага! И счастье смуглолицее... нет, длинноногое, — я вздохнул: — Не то, не то, — и понес мусорное ведро к калитке: рано утром ездил мусорная машина, и рабочий опорожнял ведра. Я уже поставил ведро и пошел было, но мне вдруг жалко стало такую большую рапану. Я даже вспомнил, с каким трудом оторвал ее от камня, придавленного килем затопленной в войну баржи: чуть руку не искромсал и не наглотался воды, а когда всплывал, уже не смотрел вверх — воздуха не хватало — и мог на что-либо напороться. Когда работаешь среди рваных железяк, опускаться безопаснее, чем подыматься, — это любой ныряльщик знает. Я взял рапану и пошел во времянку. Там у меня в инструменте была наждачная бумага, и я решил попробовать стереть противный известковый слой изнутри и отколоть зубилом или отверткой бородавки снаружи. Я положил рапану на окно, и тут у калитки кто-то свистнул. Это пришел Гриня. Он был в новом матросском костюме хэбэ и в рабочих ботинках.

— Держи, — сказал он и протянул целлофановый пакет. — Одежонка. В отделе кадров пофорсил и комиссию прошел. Завтра с утра заступаю на первую вахту. Петьке спасибо передай.

— Носил бы до полочки.

— Нет, вдруг батя хватится. Алкаши, они нервные, пришибет еще.

Надо было пригласить Гриню поужинать, но я почему-то не пригласил.

— А выучить французский у тетушки твоей можно?

— Нет, — сказал я, глядя в сторону. — Начальных знаний она не дает. Только шлифовка произношения и разговорная тренировка. Легкая болтовня, только легкая болтовня, — хмуро повторил я слова тетушки.

— Я еще зайду, — почему-то тихо сказал Гриня. — Ладно? Покедова.

— Как там, на черпалке? — крикнул я вслед.

— Райские острова, — уверил Гриня и помахал мне рукой.

Тетушка сегодняшнюю ночь дежурила с круглосуточниками, я нехотя съел черствую котлету и пошел во времянку спать. С ранней весны и до поздней осени я сплю во времянке. Да и почти живу: там у меня инструменты, наждак с электромоторчиком, краски, масло, керосин, кисти, там я грунтую холсты и шлифую рапаны. Там у меня есть несколько любимых книг, узкая койка с досками вместо пружин. "Позвоночник: позвоночник, — напоминала всегда Изабелла Станиславовна. — Следить за позвоночником, спи на жестком". Я открыл дверь и оба окна, вставил антикомаринные сетки, и тут пришел запыхавшийся Петька, зло потирая затылок.

— Батя опять задурил, — хмуро пожаловался он.

Я постелил ему на койке, себе на табуретках, мы лежали и долго болтали о Грине, окладах, о скорой практике, о Байроне, о ценах на рапаны и о том, что мне надо менять наждачный камень. Я уже засыпал, когда мне показалось, что какое-то матовое — даже голубое — сияние стало наполнять комнату. Я почувствовал, что куда-то падаю, падаю... Я все хотел повернуться на правый бок, в голове глухо шумело, но вдруг все прошло и я увидел, что иду.

Я повернул направо и увидел дорогу, ведущую к мостику через реку. На мостике стояло несколько человек. Они смотрели вниз. Я подошел.

Под мостом тонул человек. Одежда не пузырилась — видно, полностью намочила и гирей тянула бедолагу ко дну. Он еще колотил по воде руками, но губы уже вытянул трубочкой, чтобы захватывать ртом воздух, а не воду.

— Вы куда ж смотрите? — заволновался я. — Утонет.

— Все равно смерть — неизбежность, — сказал мужчина в соломенной шляпе. — Днем раньше, днем позже...

Остальные лениво молчали. На другой стороне реки молодой художник рисовал закат, иногда задумчиво поглядывая на тонущего.

— Да что же это такое? — возмутился я и стал расстегивать брюки.

Человек в соломенной шляпе посмотрел на меня с интересом и достал блокнот.

— Ваше имя? — спросил он.

— Марк.

— Возраст?

— Шестнадцать.

— Род занятий?

Никакого рода занятий у меня еще не было, и я почему-то сказал:

— Апостол.

— Сфера духовной жизни, — проговорил мужчина, записывая. — Представитель искусства.

Я, торопясь, стал расшнуровывать ботинки, и в это время все стали расходиться.

— Утонул, — сказал мужчина, заглянув через перила. — Одевайтесь.

— Станный вы человек, — сказал мужчина, когда мы самыми последними перешли мост и двинулись по пыльной дороге. — Я журналист, многих повидал, но решиться на такое, — он хмыкнул. — Неужели вы действительно прыгнули бы?

— Я вас не понимаю, — хмуро сказал я.

И вдруг мужчина заговорил горячо, сбивчиво:

— Еще немного, и начнется тридцать первый век. Да неужто я поверю в искренность ваших намерений? Времена юношеских порывов человечества миновали. Вернее, стайных порывов взаимоспасения. Мы слишком свободны, сильны и независимы и от природы, и друг от друга, а потому равнодушны для таких допотопных порывов. Не морочьте мне голову. Может, вам нужна путевка на модную грязелечебницу Венеры? Ах, молодой человек, какие там нежные медсестры!

— Мне ничего не нужно, — ответил я с досадой и вдруг рассердился:

— А как же тогда — человек человеку друг, товарищ и брат? А как же

тогда — возлюбил ближнего, как самого себя?

Журналист захохотал и остановил меня жестом руки.

— Вы или гениальный актер, или гениальный мистификатор. Возлюбил ближнего, а?! Из какого это века? Марк, не морочьте мне голову. Завтра передовица с вашим именем произведет фурор. Путевка в грязелечебницу ваша. Хитрунишка, — журналист шутливо погрозил мне пальцем и повернул налево.

Я хотел было повернуть направо, но передумал и вернулся на мост.

Все разошлись. Ушел и художник. Было тихо-тихо: не шелохнулись косы плакучих ив, молчали птицы, кое-где в бледно-фиолетовом небе мерцали звезды, над горизонтом уже выплывал месяц, но еще голубовато-розово потухал закат.

Я стоял и смотрел на то место, где утонул человек. Горькие мысли наполнили душу — у меня закружилась голова...

Я не проснулся, скорее очнулся.

В комнате действительно было голубовато-светло и слышался легкий шорох, похожий на шорох огня в печке, когда дрова не потрескивают, а будто с шуршанием тают, уплывая огнем и дымом в трубу.

Это светилась рапана, забытая мной на окне. С наружной стороны окна рой бабочек и мотыльков бился в сетку. Я подошел и потрогал рапану: она была горячая. Я сел на стул и стал думать, даже не думать, а тяжело и неповоротливо ощущать действительность. Болела голова, левая рука и нога затекли, и я все слегка двигал пальцами, стараясь разогнать кровь.

Я понимал, что светящаяся рапана — явление необычное, но не сверхъестественное: сколько в природе люминесцирующих предметов и живых существ. А электрические скаты и угри?

Меня подташнивало. Я, пошатываясь, побрел к постели, кое-как улегся и вдруг опять куда-то пошел. Всю ночь барахтался я в липкой грязи венерианской лечебницы, какие-то чумазные голые девки щекотали меня до одури и стонов, потом я бродил по атомным пепелищам мертвых планет, а на одной — живой и цветущей — угодил на помпезно устроенную принародную казнь: расчленение преступника тончайшими лазерными лучами. Празднично одетые люди кричали ура, а преступник сладко шурился и на прощанье помахал толпе оставшейся рукой. Оказывается, казнь была очень гуманной: совершенно безболезненной и даже приятной.

Когда преступника полностью расчленили, иглы лучей вдруг скрестились у меня над головой и с треском вспыхнули, как провода при коротком замыкании; толпа взревела и бросилась на меня. "Я больше не буду!" — крикнул я, кинулся в сторону, кто-то подставил мне подножку, и я упал с табуреток.

Голова была не то чтобы тяжелой — чугунной.

Рапана потухала. Однако уже чирикали воробы, ворковали голуби. у Белякиных ошалело хрюкал поросенок — видно, его кормили, — и светило в окно и мне в глаза солнце. Я потрогал рапану — она была чуть теплой.

— Что случилось? — вяло спросил Петька и тоже поднялся. Он.

пошатываясь, выбрел во двор, и я слышал, как его вырвало. Петька вернулся в комнату, и я испуганно уставился на него: он был бледен до голубизны, как ночная рапана. Я глянул на раковину: в солнечном утреннем свете она мутно серела на окне.

— Всю ночь светила, — как-то безразлично удивился я.

— Ты бы, Апостол, не трактаты учил да латынь, а химию, — кривясь и хватая воздух ртом, еле проговорил Петька. — Твоя рапана — сплошной фосфор, поэтому и светится. А фосфор — яд. Пей больше воды, а то окочуримся. У меня батя после алкогольного отравления два ведра воды за день выпивает.

Меня самого шатало и подташнивало, и я весь был в липком поту.

— Рапана в аш-два-о была, и вдруг — фосфор, — равнодушно возразил я.

— Не знаю, — Петька вяло пожал плечами. — У меня у самого по химии трояк.

Мы пошли в огород к водопроводному крану и пили воду, пили... Нас рвало.

— Что-нибудь снилось? — спросил я.

— Да нет вроде, — нехотя ответил Петька, наморщив лоб. — Так, чертовщина какая-то. А-а, — вспомнил он и зло ухмыльнулся. — Будто батя по уху меня огрел. Аж зазвенело, — он потер правое ухо.

— Черт те что, — хмуро удивился я, и мы пошли к Петьке, прихватив пакет с брюками и рубашкой его отца. — А мне кошмары про будущее снились, — опасливо похвастался я.

Петька насмешливо хмыкнул и зевнул.

Он жил через одну улицу. Мы шли и молчали: не хотелось ни о чем говорить, ничего планировать на будущее, на весь день и вообще ничего не хотелось. Мы поглазели на новую киноафишу, почитали цены на мороженое, вздохнули, Петька порывлся в карманах, но у него тоже ничего не было.

— На продажу что-либо есть? — спросил он меня, когда мы уже подошли к его калитке.

Я не успел ответить. Из калитки вышагнул, как слон из джунглей, Петькин батя, вырвал у него из рук пакет, заглянул в него и вдруг с маху отвесил Петьке звонкую оплеуху. Петька отлетел в сторону, и мы побежали.

— Я в химичку носил! — заорал Петька и постучал себе по лбу укоризненно и зло: мол, эх ты-ы...

— Петька, — шепотом спросил я, пораженный. — Звенит?

Петька недовольно посмотрел на меня, потом понял и тоже шепотом произнес, даже чуть заикаясь от удивления:

— З-звенит, — и потер правое ухо.

Мы хмуро переглянулись.

Вечером я поужинал, поболтал с Изабеллой Станиславовной о Жераре де Нервале, прочитал ей на французском начало вийоновской "Баллады о повешенных", и тетушка отпустила меня спать. Я пожелал ей спокойной ночи и отправился во времянку.

Вспомнив утренние мучения, я решил спрятать рапану в сарай, но

предварительно зарисовать. Раскрыл мольберт, который когда-то сделал из комлей бамбуковых удилиц, приколол лист ватмана и выделил раковине место в левой нижней четверти листа: я решил скомпоновать раковину с рамным переплетением, которое вдруг показалось мне похожим на тюремную решетку. Я мысленно разделил рапану на три зримо различных части и циркнул три линии на ватмане, потом легонько провел вертикальную ось симметрии, посмотрел на планировку пространства и удивился: все было так, будто я собирался набрасывать портрет. Вот три равных части: лоб, нос, рот с подбородком, вот ось-нос, вот линия глазниц, линия рта. Я глянул на рапану: ниже "подбородка" виделось что-то светлое, будто батистовое жабо.

Солнце садилось и теперь освещало раковину с другой стороны, не с той, что утром, а как-то снизу, да еще снизу на нее падал рефлекс от подоконника, покрытого белой эмалью, и рапана засветилась изнутри чужим розовато-голубым светом. Я присмотрелся.

В глубине темных пятен-глазниц сомкнулись две тени, будто веки, и линия рта горько и печально была изогнута. Вот височные впадины, вот тень от узких ноздрей... Слегка прижаты уши, а высокий лоб розовато и выпукло навис над ястребиным носом.

Я любопытно всматривался в странный световой эффект: где я видел это лицо? Кто-то из древних: философ, а может, воин? Я видел этот трагический излом губ, кажется, в учебнике по истории, а может, на репродукции чьей-то картины.

И в это время солнце село за холм Митридат: потухла раковина, исчезла тюремная решетка, и у соседей визгливо хрюкнул поросенок. Очарование исчезло.

Я глянул на будильник, записал на уголке ватмана время, чтоб не забыть, когда завтра начать работу: я решил оставить рапану до следующего вечера и, когда вставлял в окна сетки, боялся даже задеть раковину, чтобы не пошевелить и не нарушить завтрашний эффект.

Лежа на жесткой своей постели, вспоминал я картинки из учебников, книги, кинофильмы, репродукции картин, просто мысли и образы. Вдруг я вспомнил: пыльная дорога, уходящие вдаль кресты вдоль нее, распятые на крестах спартаковцы. Спартак! Но нет, не он. Дорога, нищий философ, рублище. Дервиш? Нет, пожалуй, нет. И потом — жабо. Но дорога, обязательно пыльная дорога. Или тюрьма.

— Выхожу один я на дорогу, — недовольный своей памятью, проворчал я... и повернул направо.

Я повернул направо и вернулся на мост.

Все разошлись. Ушел и художник. Было тихо-тихо: не шелохнулись косы плакучих ив, молчали птицы, кое-где в бледно-фиолетовом небе мерцали звезды, над горизонтом уже выплывал месяц, но еще голубовато-розово потухал закат.

Вдруг на дороге показались двое: какой-то длинный и костлявый мужик на кляче, в рыцарских доспехах и с копьем в руке. Издалека на фоне заката было видно, что он в шлеме с поднятым забралом. Рядом тряся на осле круглолицый толстенький дядька с клочковатой бородкой и почему-то босиком и в шароварах. Дон Кихот и Санчо Панса!

Гулко зацокали копыта Росинанта по доскам настила и дробно — осла.

— Вы почему так печальны? — спросил рыцарь по-испански, подъехав ко мне и останавливая Росинанта: тот устало фыркнул и опустил голову. — Не нуждается ли вы в помощи и, если она вам необходима, знайте, мощь руки еще не старика и верность его сердца помогут вам: вы не одиноки. Расскажите вашу историю.

Я глянул в лицо Дон Кихоту и оторопел: так вот где я видел этот трагический излом губ, а под ним — не батистовое жабо! Это совсем белая-белая, седая бородка. Высокий и благородный лоб, нависший над ястребиным носом, глубокие височные впадины и ввалившиеся щеки.

— Здесь утонул человек, — сказал я, кивнув на воду. — Люди смотрели и не помогли.

Дон Кихот опустил копьё и задумался.

— И так всюду, — горько сказал он. — А вы?

— Я не успел расшнуровать ботинки, — ответил я.

— Разве можно думать о ботинках, когда тонет человек? — Дон Кихот потыкал кривым копьём в доски мостового настила, а Росинант пошире расставил ноги, отдыхая и тяжело дыша. — Ведь ему было страшно... он ждал вас. Знайте, когда человек гибнет, он всегда ждет кого-нибудь: или Бога, или другого человека.

Я опустил голову.

— Синьор мой, — воскликнул Санчо Панса и подмигнул мне. — Прыгать в воду в одежде и в ботинках — безумие: беднягу не спасешь да еще и сам утонешь. Вот однажды был такой случай...

— Ах, друг мой Санчо, — перебил его рыцарь. — Это не безумие, это светлый разум. Светлый разум и высокое безумие очень похожи: высота и свет — сестра и брат. Уж мне ль не знать, что такое высокое безумие?! А если ты не веришь мне, то при первой же дружеской встрече с Ланселотом можешь спросить об этом у него. Он тебе ответит то же самое, уверю тебя.

Рыцарь Печального Образа задумался, потом посмотрел на меня.

— В жизни еще много встретится вам случаев свершить подвиг, и, чтобы не упустить счастливой возможности, надо ходить босиком. Настоящий рыцарь должен или носить доспехи, — Дон Кихот старческой рукой стукнул себя в грудь: латы глухо звякнули, — или ходить босиком.

— Как я, — хвастливо добавил Санчо Панса и задрал круглые пятки.

Осел переступил с ноги на ногу. Дон Кихот тронул поводья Росинанта, и копыта снова гулко застучали по доскам: дробно, часто засеменил осел и устало зашагал Росинант.

Дон Кихот о чем-то думал, и, пока они удалялись по пыльной дороге, я все видел, как низко опущена у него на грудь голова в шлеме и как печально пошевеливает он иногда копьём.

Уже исчезая за поворотом, Санчо Панса оглянулся, показал мне язык, а потом постучал пальцем по лбу: мол, эх, недотепа, — и снова задрал голые пятки и ткнул пальцем в грязные подошвы.

Когда они скрылись, я быстро снял ботинки и швырнул их в реку на

то место в воде, где утонул человек. "Я всегда буду ходить босиком, с весны до поздней осени", — поклялся я.

Закат потух, стало прохладно, и где-то визгливо хрюкнул поросенок. Вдруг появились люди в белых халатах, Изабелла Станиславовна плакала, меня куда-то вели, и я требовал, чтобы все сняли ботинки.

— Ботинки, снимите ботинки! — кричал я.

II

Прошло три недели. Я выздоровел, и, когда меня выписывали из диспансера, врач уверенно и всезнающе кивал тетушке, а сам следил за мной, я это чувствовал. Когда я стал надевать босоножки, какая-то горькая тень проплыла у меня в душе, но лишь на мгновение — тут же мне снова стало светло и радостно.

— Босоножки не жмут? — спросил врач, подмигивая мне.

— Нет, — я понял его, засмеялся и постучал ногами об пол.

— Ничего страшного, — успокоил меня и тетушку врач, прощаясь. — Интоксикация, что-то попало в пищу. Яд, видимо, химического происхождения, небольшое воспаление оболочки — редко, но случается... Меньше на первых порах книг, больше физического труда, все будет хорошо.

Мы пошли домой. Изабелла Станиславовна вела меня за руку. Мне было смешно, но я не убирал руку: не хотел огорчать тетушку.

— У нас приятная новость, — сообщила она. — Мне подарили четырех карликовых курочек и петушка. Совсем крохотные — с галчат.

— Яички несут? — спросил я.

— Да, — горделиво кивнула Изабелла Станиславовна. — Правда, вот такие.

Я засмеялся.

— Появились крысы, — сообщила тетушка следующую новость. — Эти Белякины заедят всех своим поросенком. А поросенок уже настоящий боров. Где поросята — там и крысы.

— На курочек не нападают?

— Я сажаю с ними на ночь Амвросия Платоныча.

Я забыл рассказать об Амвросии Платоныче. Забыл, наверное, потому, что он был кот, так сказать, проходящий. Вдруг исчезал куда-то на три-четыре дня, а то и на неделю. У меня с ним отношения сложились неважные. Во времянку я его не пускал — он обязательно что-либо разливал или драл когтями. Ему было уже три года, а я все не мог приучить его ходить на задних лапах. Иногда у него получалось, и он по минуте бродил вокруг меня стоймя, жутко орал, пялился на кружочек колбасы и размахивал передними лапами, будто боксер на тренировке. Но иногда он упрямо прыгал, стараясь вырвать колбасу, и тут уж хоть ты кол ему на голове теши.

— Я запираю там Амвросия Платоныча, — повторила тетушка.

Во дворике нашем уже пожелтели плоды миндаля и бледно-синим дымком просвечивали гроздья винограда: пахло огурцами, горячей пылью и предьюльской помидорной ботвой.

Рапана лежала на своем месте. Я отнес ее в сарай и положил на полку рядом со старыми горшками для цветов.

Ночевал я в доме. Весь вечер тетушка испуганно проверяла мою память: я бубнил ей главы "Песни о Гайавате" в бунинском переводе и прочитал кое-кого из "проклятых поэтов" на французском.

Спать дома было хорошо, лишь немного беспокоило приятное ожидание завтрашнего дня.

Но утро началось с трагедии.

— Выпусти Амвросия Платоныча! — крикнула мне тетушка, когда я вышел во двор: она набрала миску огурцов и ходила вдоль помидорных кустов, выискивая поспевающие помидорины.

Амвросий Платоныч нетерпеливо и требовательно кричал в сарае, заслышав проснувшуюся жизнь во дворе. Я открыл дверь сарая.

— Иезус-Мария! — воскликнула Изабелла Станиславовна и перекрестилась по-католически: слева направо. Этого ей показалось мало, и она проговорила: — Господи Иисусе, спаси и помилуй, — и перекрестилась по-православному справа налево. Такое тетушкино кощунство меня рассмешило, но было не до смеха.

Амвросий Платоныч вышел из сарая на задних лапах, поглядел на меня мутными от злобы глазами и стал вырывать из воздуха невидимую колбасу, будто боксировал с таинственным противником. Вдобавок он неистово орал.

Так и шел он по двору на задних лапах, орал и колотил кого-то.

За ним из сарая выбрели несколько крыс. У одной кончик хвоста был белый — может, седой, а может, где-то вляпалась в белила. Крысы тихо пошли за Амвросием Платонычем рядком, будто боясь упасть и подерживая друг друга. За ними плелись вразброд пять-шесть худых малолеток.

Изабелла Станиславовна заплакала, закусив тонкие пальцы. Потом она схватила помидорину и неумело швырнула в крыс: те и ухом не повели. Они дошли до времянки, седохвостая ткнулась было в дверь, поднялась на задние лапы, понюхала, пошевелила усами, и все пошло дальше, пока не свернули под забор Белякиных. Последний крысенок, кажется, даже обиженно оглянулся на нас. Я не решился добывать раненых.

Карликовые курочки лежали на досках, раскрыв клювы, а петушок даже закатил глаза, и те подернулись у него мутной предсмертной пленкой.

Изабелла Станиславовна заголосила.

— Воды! — я стал выносить пострадавших в огород к водопроводному крану.

Карликов удалось спасти. Амвросий Платоныч неделю не появлялся. Рапану я завернул в старую фуфайку, засунул в паутинный угол за кучу кирпича и придвинул туда еще бочонок со старым цементом.

Днем я зашел в училище, простучал каблуками по гулким коридорам, которые красили абитуриенты: я шел в форме с нашивками второго года обучения, и салажата провожали меня взглядами. В канцелярии повертели мой больничный, белокурая Ольга Дмитриевна — Оленька, сестра

Татьяны, как звал ее весь третий год обучения, стриженные призывники.

— Ольга Дмитриевна глянула в больничный и спросила:

— Не пойму, что за диагноз? На почве ин... ин...

— Интоксикации. Отравление.

— Сам отравился?

— Сам. Несчастливая любовь.

— Как интересно. Много долбанул?

— Два стакана.

— "Белого крепкого"?

— Дешевку не употребляю. Цианистого.

Мы поболтали о достоинствах современных ядов, и она дала мне направление на практику.

Вечером я зашел к Петьке, он уже вернулся с вахты, в ночную вахту практикантов не ставили, и рассказал мне, что Гриня пошел в гору, работает старшим матросом и покрикивает на Петьку — шутливо, правда.

— А почему нас в земкараван послали? Говорили, практика — на судоремонтном. До восемнадцати лет — на берегу.

— В виде исключения, — ухмыльнулся Петька. — У них там одни алиментщики беспробудные собрались, некому работать. А порт надо углубить: у нынешних судов осадочка — сам знаешь. Это тебе не парусно-моторная шлюпка, — он подмигнул. — Да, забыл. Тетка твоя Наташку французскому обучала, а все зря. Уже неделю работает ученицей сварщицы на судоремонтном. За тетей Зиной числится, за Белякиной. Та научит ее сплетничать, швы варить и держать поросят.

— Она будет отлично солить свинину, как Альдонса Лоренсо, Дульсинея Тобосская! — восторженно заорал я.

— Опять понесло, — вздохнул Петька. — Тебя плохо лечили.

Я помчался было к тетушке, но Петька крикнул вдогонку:

— Твоя Дульсинея вечерами с Гриней по набережной гуляет. Под ручку. Можешь сходить встретиться! — и насмешливо добавил: — Потому и на судоремонтный пошла — чтобы поближе к милому. Заочно, говорит, буду учиться.

Я побрел шагом. День начался трагически и трагически закончился.

Я был зачислен юнгой-практикантом на грунтоотвозную шаланду и проходил на ней практику каждое лето, до окончания ГПТУ, до армии. Наш караван: землечерпалка, несколько катерков и четыре шаланды — углубляли акваторию Керченского порта.

Мы копали каналы между Азовским и Черным, течения заносили их илом, а мы снова копали.

За два лета мы из болотца по-за городом выкопали ковш для захода туда океанских судов, и гидростроители строили там порт.

Как молодой хозяин, получивший в наследство старенький дом своих родителей, поднимает стены, перекладывает печи, настилает вместо изгнивших новые половицы, так и мы снимали с морских полов старенького порта стружку ила. День и ночь скрипел рубанок землечерпалки, день и ночь, месяц за месяцем вывозили шаланды ила на свалку, и чего-чего только не попадалось в этих стружках!

Сначала мы находили ящики с патронами, и патроны были желтые и в масле. Мы разряжали их, высыпали порох и поджигали: порох вспыхивал синевато и сгорал дотла. Патроны были, как новехонькие: заряжай и стреляй. Но стрелять было уже не в кого, и мы увозили ящики и хоронили их на свалке.

Ковши поднимали со дна обинтованные илом рваные куски военных рубок, а однажды в ковше поплыл вверх по ролам цепи еще не сгнивший солдатский ботинок с торчащей из него костью ноги.

Под грязью было плохо видно, и может быть, это плыла не кость.

И даже не ботинок.

Потом мы снимали еще слой, и редко-редко попадалось что-то такое, что и определить было трудно: пицаль не пицаль, мотыга не мотыга.

А потом пошли куски греческих амфор и один раз — целая.

Старший матрос Жора Булин стоял у ручки телеграфа, вынесенной прямо на палубу специально для экстренной останковки черпаковой цепи, и из любопытства прихватывал иногда и чужую вахту. Многие часами стояли и глазели на бурлящие из воды черпаки — не мелькнет ли в грязи горшок с золотом.

Жоре было, пожалуй, не больше тридцати, однако лысый череп, красноватый нос огурцом и всегда рваные штаны в пятнах ила очень старили его. И только маленькие черные глаза смотрели из-под массивного черепа молодо и насмешливо.

С короткой шеей, слегка горбясь и заглядывая вниз, в ползущие кузова ковшей, он стоял, как осенний еж, наколовший на робу желтые листья грязи.

Когда мы выудили целую амфору, Жора остановил цепь, и мы стали помогать вытаскивать улов. Вахтенный помощник приказал было запустить цепь, шла последняя декада июля, план трещал, времени не хватало.

Но Жора распрямился, глаза блеснули насмешливо и зло, и сказал: — Шутишь? А в ней, может, золотишка полным-полно, а?

Помощник плюнул и отошел. Говорят, Жору побаивался даже багермейстер.

Мы достали амфору, она была тяжелая и пузатая. После вахты Жора выковыривал остатки тысячелетнего ила, до самого доньшка, но золотишка не оказалось.

Про амфору узнали в музее, приехали и забрали ее. Жоре дали двадцать рублей премии, и несколько дней тот ходил по палубе веселым и удивленно всем рассказывал, как он за два червонца продал ученым дуракам глиняную кринку. Однако потом всегда добавлял:

— Но для науки кринка бывает поважнее чего другого. Моя находка может прояснить кое-какие темные места истории.

И он насмешливо хохотал.

А потом задул грего, холодно взьерошил пролив, и под утро мы стали надевать фуфайки. После вахты я бродил по предосенним улицам, и уже светлели скверы, и во дворе у нас стал гуще земляничный запах винограда.

Прозрачным холодным утром мы подняли морскую мину.

Было около восьми — смена вахт, и народу на палубе толкалось

порядочно. Черпалка кряхтела, рубанок цепи все строгал и строгал, и вдруг я увидел, как все бросились назад, на нос. Грохнула под матросскими ботинками железная палуба, и только один Жора Булин прыгнул вперед, к телеграфу. Жора стоял возле двери в столовую и пил чай, и я успел заметить, что перед тем как прыгнуть, он поставил стакан в подстаканнике на крышку светового лючка и даже ткнул в подстаканник пальцем — не упадет ли? И уж потом прыгнул. Когда Жора рванул ручку телеграфа на себя, мина была уже довольно высоко — чуть выше голов. Она покачивалась в черпаке лениво и равнодушно, готовая вот-вот сорваться, и куски ила опали, как хлопья черной пены, и шлепались на палубу.

Жора проводил ее глазами и, когда она, качнувшись, остановилась, глянул на часы и крикнул вдоль палубы:

— Гриня! Без четырех восемь. Еще твоя вахта. Ты где, сволочь?

И он пошел, и все расступались перед ним, и я подумал, что его побаиваются не потому, что он сильный, а потому, что он смелый и в случае схватки никогда бы не уступил.

— Без четырех восемь. Труболет, ты где, сволочь? — крикнул Жора, и я сморщился, как от оскомы: я увидел, что Гриня пятится под тент прохода и боязливо поглядывает по сторонам: куда бы сбежать? Я опустил глаза и почему-то с горечью вспомнил Наташу.

Из Севастополя прибыли минеры, оттащили мину на морскую свалку, за Среднюю косу, и взорвали там. С момента улова и до конца дноуглубительных работ в порту, а они продолжались две навигации, личному составу земкаравана было запрещено жить на судах и вообще оставаться на борту после вахты. Все разбрелись по квартирам.

Двадцатого августа, в понедельник, мы выловили мину, а двадцать первого Гриня нашел место у какой-то одинокой бабки. Бабка жила в низине на Японке в двух комнатках первого этажа старенькой двухэтажки. Комнатки оказались крохотными, дом обогревался, конечно, печками, двор затек грязью, был захламлен и застроен сараями и уборными, но дело не в этом. Дело в том, что двадцать второго, в среду, Гриня умудрился прописаться у бабки — среда была прописным днем, — а в четверг бабка умерла от кровоизлияния. Я даже не узнал, как звали одинокую старуху: бабка и бабка. Гриня оказался единственным наследником барахла — он прописался под видом бабкиного какого-то родственничка.

Из барахла у бабки, кроме истертого одеяла и хромого комода с фуфайкой в нем, ничего не оказалось, но зато у нее были три подружки-наперсницы: три худенькие кошки. Кошек Гриня изгнал из дома в тот же день, когда бабку увезли в морг. Кошки, говорят, всю ночь не давали людям спать — оралы у двери. В пятницу утром Гриня впустил их, упаковал в какую-то картонную коробку, положил туда еще три кирпича — по кирпичу на душу, — перевязал коробку бабкиной веревочкой и взял с собой на вахту.

Вот и угадай, кому какая смерть на роду написана.

В субботу бабку похоронили, а в воскресенье Гриня пригласил всех желающих на новоселье.

— Условие: приходите со своим, — предупреждал он. — У меня еще ничего нет.

Из любопытства многие пришли, и вечер получился на славу: заодно помянули и бабу. Я принес гитару и, пока было не до меня, помогал Грине раздобывать табуретки и стулья у соседей. Петька не пришел, он уехал с отцом в Старый Крым за кизилом.

Когда все кое-как разместились и кое-кто собрался было что-то говорить и даже встал, в комнату вошла Наташа.

Были одни мужики да парни: два лебедчика с черпалки, Жора Булин, несколько свободных от вахты матросов с шаланд, старик-моторист с морской завозни — судя по всему, любитель таких встреч, он даже платал слюнки от нетерпения, — был еще кое-кто, с кем я не успел познакомиться в караване. Не было ни одной женщины: такая уж это профессия — морские путейцы. А нескольким караванным поварихам некогда разгуливать по береговым новосельям — кормить работников надо.

Когда вошла Наташа, все замолчали.

В полуподвальные окна первого этажа светило предвечернее солнце. Два розоватых лучика как-то сверху вниз падали от карнизов к двери, и они высветили Наташу, как театральные прожекторы волшебницу на сцене: когда огни вдруг вспыхнут и та увидится в их кругу в великолепии волшебных одеяний, — будто явится на мгновение из таинственной неизвестности, чтобы упрекнуть своей красотой тусклый мир за его несовершенство.

На ней было темно-голубое платье, и от рефлексов его цвета Наташины глаза стали синими до черноты. Белые волосы она собрала в огромный пучок, зачесанный от шеи вверх, и от этого казалась еще выше и воздушнее: будто готовилась взлететь — вот взмахнет тонкими смуглыми руками и полетит, как фея или бабочка.

Она кивнула нам, окинула взглядом потолок, провела пальцем по зашарпаннным стенам — как, мол, не мажутся? — покачала гнилые половицы и сказала:

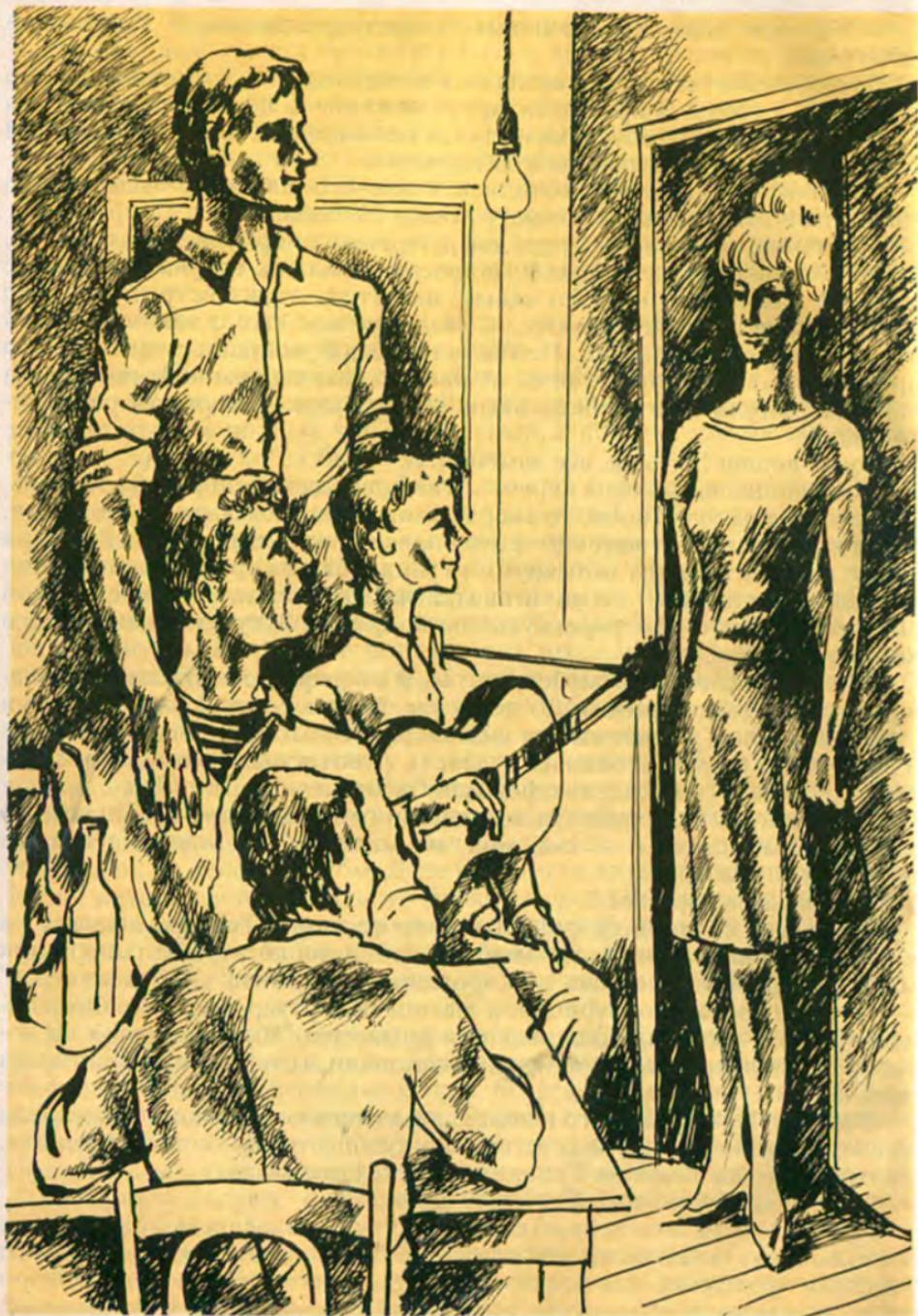
— Как здесь хорошо!

Весь вечер со мной творилось что-то неладное: "гитара плакала", а я пел без устали. Я играл по заявкам, исполнил кое-что из репертуара матери: "Андалузские ночи", "Хорошенькая Хуанита", "Бэса мэ мучо" — тетушка частенько мурлыкала мамин репертуар под мой аккомпанемент, — и закончил свои рыдания романсом "Выхожу один я на дорогу". Мужики прослезились и даже похлопали, а старик-моторист полез целоваться.

И только Наташа никого не видела и ничего не слышала. Она сидела на изодранной кушетке, инкрустированной блестками кошачьей шерсти, смотрела во все глаза на Гриню и, кажется, шептала:

— Как здесь хорошо... Как здесь уютно.

Уже включили запыленную сорокаваттку без плафона и абажура, уже несколько раз осуждающе заглядывали новые соседи Грини, и наконец все стали прощаться. Как только стали прощаться, снова вспомнили про бабу. Примолкли на минутку, пожелали бабке райского благополучия,

а Грине — скорого сноса конуры и получения новой квартиры. Стали расходиться: большинству с ноля было на вахту. Грине тоже, но он взял три дня отгулов. "Как на свадьбу", — с горечью подумал я.

— Везет же, — удивленно сказал, прощаясь со мной во дворе, Жора Булин. Он пожевал губами, покачал могучей головой, увидел выходящего Грину, вздохнул и добавил, кажется, не то, что хотел: — ...людям.

— В смысле квартиры? — тихо спросил я.

— И квартиры тоже, — Булин подмигнул мне и, посвистывая, пошел со двора.

Последними ушли два лебедчика с черпалки, а я все стоял у перекошенных дверей подъезда и никак не мог уйти. Наташа держалась за локоть Грини, смотрела на него снизу вверх, а Гриня размышлял о будущем житье-бытье, которое наступит после сноса допотопного дома.

Парус луны мчался над пенистой зыбью прозрачных облаков, вся низина Японки утонула в лунной мгле, во дворе на помойке шипели кошки, у кого-то в окне еще бормотал транзистор, и пахло болотной гнилью.

— Как здесь хорошо, — прошептала Наташа, прижимаясь к локтю Грини. — Никого, совершенно никого, мы одни.

Я забросил гитару за спину, пробормотал "до свидания" и зашагал.

— Марк, — окликнул Гриня. — По воскресеньям практиканты вахту не стоят?

— Нет. Но у меня в пятницу кончается практика.

— Тем лучше. Проводи нас в следующее воскресенье на Азовское. Ты тут все стежки-дорожки знаешь. Душа бродяги воли просит. Там вода теплая, покупаемся, позагораем. Короча: пикник втроем "прощай лето". Айда? Придешь за мной утром.

— От меня ближе, — ответил я.

— Лады.

— Поклон Изабелле Станиславовне, — вспомнила Наташа.

Я хотел было вдруг гордо отказаться от пикника, да сил не хватило. Я плохо спал, и мне очень хотелось принести из сарая и положить на окно голубую рапану. Ну почему, почему я такой несчастливый?

Утро рокового дня началось обычно, со стука тетюшки в мое окно: по выходным я будильник не заводил.

— К тебе гости, дорогой соня-засоня.

Это был Гриня.

Он, пригнувшись, ввалился во времянку, посмотрел на мои этюды, наброски, поводил пальцем по географическим картам на стене, полистал книги на полках и даже попробовал пошевелить инструментальный стол. Когда он стал доставать из банок с водой кисти и тыкать ими в старую газету, я не выдержал:

— А Наташа?

Гриня усмехнулся.

— Наташа еще спит. Я у них — как там? — персона, э-э...

— Нон грата?

— Персона нон грата. Вы приятели на почве языкознания. Зайдешь?

— Я думал, она у тебя живет, — хмуро выдавил я. — Ей там так понравилось.

— Я что — дурак? — Гриня подмигнул мне. — Ей еще восемнадцать нет. По уголовному кодексу — малолетка.

— Конечно, — язвительно усмехнулся я. — Как бы чего не вышло, человек ты в футляре.

— Отсидишь с полгодика в тюрьме, поймешь, — возразил Гриня. — Идешь?

Я стал собираться.

— Позавтракаешь, господин в футляре?

— Уже, — обиженно отказался бывший труболет.

Я люблю степь. Степь и море. Открытый горизонт манит меня не своей таинственностью — что, мол, там, за ним? — а именно своей открытостью. Когда я поднимаюсь на вершину степного кургана или на капитанский мостик, душу охватывает сознание могучести и величия, к которому и ты причастен: хотя бы тем, что можешь ощущать и видеть его. От края и до края летят над головой облака, сизые волны ковья или пенного моря уплывают вдаль, планета летит, дрожит и вибрирует под ногами — знай держись! Уставший орел или альбатрос опирается крыльями на прозрачный воздух, и кажется — висит на месте, но нет! Подхваченный неудержимым движением, и он мчится в будущее, и ему тоже неизвестно: каково оно?

— А это что за чудо? — спросил Гриня, кивнув на булькающее озеро грязи в стороне, и шагнул к нему.

— Пеклы. Люди так зовут. А вообще — грязевые вулканы. Говорят, один ученый-геолог хотел температуру измерить: подошел, градусник сунул да и провалился по пояс, его потихоньку и потянуло. Хорошо, чабан недалеко отару пас — услышал.

— Глубоко? — удивился Гриня.

— Около семи километров.

Гриня шутливо перебежал на другую сторону, за Наташу, и ухватился за полу ее синей рубашки-распашонки. Наташа засмеялась.

Она была в узких светлых брючках, в кедах и в зеленой косынке.

— Трусишка, — ласково сказала она.

— Он предпочитает побыть пять минут трусом, чем всю жизнь покойником, — съязвил я.

Гриня поправил рюкзак за плечами. Рюкзак был мой, но Наташа напихала туда кучу съестного и всяких безделиц: простыней, полотенчиков.

— Очень остроумно, — сказал Гриня. — Про покойника.

— Еще бы, — насмешливо согласился я. — Бернард Шоу.

Мимо нас нырками пролетел удод, сел на плешину бугорка, распушил свою корону, осмотрел нас и осуждающе забормотал:

— Ду-ду-ду...

Гриня хлопнул в ладоши, удод от ужаса подпрыгнул и помчался по воздуху. Гриня заложил в рот два пальца и свистнул вслед: удод нырнул в кусты боярышника, островком росшие по склону недалекого холмика.

Гриня и сам был похож на разноцветного удода: в белых полотняных брюках, в яркой цветастой рубашке с засученными рукавами и в голубом берете, лихо заломленном на ухо.

— У испанцев есть поговорка: мужчина должен быть свирепым, — сказал я и язвительно добавил: — Особенно к удодам, жаворонкам и бабочкам.

— Марк, что с тобой? — примиряюще спросила Наташа: у нее было драматическое сопрано, но несмотря на такой высокий голос она умела как-то очень задушевно задавать вопросы, я думаю, Изабелла Станиславовна именно поэтому ей и не отказала в обучении легкой болтовне.

— Ты не с той ноги встал?

— Не помню. Но если вы будете (я вспылил и нарочно подчеркнул голосом "вы"), если вы будете пугать удодов, отрывать ящерицам хвосты, бить прутьями полозов и швырять камни в жаворонков, — я не знал, какое преступление еще бы приписать им, вот именно и м, и даже остановился. — Или топить кошек, — крикнул я, — тогда до свидания. Во-о-он на холме геодезическая вышка: за холмом море, с вершины увидите. Найдете сами. — Я обиженно повернулся, но Гриня обхватил меня своими ручищами и примирительно сказал:

— Ну, прости, черт с ним, с удодом. Буду паинькой и никого не трону. Ты проводник и не можешь бросить экспедицию на произвол судьбы. В тебе сильно чувство долга. Правда, Наташа? — могучий труболет подмигнул Наташе.

— Правда, — согласилась та. — Он не бросит нас на произвол судьбы посреди безбрежных пампасов.

— Мы можем угодить прямехонько в пекло, — пригрозил Гриня.

Я пошел вперед. Я все равно пошел бы, если бы они меня и прогоняли.

Хорошо пахнет степь, даже в сентябре. Я люблю вообще различать запахи. Иногда мне кажется, что в далекие-далекие времена, в пору костров, пещер и костяных наконечников я был охотничьей собакой, — так умею я и люблю различать запахи.

Вся степь пахнет нежной и печальной горечью ушедших тысячелетий — так пахнет чуть поджаренная над рыбацким огнем теплая горбушка хлеба. Запах ковыля чем-то напоминает запах молоденького жеребенка — когда он набегается по траве вокруг матери, задрав хвост и звонко хохоча по-лошадиному, а потом подбежит к тебе, поводя боками, и упрется в землю ножками, готовый скакнуть в любую сторону, пошевелит ушами, покосит фиолетовым глазом и вдруг поймет, что ты не враг, доверится, шагнет и начнет ощупывать протянутую ладошку теплыми губами. Запах его молодого пота похож на запах ковыля. Совпадение? Как знать.

Степная пыль и тающий снег весенних полей пахнут одинаково — тоже странная одинаковость. Хотя что ж странного? Это запах земли.

Морской прибой пахнет свежерезанным арбузом: запах бодрит, и хочется дышать и дышать. Штилевое море пахнет, как и степь, покоем, но только не покоем мудрости, а покоем усталости — пахнет осенней березой и березовым грибом. В запахе предштормового ветра с моря

вдруг начинает ощущаться аромат лесной росы, выпавшей на болотистых гаях, когда бредешь мокрый от росы среди кустов жимолости и вокруг тебя черными истуканами стоят высокие обгоревшие пеньки. Лет в пять-шесть я бывал с отцом в Забайкалье, на его родине, на реке Хилок, и мне почему-то запомнилась именно такая картинка и такой запах: жимолость, болотистая гарь и красные цветы жарки.

— Странно, — сказал я и понюхал воздух. — Совсем слабая низовка с Черного работает, широкада, а пахнет гарью. Обычно так пахнет гарбия — юго-западный.

— Где-нибудь сушняк жгут, — предположил Гриня.

— Второе сентября, для сушняка рано, — возразил я и снова понюхал.

— Странно.

Со стороны Азовского моря холм был крутым, зарос кустами шиповника и кривыми деревцами дикой шелковицы, и за холмом, за перелесковой степью, мелькнула полоска моря и увиделся далекий горизонт.

Мы спустились с холма и вскоре подошли к невысокому обрыву над морским берегом. Кричали чайки, два мартына гонялись в воздухе друг за другом, видно, что-то не поделили, сладко пахло прибрежными водорослями, которые морской тиной колыхались вдоль слабого прибоя. Несколько рыбацких лодок виднелось на песке. Они лежали вверх днищами, привязанные цепями к вбитым кольям — будто кони за уздечки. В тени обрывистого берега было сыро, прохладно, и легкий шум наката успокаивал и бодрил душу.

— А вот там — "Сольпром", — махнул я рукой в сторону Сиваша. — Там живут цепные коты.

— Ученые? — спросил Гриня. Он снял рюкзак, положил его на песок и теперь расстегивал рубашку. — Идут направо — песнь заводят, налево — сказку говорят. Нет?

— Нет, — я тоже стал снимать рубаху. — У жителей много утят и гусят. Днем хозяйки котов на цепь сажают: от греха подальше. А ночью спускают. Котищи — во какие и голодные. До утра крыс ловят.

— А вы будете рыбу ловить, — решила Наташа.

— Я удочки не взял, — сознался я. — С берега не поймаешь, а лодки все — на замках.

— Тогда давайте купаться, — Наташа стала снимать кеды. Она потрогала ногой воду. — Теплень!

Я понимаю взгляд собак, и они понимают меня — мы не боимся друг друга. Мне кажется, я знаю, о чем думают две вороны, когда иду мимо урны, а те сидят около нее и сообща разворачивают брошенную кем-то бумажку от мороженого. Я угадываю мысли кошек, коров, воробьев и даже знаю, куда и почему решит спрятаться нахальная муха, залетевшая в дом, когда она увидит вдруг у меня в руках хлопущую: мне трусливую нахалку искать не надо, я понимаю заранее, за какую книгу какого стеллажа эта муха спрячется, и даже знаю, что она сейчас там делает — сидит, молчит и дрожит от страха. Иногда мне кажется, я даже знаю, какие сны видит по ночам старый сумах у нас во дворе, и почему сохнет

у гледичии одна сторона вершинки: склеротическое сужение сосудов, отложение солей в них — корешок, который питает эти ветки, угодил, бедолага, в сантиметровую низинку солоноватого песка, и я даже вижу, где под асфальтом и на какой глубине белеет в коже земли эта мертвая жилка.

Одного я не могу понять до сих пор: о чем думают женщины с темными глазами, такими темными, что в них не видно зрачков. Когда я не вижу зрачков, я теряюсь. И странное совпадение — женщины с темными глазами, в которых не видно зрачков, смотрят прямо в лицо без единого мимического всплеска: ни бровь не шелохнется, ни ресницы не приспустятся, ни уголки губ не дрогнут. И от этой таинственной бездыханности взгляда на душе у меня становится беспокойно — как всегда, когда я чего-либо не понимаю: это у меня с детства. Моя жена часто смотрит на меня так вот строго и загадочно. Как дама с веером с картины Веласкеса.

Точно такие же загадочные — темно-синие до черноты — глаза были у Наташи, и вот так же смотрела она на Гриню, когда мы пообедали и они лежали на постеленной на песке простыне, а я — чуть в стороне, ближе к всплескивающей кромке Азовского моря. Море еле слышно шумело. Солнце покатилося к далеким холмам за спиной, там, на берегу Черного. Судя по редким барашкам вдали, ветер с Черного моря посвежел, но под обрывом было тихо, покойно и дремотно. Я люблю слушать шум прибоя — как некоторым нравится лежать на траве и слушать шум леса над головой: шум леса и моря навевает сладко-печальные мысли о том, что все проходит и поэтому все будет хорошо. Все пройдет, и все будет хорошо.

Я видел, как у Грини дрогнули сильные длинные пальцы и трепетно ошупали простыню около Наташиного плеча, прикоснулись к смуглой коже и замерли. Я встал и побрел в воду. Мне хотелось плыть и плыть на север, в открытое море, пока не приплыву куда-нибудь — ну, скажем, в Бердянск.

Когда я вернулся и устало вышел из воды, Гриня раскачивал кол, к которому был примкнут старенький ялик. Гриня работал остервенело. Вздрагивали под кожей мышцы на спине, на ногах, и бледными гириями перекатывались от плечей к сгибу рук бицепсы. Наташа стояла на коленях, грызла яблоко и с интересом наблюдала за работой. Когда я хотел крикнуть: "Не надо!" — подобрывный глинистый ил чавкнул, и кол полз вверх.

Гриня стал пихать ялик в воду. Я подошел. В ялике под носовой банкой оказалось весло. Перо весла ниже валька было обпилено: видно, весло служило румпелем. Гребных весел, конечно, не было: хороший хозяин всегда уносит весла с собой. Весла и парус, если он любит ходить под парусом.

— Ветерок с Черного моря, отжимной — предупредил я. — Не стоит.

Но тут к нам подошла Наташа и тоже стала пихать ялик.

— Мы недалеко, — уверил Гриня. — На якорь станем. А то под обрывом уже солнца нет.

— Ты, Марк, насобирай дровишек для костра, — приказала Наташа.

— Испечем картошку, я шесть штук взяла, обсохнем и — домой.

Я оглядел железную кошку якоря, с десятков метров геркулеса — пенькового троса с металлическими прядями внутри, — на котором он крепился, и пошел собирать сушняк.

Сухого плавника было мало, и я поднялся по обрывчику на степное плато. Здесь ветерок чувствовался сильнее. Я понюхал воздух — пахло гарью. Глянул на уже летящие над головой облачка — они летели с Черного моря, вылетали из-за юго-западной оконечности холма с геодезической вышкой на нем и мчались к Азовскому морю, к его далекому горизонту. Ветер зашел с широккады на гарбию! Море пенисто забелело вдали. Я спокойно походил туда-сюда, насобирал охапку сухих веток и спрыгнул на полосу прибрежного песка. И когда спрыгнул, понял, что уже не до костра.

Гарбия вдруг сделалась не свежей, а штормовой: ветер засвистел в надобрывных кустиках. Море вокруг ялика кипело, и я видел, как Гриня сильно и беспорядочно машет половинкой весла, стоя на кормовой банке на коленях. Но ялик — это не каноз: лодку закрутило.

— Эге-гей! — услышал я тихое из-за встречного ветра. — Ма-арк!

— Яко-орь! — заорал я: по ветру меня можно хорошо слышать.

— Тро-ос! — донеслось испуганное.

"Якорь не держит! Короткий трос", — понял я и забегал по береговому песку, как собака, когда от нее уплывает хозяин.

— Бросайте лодку! — крикнул я, сложив ладони рупором. — Плывите!

— Не до... у-у! — донеслось, и больше Гриня не кричал.

"Не доплыву", — понял я.

— Отправь Наташу-у! — меня душил и страх, и ярость.

Молчание. Я знал, что она не оставит Гриню, не поплывет одна. Женская логика! Иногда видны были их плечи и головы: ялик то взлетал на пенные гребни, то проваливался между ними. Гриня, кажется, уже не греб. Наверно, упустил весло.

Я стал расшнуровывать кеды.

Проклятый труболет! Двадцать два года, прошел вроде бы огонь и воду, а ничего не умеет, даже грести и плавать. Вот сказки рассказывать и хвастаться — хлебом не корми.

Я шагнул в воду и остановился. Ялик не догнать, его уносит быстрее. Я глянул на несущиеся низом тучи: баллов восемь, не меньше. Но если у меня и хватит сил на этот гигантский рывок, чем я помогу? В безвельной лодке я стану мертвым балластом: увеличу осадку, и только.

На мгновение я вспомнил Назара Андреича, преподавателя морского дела: "Хорошая морская практика подтверждает, что решение должно быть быстрым, решительным и бесповоротным. А уж правильно ли оно — подскажет судьба".

— Бегу звать на помощь! — заорал я. — Держитесь. Ждите!

Я крепко зашнуровал кеды, чтобы бежать было удобно, и побежал. Я старался ни о чем не думать: когда ни о чем не думаешь, легче сохранить ритм дыхания. "Ритм, ритм, — восклицала Изабелла Станиславовна, когда я день-два шлендал с Петькой по улицам и ничего не учил

и не делал. — Сила, красота и победа — в ритме. Ты сбиваешься с ритма занятий”.

Стало темно. Я бежал навстречу ветру и запаху гари. Черное море, наверное, ярилось. Оно хлестало в узкий язычок суши и наступало, Азовское — отступало и уносило ялик с моей первой невысказанной любовью.

Солнце еще не опустилось за причерноморские холмы, а мне казалось, наступила ночь: я не видел ничего вокруг. Я пробежал мимо пустого в воскресенье карьера, мимо далеких и, кажется, необитаемых кошар, мимо каких-то хибарок, где телефонной связи, конечно, не было. Уходя утром из дому, я не надел часы и не знал, сколько времени я бежал. Я не помню даже, откуда я звонил, но хорошо запомнил, что справочное не отвечало, а я не знал номера портовой диспетчерской: я рассчитывал на помощь дежурного катера-спасателя. Позвонил в милицию, и, слава Богу, мои бессвязные крики там поняли.

— Сейчас все организуем: куда надо — сообщим, кому надо — доложим, кому следует — прикажем, — успокоил меня дежурный и спросил мою фамилию и адрес и адреса и фамилии Грини и Наташи.

Изабелла Станиславовна ждала меня на улице.

— Что случилось? — закричала она издалека. — Приезжала милиция, я сказала, что вы втроем ушли на Азовское море.

— Мы разбрелись и заблудились, — соврал я.

— Боже мой! — воскликнула тетушка и побежала молиться.

Я зашел во времянку и бросился на кровать. Оказывается, было еще пять часов и в разрывах несущихся туч ярко светило солнце. А я думал, уже ночь.

Отлежавшись немного, я вспомнил про диспетчерскую порта и помялся туда. Меня пропустили.

— Не дрейфь, — сказал седоватый диспетчер с худым землистым лицом. — Спасатель вышел, со мной на связи. Найдем.

— Прошел входной Варзовский буй, — сообщил спасатель через несколько минут.

— Будешь мотаться, западнее мыса Зюк не ходи, — посоветовал диспетчер. — Тут один из членов этой экспедиции подошел. Ищи где-то около точки сорок пять градусов тридцать минут северной и тридцать шесть с половиной — восточной.

— Вас понял, — согласился спасатель. — Сорок пять и пять — северной и тридцать шесть и пять — восточной.

— К весту от Зюка пусть не ходит, — подтвердил я. — Линия сноса — по норд-осту. Гарбия работает.

— Гарбия-широккада, — уточнил диспетчер.

Я собрался было пристроиться на стуле, но диспетчер хмуро глянул на меня, чиркнул что-то на листке, вырвал его из настольного блокнота и протянул мне.

— Номер телефона по городской АТС. Постарайся звонить реже. У меня много работы. До свидания.

— До свиданий.

Я долго еще бродил вдоль железной решетки портового забора,

около проходной, смотрел на мутные огни далеких буев и думал о том, как отвратительно готовят в столовой нашего училища.

Я ходил и ходил по улице взад-вперед, но вскоре пошел дождь, ветер стал утихать, и я побрел домой, сжимая в кармане бумажку с номером телефона.

Когда я позвонил в четвертый раз, диспетчер прокричал:

— У меня два наших сухогруза на подходе, итальянец ждет лоцмана, пассажир из Жданова путается под ногами, вклинивается в связь да ты еще меня задурил. До шести утра не звони, отвечать не буду: это приказ. Пока обстановка без изменений. Темно. Сильно ограничена видимость. Если до рассвета не найдем, вызову вертолеты. Привет.

Тягостно тянулась подступающая ночь. Я не раздевался и то заходил во времянку, то выходил во двор. У Изабеллы Станиславовны матово светилось окно — она всегда спит при ночной лампе. А может, тетушка тоже не спала? Молилась? Полная луна мчалась над тучами, иногда врезаясь в их рыхлый сумрак, и тогда ярче светили уличные фонари. Что-то монотонно звякало о водосточную трубу: я подошел, присмотрелся. Оказался рваный женский поясok с пряжкой. Я почему-то со страхом отцепил его палкой — он показался мне похожим на Наташин.

Наконец я не выдержал: странная мысль пришла мне в голову. Я взял фонарик, открыл сарай, нашел сверток с раковиной, развернул его, принес рапану, положил на подоконник, разделся, выключил свет, лег в постель и стал смотреть на раковину. Мне было холодно, и я слегка дрожал.

Когда я уже отчаялся, рапана посветлела, и я увидел еле различимые линии лба, носа, излом губ.

— Ах, Наташа, Наташа, — шептал я, глядя на заголубевшую рапану: мне показалось, что вздрогнули веки в темных глазницах и еще ниже опустились уголки губ. — Ах, Наташа, Наташа, что я натворил!

Вскоре на дворе зашумел дождь, будто морской накат, я шагнул в воду и остановился. Ялик не догнать — его уносит быстрее. Я глянул на несущиеся низом тучи: баллов восемь, не меньше. Но если у меня и хватит сил на этот гигантский рывок, чем я помогу? В безвесельной лодке я стану мертвым балластом: увеличу осадку, и только.

На мгновение я вспомнил Назара Андреича, преподавателя морского дела: "Хорошая морская практика подтверждает, что решение должно быть быстрым, решительным и бесповоротным. А уж правильно ли оно — подскажет судьба".

Я поплыл.

Когда прибрежное мелководье осталось позади, ветер заработал на просторе в полную силу и погнал высокую пенную волну. Плыть стало тяжело. Хорошо использовать накатную волну, когда плывешь к берегу: чем ближе желтеющая вдали полоска, тем накат становится круче, волна вроде бы убыстряет бег, иногда приходится даже слегка отбавлять назад, чтобы не свалиться почти отвесно с гребня. Плыть по волне, бегущей в открытое море, оказалось тяжело и тоскливо.

Когда я взлетал, распластавшись, на довольно уклонистые вершины и пошевеливал кистями и ступнями, будто рыба плавниками, я успевал

иногда увидеть то кренящийся ялик, то лишь головы и плечи Грини и Наташи, — когда лодка падала между волнами. Мне казалось, что ялик все оседает и оседает: вычерпывать воду было нечем, я знал об этом.

Несколько раз я оглядывался: берег уплывал назад.

— Наташа! — закричал наконец я.

Они услышали. Гриня вскочил и радостно замахаля руками. Ялик накренился, вал, прокатившись, шлепнул его под мокрое пузо. Гриня вскрикнул, и я упал с гребня волны к подошве. Когда я снова увидел море, ялик плыл на уклоне волны кверху килем, и Гриня лежал на днище, обхватив его могучими руками и ногами. На блестящем от солнца просмоленном днище он был похож на голую черепаху, которая вылезла и оседлала собственный панцирь.

— Руку! — крикнула вынырнувшая Наташа, и в это время вторая волна стала подымать перевернутый ялик и накрывать Наташу.

— Руку, труболет! — заорал я и яростно заработал ногами: мне показалось, что я дельфином помчался сквозь горько-соленые увалы.

Гриня руками и ногами вцепился в планшир под водой, и, наверно, теперь его не оторвал бы от скользкого панциря даже гигантский спрут своими страшными присосками. Я видел, как пальцы Наташи скользнули по загорелой Грининой икре и попытались ухватиться за широкую шиколотку. Гриня дрыгнул ногой, пальцы соскользнули и скрылись в белой пене, а ялик взлетел на гребень волны, упал, снова взлетел и снова упал: лодку уносило.

Мне показалось, что недалеко кольхнулись белые Наташины волосы — или это была морская пена? Я успел заметить, что солнце воздушным шариком вылетело из-за туч, все вокруг стало ясным и светлым, где-то крикнула чайка, и я нырнул.

Когда я вынырнул в третий раз, днище с намертво прилипшим к нему Гриней виднелось уже далеко. По лодке с одной стороны и по мелькающему обрыву берега с другой я определил, что меня сносит, и нырнул навстречу накатывающимся волнам. Я погружался долго, у дна вода стала светлее, были уже заметны полужансенные песком камни и темный лесок водорослей. Стало трудно двигаться и дышать. Я задышался, попробовал вдохнуть светлую воду, и это помогло — сил прибавилось. Я поплыл над донным песком, обогнул занесенный илом разрушенный остов старинной баржи с обомшелыми деревянными шпангоутами, потом встал на ноги и пошел по желтому от песка и солнца дну. За остовом баржи я повернул направо и увидел Наташу.

Она лежала на дне, опершись локтем на песок и положив голову на ладошку: из песка вокруг локтя торчали двустворчатые ракушки, похожие на мидий. Другой рукой Наташа пыталась погладить бычка, который игривым котенком тыкался ей в колени и тут же быстро отплывал. Это был бычок-кочегар, бычок-каменка. Недалеко действительно старинными мрачными памятниками чернели камни, обросшие водорослями, будто мохом. Стайка веселых хамсичек-черноспинок с любопытством издали рассматривала Наташу. Старый седой судак выплыл было из-за камней, поглядел на меня, на прилегшую Наташу, подумал секунду-другую и уплыл обратно: береженого Бог бережет.

Старые рыбы, как и люди-старики, осторожны и недоверчивы.

Наташа увидела меня и кивнула.

— Вот ты где, — обрадовался я. — Ты не ушиблась?

— Нет, — ответила она и заплакала. — Я утонула.

Слезы капали на песок и превращались в прозрачные камешки. Ракушки захлопали своими створками и стали проглатывать камешки. Я догадался, что ракушки эти — жемчужницы.

— Ишь, лодыри, — подходя, недовольно проговорил я и махнул рукой. — Кыш! Нет самим вырабатывать, готовый глотают, тунеядцы противные.

Ракушки, хлопая створками, стыдливо расплылись и закопались в песок: только легкая муть осела.

— Не плачь, — я присел рядом на обомшелый камень и трепетно прикоснулся к Наташиным волосам — погладил. Косынку она комкала в руке, и волосы окутывали ее голову и плечи, будто морская пена. — Здесь не так уж и плохо утонуть. А то, глядишь, в каком-нибудь болоте сидела бы сейчас: что хорошего?

— Там лягушки, — сказала Наташа. — Они веселые.

— А здесь бычки, — возразил я. — Они ласковые.

Наташа погладила бычка, и тот стал тереться об ее колени и смешно мурлыкать.

— Теперь мы вместе, и все будет хорошо.

— А Гриня? — тихо спросила Наташа. — Он уплыл?

— Уплыл, — подтвердил я. — Ты не думай о нем. Он трус. Труболет и трус.

— Он дрыгнул ногой, — Наташа опять заплакала. — Может, он меня не любит?

— Он трус, — сказал я. — А трусы не могут любить. Это как боязнь высоты. Не может человек, и все тут.

— А ты? — спросила Наташа и посмотрела на меня в упор.

— Я люблю тебя, — тихо сказал я.

— А почему не признался раньше? — Наташа легонько подтолкнула бычка, и тот обиженно поплыл к своим камням.

— А Гриня? — вроде бы равнодушно спросил я и отвернулся. Из-за остова баржи выплыл осетренок и удивленно уставился на нас. Он был молодой, любопытный и подплыл ближе.

— Гриня сразу сказал, — Наташа потупилась, вздохнула и посмотрела вверх. — Хоть бы он доплыл. Он, бедный, боится.

Наташа снова посмотрела вверх. Высоко в небе уже плыли не тучи, а редкие облачка, и заходящее солнце подкрасило их в оранжевый цвет.

— Можно я тебя поцелую? — тихо спросил я.

— Нет-нет, — воскликнула Наташа. — Это плохая примета. Я ведь покойница.

— Мне все равно, — прошептал я, наклоняясь. — Плевал я на приметы. Я люблю тебя, и плевать мне на все.

Наташа опустила глаза.

— Тогда поцелуй, — согласилась она.

Я трепетно сглотнул набежавшую слюну и наклонился к Наташе: она

закрывает глаза. Губы были у нее прохладными и пахли сырым ветром. Я поцеловал ее еще раз.

Осетренко подплыл совсем близко, любопытно уставился на нас и проговорил звонким голосом:

— Ну и ну... Неприлично. А еще люди.

Я показал ему кулак, осетренко презрительно ухмыльнулся и удрал.

— Домик бы сначала построили, — крикнул он издали, — а потом уж целовались. Где будете детей выводить?

— Ты пошла бы за меня замуж? — спросил я.

— Пошла бы. Жаль, ты не сказал об этом раньше.

— Я писал о тебе стихи.

— Ой? — воскликнула Наташа, поднялась, села на песок и обхватила колени руками: точь-в-точь Аленушка на берегу пруда. — Как жаль, что я не знала. Прочти что-нибудь.

Вечерело. Ветер на поверхности утих. Со дна вечернее небо казалось светлее, чем на земле, но звезды виделись большими и яркими. Далеко из-за кубанского берега выплывала луна. Синим-синим виделся вечер, окутывающий землю и море.

— *Вдруг одинокими ночами
В каком-то странном полусне,*

— начал я, сорвал водоросль-травинку, растущую около моего камня, и стал покусывать ее: я еще стеснялся первого признания в любви, —

*Девчонка с синими глазами
Во сне являться стала мне.
Лишь только синий-синий вечер
Уйдет в свое небытие,
Под снежный скрип и снежный ветер
Я начинаю ждать ее.*

— Меня? — едва слышно спросила Наташа.

— Да, — так же тихо ответил я. —

*Она приходит и ломает
Сосульки с водосточных труб,
Игриво варежки снимает,
И синий пар струится с губ.
И ручкой белой и желанной
Все что-то пишет на окне,
С улыбкой ищущей и странной
Все хочет заглянуть ко мне.*

— Как жаль, что ты не прочитал мне об этом раньше.

— Я боялся, — сознался я.

— Трусилка, — ласково сказала она. — Читай.

Я прикрыл глаза и увидел времянку, Изабеллу Станиславовну, старый сумак и вечерний снег, падающий хлопьями. Это стихотворение я написал, когда прошлой зимой Наташа стала ходить на занятия к тетушке.

*Слежу за ней я до полночи,
Стою у шторы, чуть дыша.
И в чем-то так признаться хочет
И так пугается душа.*

— Пугается душа, — повторил я и быстро глянул на Наташу. Наташа понимающе кивнула.

— Девчонка тоже знает что-то,

— в последнем четверостишии я оставил себе место для крохотной надежды. —

*И тоже хочет встречи, но...
Всю ночь скрипит крыльцо, и кто-то
Порой слегка стучит в окно.*

— Я стучу? — спросила Наташа.

— Ты.

— А я тоже кого-то ждала, — созналась Наташа. — Жаль, что ты не сказал об этом раньше. Если бы ты прочитал мне эти стихи раньше, я, может быть, не утонула бы. Трусишка, — она вздохнула.

— Прости, — прошептал я и наклонился к Наташе. — Я люблю тебя. — Прости и ты меня.

— Домик сначала постройте, — звонко закричал осетренок: он, оказывается, спрятался за камни и подслушивал. — Ни стыда, ни совести.

Старый судак испуганно прошептал:

— Да черт с ними, пусть целуются. У них все сикось-накось: сначала целуются и рожают, а потом домик начинают строить. Нерыбь, она нерыбь и есть.

— Эва, — осетренок поплыл, испуганно оглядываясь на нас: еще, мол, запузырят камнем вдогонку, от нерыби все можно ждать.

— А Гриня тебе что говорил? — хмуро спросил я.

Наташа засмеялась, вытерла скомканной в руке зеленой косынкой слезинки, еще оставшиеся на ресницах, и повязала косынку на шею.

— Я провожала Изабеллу Станиславовну, а он, оказывается, поджидал нас на углу. Подошел и говорит: "Бонжур, мадемуазель". Тетушка твоя обиделась и поучает: "Первыми здороваются со старшими". А он растерялся и говорит: "Пардон. Бонжур, мадам". Мы так смеялись над его произношением.

— И все? — недоверчиво спросил я.

— И все, — ответила Наташа и вздохнула. — А потом каждый вечер мы гуляли.

— И все? — опять спросил я.

— И все, — ответила она тихо. — Больше ничего не было.

— И за это ты его любишь?

— Да, — она заплакала. — Ты же ничего мне не говорил? Не говорил.

И никто не говорил. А он сказал.

— Он трус! — закричал я.

— Нет, — обиженно возразила она. — Он просто боится утонуть.

Я не нашел, что ответить.

— Прощай, — сказал я.

— Прощай.

Я хотел было всплыть на поверхность, но передумал и пошел пешком.

Когда я вышел из воды, звезды таяли над головой и предрассветно заголубела луна. Было прохладно, тихо, пахло дымком рыбацкого костра и приперченной ухой. Я глянул на часы: шесть...

— Шесть! — я вскочил с кровати и очумело глянул на окно. Светало. Над крышей Белякиных розовело небо, и на подоконнике потухала рапана. Меня покачивало. Я включил свет, взял со стола и зажал в кулаке две двухкопеечные монеты и побежал к телефону-автомату. На прохладном воздухе мне стало легче.

— Нашли, нашли, — услышал я в трубке. — Жив твой дружок. Верхом на перевернутом ялике плавал.

— А девушка? — крикнул я в трубку. — С ним была девушка!

Трубка помолчала и ответила:

— Девушку продолжаем искать.

Через три дня рано утром я пошел не на занятия, а отправился к причалу судоремонтного завода. От этого причала в семь утра отходил катер "Путеец", который развозил по судам земкаравана и обратно на берег сменяющиеся вахты.

Время подходило к семи, а Гриня все не было. Пришли знакомые матросы с шаланд, пришли Жора Булин и старик-моторист, лебедчики. Две поварихи поживались от утренней прохлады, позевывали помощники капитанов, показался из-за токарного цеха завода толстенький, всегда чем-то недовольный багермейстер, а Гриня все... Нет, за багермейстером показался из-за угла и он.

Гриня увидел меня и даже вроде споткнулся. Он посмотрел по сторонам, но бежать было поздно и некуда, а я стоял у самого трапа, положенного с причала на планшир фальшборта катера. Гриня подошел и протянул руку.

— Здорово, флот, — нарочито весело сказал он. — За справками?

Я заложил руку за спину и громко сказал:

— Ты почему не подал руку Наташе, когда опрокинулись? Она тебе кричала.

— Ты рехнулся? — Гриня сунул руки в карманы и посмотрел на людей: мол, видали чудака?

— Наташа ухватила за твою ногу, а ты дрыгнул ногой, Наташа и сорвалась, — я почувствовал, что голос у меня начинает срываться, и краем глаза видел, как все на катере переглянулись и подвинулись поближе к фальшборту, а Жора Булин шагнул в толпу, все расступились, Жора ухватился за леер трапа и замер.

— Не баламуть воду, — Гриня сощурился и вытащил руки из карманов. — Ты в это время по степи драпал.

— Я не драпал, я бежал, — меня начало трясти от ярости. — Я бежал звать катер, который тебя спас. А ты, гад, побоялся протянуть Наташе руку, и поэтому она утонула.

— Ты драпал, как заяц, — усмехнулся Гриня.

Я размахнулся и ударил, но я не умею бить людей, и получился не удар, а пощечина: сильная и звонкая — кто-то из поварих охнул.

— А-а-а, — пугающе сощурился Гриня, но в это время Жора Булин взлетел на трап.

— Сгинь, тр-р-руболет, — рявкнул он. — Я не знаю, как было дело, но знаю, что ты это можешь — не подать руки.

Гриня обмяк, потух и, не глядя на меня, бочком прошел по трапу и устроился на противоположном борту за судовой надстройкой. Жора тоже спрыгнул на палубу. В это время пипикнуло семь часов и механик с "Путейца" запустил двигатель: два клуба дыма рванулись в небо из рокочущей трубы, затряслась палуба, и два матроса убрали трап.

— Марк, отдай! — крикнул молоденький капитан "Путейца".

Я сбросил гашу швартового конца с береговой пушки, и катер развернулся задним ходом.

Недели через две-три Петька сообщил, что Гриня уволился и устроился грузчиком на товарной станции.

А еще через два года, когда мы окончили училище, Петька погиб в свой первый рабочий рейс на лихтере "Рокша". Я справлял проводы в армию без него.

Неудачно как-то сложилась у меня судьба смолоду. Первую свою не понятую мной и невысказанную любовь, первого закадычного друга детства, с которым никогда даже не заговаривал о дружбе, я потерял до того, как понял, что они — единственные в моей жизни. Потом будут еще и действительно были, но — какие-то не такие. Без которых, в общем-то, можно было бы прожить. А без них, без первых, нельзя. Без них просто-напросто не бывает.

За день до отправки я долг и бесцельно ходил по двору, пошатал низкий штакетник садика-огорода, поплотнее насадил голик метлы на черенок, потуже обвязал его — зима не за горами, тетушке придется самой выметать снег с дворовых дорожек. До этого, еще утром, я сложил в ящики инструмент, холсты, поделки из ракушек и дерева, которыми любил заниматься в часы непонятной юношеской печали, перенес в дом ящики, книги, картины и теперь никак не мог найти себе дело. Было воскресенье, но Изабелла Станиславовна дежурила, чтобы завтра иметь возможность целый день торчать в военкомате и на вокзале, украдкой плакать и совать в отцовский вещмешок какие-то пончики.

Стояла дождливая, слякотная осень, ноябрь был на исходе. Карликовые курочки сидели в крохотном курятнике печальные, сумах сбрасывал последние мокрые листья и поеживался под сырым ветром. У меня непривычно холодило кожу на остриженной голове даже под кепкой, и я все натягивал козырек на самые глаза. Тайная и злобная мысль терзала мне сердце, я боролся с этой мыслью, даже смея ради прочитал две-три довольно поэтичные молитвы, способные образумить и успокоить встревоженную душу, готовую свершить грех мести. Но в конце концов языческая кровь отца-безбожника победила, я плюнул на все тетушкины заветы и пошел в сарай.

Дранный рукав фуфайки с засунутой в него рапаной лежал за кирпичами под слоем уже затвердевшей пыли. Я вытащил раковину, завернул в газету, положил в болоньевую сумку, сунул туда несколько книжек, новый бритвенный прибор, купленный тетушкой по случаю моего осолдатчивания, и пошел на Японку.

Гриня был дома.

— Твоя двухэтажка плывет по Японке, как пароход посреди Черного моря, — пошутил я, очищая в прихожке ботинки. — Грязь сквозь стены не просачивается?

— Черт с ней, — равнодушно проворчал Гриня, поглядывая на сумку. — Значит, в армию?

— Да, — кивнул я и тут же соврал: — Был у знакомых девчонок, шел мимо, дай, думаю, зайду. Подарков надарили мне, — я стал доставать "подарки". — Прибор бритвенный, книги, а это что? Рапана! На кой черт она мне? Мы с Петькой с того лета — помнишь? — не промышляли не маленькие. — Я вроде бы равнодушно глянул по сторонам и воскликнул: — Гриня! Взрослый человек, а не можешь пепельницу порядочную купить. На вот тебе на память: под окурки.

Я взял с подоконника консервную банку с вматыми в нее окурками и положил на ее место рапану. Чтобы не было сомнений и возражений, я вышел на крыльцо и запузырил банку к мусорному ящику возле посадившейся уборной.

— Спасибо, — сказал Гриня. — Все-таки обновление обстановки.

В комнате стоял все тот же бабкин диван, хромоногий шифоньер, и даже запыленная живучая сорокаваттка без плафона была, кажется, все та же.

— Не захватил ничего? — Гриня кивнул на сумку. — В честь проводов.

— Не употребляю, — разочаровал я его и покашлял. — Туберкулез.

Гриня вздохнул и потерял интерес к моему посещению. Мы поболтали о том, о сем, и я поднялся со скрипучего стула.

— Ты зря на меня тогда бочку покатыл, — хмуро сказал Гриня, прощаясь под дырявым навесом подъезда: с навеса капало. — Я ведь сообразить ничего не успел. Мне показалось, кто-то крикнул: чайка, наверно. Я вскочил посмотреть и — кувырк. А потом ничего не помню. Помню только, вцепился и держался: меня еле-еле сняли.

— Это ты с перепугу, — объяснил я.

И захлюпал по грязи к далекому асфальту.

Когда я вернулся из армии, тоже была осень, но сухая, теплая и солнечная. В синем воздухе плыли паутинки по-крымски позднего бабьего лета, и не верилось, что скоро зарядят дожди.

Два очередных горя поджидали меня той светлой осенью: умерла тетушка и ослеп Гриня.

Сразу после моего возвращения из армии Изабеллу Станиславовну выписали из больницы на мое попечение: ей оставались считанные дни. Она лежала на кровати маленькая, как пятилетняя девочка, высохшая и легкая, как, наверно, мумия фараона. Ручки и пальчики у нее стали прозрачно-восковыми, но и их-то она еле поднимала. Утром и вечером

приходила медсестра и делала Изабелле Станиславовне уколы: последние дни тетушка дотягивала на морфии. За несколько минут до смерти она поманила меня ресницами: я встал на колени около кровати, чтобы лучше слышать.

— Прощай, — она застенчиво попыталась улыбнуться. — Приходи... на могилку.

— Не надо, — шепотом попросил я. — Тетя, милая, не умирай, я не хочу!

Она закрыла глаза и больше в сознание не приходила.

Похоронив тетушку, прописавшись и встав на воинский учет, я устроился в "Югрыбпромразведку", проходил врачебную комиссию и в поликлинике водников встретился с одним знакомым матросом с "Путейца".

— Гриню-труболета помнишь? — спросил он между прочим. — Ослеп.

Я обмер и хотел спросить когда, но в это время дверь терапевтического кабинета открылась, и парень шагнул туда, а я через минуту — в хирургической. Мы разминулись.

Вечером я отправился к труболету. На этот раз захватил с собой бутылку портвейна. Чувство вины, по-детски жестокой и по-взрослому непростительной, угнетало меня. Мысли суровые и покаянные терзали душу: может ли один человек судить другого? Разве я — нация, народ, отечество?

Грини дома не было. На мой упрямый стук выглянула дородная женщина лет пятидесяти, в калошах на босу ногу и в душегрейке без пуговиц.

— Я недавно вернулся со службы, — объяснил я. — Говорят, с вашим соседом случилось несчастье?

— Бог наказал, — радостно сообщила женщина. — Я сразу всем сказала, как он бабнастасьиных кошек утопил: аукнется убийцу кошкины слезки, — она почесала пальцем неровный седоватый пробор, поманила меня этим пальцем и прошептала: — Первую осень и зиму ничего жил, попивал малость, правда. И то: один, заработок у грузчиков хороший, что делать мужику? А как-то летом, в самую жару, дуреть начал, — женщина оглянулась по сторонам, кинула взгляд вверх, на заплыванную лестницу ко второму этажу, уперла руки в бока и вдруг вызывающе громко заявила: — Чокнулся. — И снова глянула вверх: видно, там жил кто-то из ее недругов.

— Как это: чокнулся? — попросил я растолковать.

— По ночам разговаривать стал, — снова зашептала женщина, поправляя засаленный фартук. — А то как заорет: "Руку, — кричит, — дайте руку!" И пить стал не в меру, прямо-таки запоями. А потом, известное дело, туда угодил. — Женщина покрутила ревматическим пальцем у виска.

— А ослеп-то как? — спросил я. — Давно ли?

— С месяц назад. Один дружок по пьяни пепельницей по башке отоварил: опивки не поделили, ироды поганые.

— Пепельницей? — ошалело спросил я.

— Раковиной, — охотно уточнила женщина и восторженно вытаращила глаза. — Во-о-от такой, — она показала объем величиной с хорошую сковородку. — Уж на что тяжела была: я сама, бывало, окурки туда сметала, — женщина смутилась. — Знаете, зайдешь иногда помочь, прибрать малость... мужик без призора все-таки.

— Так что с раковиной? — поинтересовался я.

— Вдребезги, — женщина восхищенно всплеснула руками. — Вот на такусенькие кусочки брызнула, — она показала кончик мизинца. — Гриня, бедняга, два месяца отвалился и ослеп. Недели две как вышел. Не совсем ослеп, но солнечного света не терпит: в черных очках ходит. И с палочкой.

— Придет, передайте ему, — хмуро сказал я, подавая портвейн. — Скажите, Марк вернулся со службы. В загранку, мол, готовится.

— И-и, миленький, — довольно запричитала женщина. — Уж мы с ним друг друга — ни-ни, ни в жисть не обманем. Хотела идти, но уж я его дождусь, ты будь уверен.

Я побрел домой.

Вот тут-то вскоре и появилась в городе белая собака с голубыми глазами.

Уже промерзла и позванивала под ногами земля, осыпанная редким снежком, уже по утрам подымался над проливом холодный парок, уже казалось, что по ночам Вечный огонь на холме Митридат немного согревает город, стылое небо и душу, уже после штормового грего ледяные сосульки свешивались с каменных перил опустевшей набережной, когда от кого-то услышал я в автобусе про эту собаку.

— Они, черти залетные, все лето поди гуляли с ней по набережной, а осенью — на самолет и — фьють... Собак в самолет не пускают, вот и прощай, верный друг, — горячился один голос.

— Да нет, — не соглашался другой, порассудительнее. — Таковую породистую собаку зазря не оставят. Она, может, на деньги дороже любого билета. Не говоря уж о человечности.

— И-и, милый-дорогой, — усмехнулся горячий голос. — Нашел с кого человечность спрашивать: с курортников!

На юге, во всяком случае в Керчи, местное население твердо уверено, что все зло этого мира: пляжные кражи, разврат, пьянство, болезни и особенно взлет рыночных цен привозят с собой курортники. Курортниками здесь зовут всех приезжающих летом: и дикарей, и гостей, и проезжих, и меньше всего — собственно прибывших в санатории и на курорты, поскольку те живут в пансионатах и по базарам, диким пляжам и по переполненным магазинам и столовым, как правило, не шастают.

— Нашел с кого совесть спрашивать: с курортников! — повторил горячий голос.

— И среди них есть люди, — возразил рассудительный.

— Брось лапшу на уши вешать, — возмутился горячий.

— А что за собака? — спросил кто-то.

— Не встречал? — затараторил горячий. — Вроде колли, шотландской овчарки, только та коричневая с белым пузом, а эта вся — белым-белехонька. А шерсть, что волос: длинный да волнистый — страсть.

— Шерсть — куда ни шло, — добавил рассудительный. — А вот глаза... Видел у собак голубые глаза? Даже не голубые, а синие-синие — И ошейник — зеленый. Видел когда-нибудь зеленый ошейник? — оставил горячий.

— С номерком? — спросил любопытный.

— Вроде нет, — согласились на этот раз друг с другом оба очевидца.

Горячий добавил:

— Говорят, вторую неделю бегают по городу, во все дворы заглядывают.

— Сам видел, — подтвердил рассудительный. — Стоит на углу и всем в глаза заглядывает. А пройдешь, еще и оглянется, вроде размышляет: ты, не ты? А глаза — синие и умнющие-умнющие.

— Хозяина ищет, — заключил любопытный. — Потерялась.

— А может, какая сволочь с накрашенными губами бросила, — вновь возмутился горячий голос.

— Сволочь, может, не бросила, а бросил, — вступилась за честь пол-интеллигентная дама с ярко накрашенными губами.

— А может, хозяин дуба дал, — уныло добавил мужичок в допотопном полупальто-москвичке и в кирзовых сапогах. — Шлепнул лишний стаканчик и — кондрашка тут как тут. От кондрашки спасенья нет: будь ты с собакой, будь с котом — все едино.

Разговор тут же задумчиво утих.

Я услышал об этой удивительной собаке еще не раз, и почему-то, когда очередной очевидец рассказывал о ней, мне становилось как-то тоскливо, горько и одиноко. А почему — не мог понять. Особенно таинственно волновало меня упоминание о зеленом ошейнике. "Ну, почему, почему зеленый? — долго и затаенно думал я после очередного рассказа. — И почему меня это так щемяще трогает?"

Однажды я возвращался домой после "стариковской" вахты — до ноля. Было уже где-то полпервого ночи: гулко отдавались шаги в пустынных переулках, полная луна плыла над городом. Приближался Новый год, я легко и немного бессвязно думал о будущем, о том, что надо бы жениться: уйду в рейс, на кого дом оставлю? Курочек, гуляку Амвросия Платоныча, да и вообще...

Завернув за угол, я уже стал искать в кармане пальто ключи от калитки и дома. И вдруг на противоположной стороне улицы увидел белую собаку. Она сидела как раз напротив моей калитки, свесив голову и о чем-то, видно, думая. Я шагнул раз, другой. Собака услышала скрип снега, подняла голову, посмотрела и пошла мне навстречу. Луна светила у меня из-за спины, и, когда мы поровнялись, я как-то странно испугался не чего-то либо, а именно чего-то такого, о чем словом и не скажешь. Бывает такая секунда-две, когда сердце холодеет от необъяснимого страха, вернее, от страха чего-то необъяснимого.

Я видел собак с глазами серыми, черными, темно-лиловыми, как две маслины, и даже с кроваво-красными, как, наверно, у собаки Баскервилей. Но я еще ни разу не встречал — да и до сих пор не видел — еще ни разу не встречал собаку с такими грустными синими-синими глазами. Обычные грустные глаза собаки, потерявшей своего хозяина: уже слыш-

ком худой, но еще очень красивой. Волнистая и — чувствовалось — мягкая шерсть была длинна, густа и действительно белым-белехонька. Только кончик носа и коготки на снегу были черными.

— Вот такая наша жизнь, — сказал я и протянул руку, чтобы погладить: я не верил, что такая красивая и, наверно, очень породистая собака может укусить... Собака шагнула назад. — Такая наша с тобой жизнь, и тут уж ничего не поделаешь. Ты потеряла хозяина, а я, милая, все: отца, мать, тетушку, друга и первую любовь. Я бы взял тебя к себе: говорят, два несчастья, если их сложить, оборачиваются порой счастьем. Но я — моряк, а тебе нужен хозяин оседлый. Хозяин-бродяга тебе ни к чему, верно?

Собака слушала меня, о чем-то думала, а потом медленно побрела мимо по улице. И вот когда она проходила рядом, я что-то вспомнил, меня поразил ее ошейник. Собака немного повернула голову ко мне, проходя мимо, и в лунном свете я увидел под пеной спадающей на грудь белой шерсти зеленый ошейник. Тонкие концы его были не застегнуты, а завязаны узелком. Ни пряжки, ни кольца для поводка не было. Собака медленно уходила, сердце у меня колотилось, мысли смешались, я следил за ней, она дошла до угла, оглянулась, подумала-подумала и скрылась.

Дома я долго ходил по комнате, потом порывлся в тетушкиной аптечке, хватанул три таблетки элениума и, когда засыпал, подумал: "Этак недолго и рехнуться. Моряк, с печки бряк".

Утром я твердо решил жениться, но через два месяца ушел в свой первый рейс на траулере типа "Тропик" в советско-иракскую рыбопоисковую экспедицию, и у меня это как-то не получилось — жениться.

Когда мы пришли из рейса, стоял нежный сентябрь. Уже хмурый грего ершил пролив, уже светлели скверы и во дворе у меня плавал густой запах земляники: поспевал виноград. Соседка Белякина уже собирала причитающийся ей за присмотр дома урожай.

Дня через два я отправился на базар закупить корм для карликовых курочек, с которыми мне не хотелось расставаться: в память об Изабелле Станиславовне. Я уже выходил с базара через ворота со стороны автовокзала, тащил две тяжеленные сумки и вдруг увидел Гриню. Он шел в соломенной шляпе, слегка небритый, с огромной неостриженной копной каштановых волос, и белозубо сверкала полоска между не мужски припухлыми губами: по-прежнему красивый, высокий и сильный, только без "яблока на голове" — слегка сутулился уже. "Он не трус, — вспомнилось вдруг мне. — Просто он боится утонуть". Гриня был в черных очках и с тросточкой в правой руке. В левой он держал поводок, и на нем шла у его ноги белая собака с голубыми глазами. На ней был простой ошейник из брючного ремня и веревочный поводок. На Грине — драный пиджак с коротковатыми рукавами, измятые брюки выше шиколоток и замызганные старой грязью рабочие ботинки. Он меня не видел, а собака, проходя мимо, мельком глянула на меня, гордо подтянулась и пошла дальше.

Долго еще следил я за соломенной шляпой в толпе, пока она не скрылась за навесом.

ВОЙТИ В ЕГО МИР

История в письмах
со счастливым концом

История эта почти неправдоподобна. Но будь она плодом журналистской фантазии, фантазия наверняка показалась бы читателю слишком изощренной, сюжет надуманным, а исход истории — излишне смахивающим на кинематографический "хэппи энд". Но это — быль! И письма, о которых пойдет речь, — вот они, передо мною, читанные уже не один раз. Позволю себе обойтись без фамилий. И место действия, пожалуй, тоже не назову. Он не слишком велик, этот приморский уютный город, где все началось, куда шли солдатские письма, где сегодня продолжается жизнь двух людей: восьмилетнего и двадцатидвухлетнего. Судьбы, связанные удивительными узами...

Жизнь младшего из двух моих героев началась с самой большой трагедии. Несколько дней от роду он остался на земле один-одинешенек. Сирота, брошенный. Так маленький человек попал в

Дом ребенка. Впрочем, другого пути не было: такой дом в городе один. И, к счастью для его далеко не счастливых маленьких жителей, дом теплый, чистый, сердечный — каким бывает далеко не каждый семейный. А этот, казенный, усилиями добрых рук и мудрых сердец, пожалуй, самый приветливый из всех сиротских домов, что пришлось видеть в разных уголках страны. Таким он был и в старом, небезопасном, полуразвалившемся тесном здании, когда привезли в него малыша Петю. Добротой и доверием встретил Дом ребенка и Сашу, тогда десятиклассника, впервые переступившего порог Дома ребенка несколько лет назад вместе с друзьями-одноклассниками.

Зачем они пришли сюда? Трудно сказать. Но чьих-то благих намерений хватило лишь на один раз, а кто-то надолго запомнил дорогу в Дом ребенка, о существовании которого многие благополучные жители города даже не подозревали. Некоторые потом вместе с Домом ребенка праздновали его новоселье (жаль вот только — еще дальше от моря и от центра города живет теперь этот дом...). А для Саши он на время стал не вторым домом, нет — первым... И без преувеличения.

Петька как-то сразу ему приглянулся. Живые глазенки, улыбка-загадка и это бросающее в дрожь безапелляционное "папа!" — чуть ли не с первой встречи... Женская интуиция подсказывала тогда главному врачу Дома ребенка Нелли Георгиевне, что стоит наплевать на все положения и инструкции, что можно закрыть глаза на Сашины шестнадцать лет. Так Петька за руку с любимым

человеком (дети ведь очень скоро признаются в любви) отправился на первую прогулку по родному городу. Прогулки эти стали частью их жизни. Самой главной частью.

За мужскими разговорами проходили целые часы. Вернее — неизменно стремительно пролетали. Так проплыла весна, наступило лето, откружился школьный выпускной бал. Лето это так и останется для Саши самым значительным мигом его жизни, редким и счастливым — когда человек, просыпаясь утром, уверен, что он кому-то очень нужен, что его ждут и любят, что он незаменим.

Но — не правда ли — продолжительное состояние безоблачного счастья всегда кажется зыбким? Александр-маленький, как звали его в Доме ребенка, все же предчувствовал этот день. К тому же, взрослый уже человек, он прекрасно знал, что всему в этой жизни — особенно хорошему — рано или поздно приходит конец.

Невиданное счастье ждало и Петю — такое выпадает на долю далеко не каждого малыша в Доме ребенка. Александр узнал об этом тогда, когда Петька еще ни о чем не подозревал. Главврач, с трудом подбирая нужные слова, от которых все равно почему-то впервые в жизни Саша понял, что такое "щемит сердце", сообщила о Петькином счастье: "У Пети появились усыновители. Теперь они будут приходить к нам, чтобы привыкнуть друг к другу. Ты понимаешь, Саша... Ты ведь взрослый человек... Тебе надо уйти. Двух отцов не может быть. Так Пете будет легче".

И он ушел. Но через несколько недель появился снова. В послед-

ний раз друзья за руку прошагали знакомыми дорожками. А когда Петя вернулся в Дом ребенка, его не узнали: с ног до головы все на малыше новенькое. Это была первая зарплата Александра-маленького. А Петька (каким большим человеком он стал за это лето!) очень скоро ушел из Дома ребенка Домой. Ушел за руку с Мамой и Папой в большую жизнь, где ничто не страшно, когда рядом нежная мамина рука и надежное плечо отца. Так, по крайней мере, думалось в тот день хозяевам Дома ребенка, куда Петька уже никогда не вернется. Исчез и Саша. Надолго. Целый год ничего не знали о нем в этом доме. А вспоминали часто, в глубине души о чем-то жалея...

ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

Самым трудным было первое письмо. Потом они летели из Нской части одно за другим. А в ответ все педагоги и медики Дома ребенка собирали посылки с книгами и съестными припасами, писали вечерами письма. Ответы читали вслух, вместе.

"13 декабря 1987 г.

Здравствуйте, огромный привет вам из рядов Советской Армии! Служба моя проходит в "королевских" инженерно-строительных войсках. Часть стоит в глухом лесу. Снегу столько, что если хотите — заказывайте, эшелонами на юг отправлять будем. Работаем с утра до вечера, мороз уже за -20, и это, говорят, еще не предел. Воды в казарме горячей нет, да и в части тоже (не считая чая). Утром подойдешь к

крану, а вода ледяная, от одного вида ее так колотит, что зубной щеткой в рот не попадешь...

По ночам, а иногда и в столовой, за обедом, закрываю глаза и вижу родные места. Да, получил звание младшего сержанта, теперь — командир отделения. В общем служба "ползет" нормально. Работаем на оборону Родины, и оборона наша очень и очень сильна — в этом я вас заверяю.

...Конечно же, часто вспоминаю ваш Дом ребенка. Тот год никогда не забуду, ведь он многому меня научил, многое в жизни заставил пересмотреть. Вспоминаю своего Петушка. Большой теперь, наверное, стал. Я вернусь — он, может, и в школу уже пойдет. Вот время летит! Броне бы еще недавно на ладони помещался, а через год — в школу. Что ж — счастья ему... Да и других ребятшек помню. Наверное, многих нет уже — поразбегались кто куда!

До свидания! И помните: солдат (и сержант тоже) ждет с нетерпением ответа из дома.

Мой адрес: Московский военный округ..."

"4 февраля 1988 г.

Здравствуйте!

Огромное вам спасибо за то, что ответили на мое письмо. Спасибо за посылку! Честно скажу, пока шел за ней, все гадал — от кого. Когда посмотрел на обратный адрес — так и сел. Все очень пришлось кстати, особенно тетради. Теперь надолго хватит. Только вот зачем сигареты — так и не понял. Ведь я не курю и не стану.

Очень рад, что вы переехали на новое место. Условия теперь будут куда лучше, чем в прежнем доме.

А за приглашение — огромное спасибо, обязательно приеду.

Очень часто вспоминаю наш город. И то лето 86-го года. Оно самое лучшее было за всю жизнь. Ведь его я провел в вашем кругу. Жаль, что ушло оно безвозвратно.

Скоро должен получить посылку с фотоаппаратом, тогда пришло наглядное изображение себя и моей службы в холодном, промозглом Подмоскovie. На улице сейчас ниже минус тридцати не опускается, но и выше минус двадцати не поднимается. Зато в казарме — от нуля до минус пяти. Отопление барахлит. Вчера даже волосы к подушке примерзли — здесь влажность очень высокая. Но — странно — я этого почти уже не замечаю. Видимо, привык к службе. И мне не холодно — со старшиной живу в мире, он мне теплое белье подкинул. Так что все о'кэй!

А что нового у вас? Кто из прежних ребят остался? Все ли воспитатели старые работают?

Жду ответа.

3 часа 51 минута (писал письмо в наряде)".

"21 января 1989 г.

Здравствуйте!

... Знаете, есть в этой службе большой плюс. Это то, что за два года проходишь великолепную школу жизни. Здесь в миниатюре видишь и добро, и зло. И, придя на "гражданку", уже не станешь шараться в взрослой жизни. Сейчас, спустя полтора года, можно подвести некоторые итоги. Во-первых, я вырос на четыре сантиметра; во-вторых, повзрослел почти на два года; в-третьих, потерял уйму знаний, остались где-то на уровне седьмого класса; в-чет-

вертых, соскучился по дому и свободе так, словно служу сто лет; в-пятых, и говорю это со стыдом, — оскудел мой словарный запас, но я уже исправляюсь и обещаю, что при встрече буду говорить на литературном русском; в-шестых, по-прежнему лучшим годом своей жизни считаю тот, что провел с вами. В трудные дни я смотрю на фотографии, которые делали у вас в Доме ребенка. Смотрю на маленького Петю, на себя, молодого, и улыбаюсь, вспоминая наши с ним разговоры, наши маленькие секреты, стишки, которые он мне рассказывал. Вспоминаю, как я учил его считать до пяти, а он считал до четырех и потом добавлял: "еще одна"... как он говорил на себя "пиписок" (петушок). Как я благодарен вам за то, что помогли мне узнать самого себя...

О доме почти ничего не знаю. Пишут мне редко, да и то больше спрашивают о моей жизни, чем рассказывают о своей. Так и живу в неведении. Ну да ладно — скоро сам все увижу.

А вы как живете? Что у вас нового, какие проблемы? Если что-то надо помочь — вернусь и все сделаю. Короче говоря, через полгода можете на меня рассчитывать.

Всем от меня огромный привет.
Ваш Александр-маленький".

Теперь окунемся ненадолго в судьбу нашего второго героя. Петушок обрел маму, папу и чудесную бабушку. Нашел своего родного брата — теперь они впервые оказались в одном доме, в одной (и при этом собственной) семье. Но недолгими были покой и счастье под этой крышей. Не выдержал,

очевидно, тягот семейной жизни самый старший и — как казалось — самый сильный мужчина в доме. Ушел. Во второй раз Петя и его братик остались без отца... Но гордо и с той же теплотой и отвагой повезли на своих плечах покачнувшийся возик семейного бытия мама и бабушка. Они не жаловались никому. Но в Доме ребенка все узнали.

Многие ночи решала Нелли Георгиевна нелегкий для себя вопрос. И все же решила написать Саше. Посоветовавшись с мамой и бабушкой Пети, рассказала обо всем. И предложила: пусть у Пети будет хотя бы дядя, настоящий дядя, который вернется из армии!

"11 марта 1989 г.

Здравствуйте, дорогие Мамы!

Я так долго ждал этого письма! Все эти два года. Очень рад, что пишете теперь больше о хорошем, что вы не одни, как раньше, — вам теперь помогает весь город. Здорово, что нашлись ребята, способные помочь, отдать частицу себя обездоленным детям.

Спасибо, что написали про моего Петюшку. Я ведь все это время не мог забыть его. Хоть раньше и хотел этого — чтобы не мучать себя. Но не смог. Не было дня, чтобы я не вспоминал про него. Во сне он часто приходил ко мне. Я ощущаю тепло его рук — маленьких и ласковых, вижу его умные не по-детски глаза...

Теперь по сути. Я много пере-думал о вставшей проблеме. Нет, я не колебался — идти к нему или нет. Ради него я готов на все. Просто взвешивал — смогу ли. Ведь он уже не маленький и многое понимает. И решил: я согла-сен! Конечно же, я постараюсь

сделать все, чтобы помочь ему. Ведь я сам вырос без отца и знаю, что значит жить без сильных мужских рук, которые помогают в трудные минуты. И я постараюсь ему помочь — ведь мне не безразлична его судьба. Кем он станет — зависит от всех нас. Я хочу его видеть хорошим человеком.

Только вот как встретиться — его ведь надо как-то подготовить. А может, не нужно? У меня есть время подготовиться к этой встрече. Скажу только вам — по секрету: возможно, уволюсь в начале мая и на 9-е постараюсь приехать домой...”

13 марта 1989 г.

Решил написать вам, не дожидаясь ответа. Эмоции улеглись. Я все взвесил, все аккуратно расставил по полочкам. Не спал всю ночь, обдумывал прочитанное. Решение свое я не переменял. Но осознал всю ответственность, которая на меня ложится. Ведь у Пети — свои мама и бабушка, своя семья, а мне нужно будет в нее войти. Я более чем уверен, что у него изменился характер, ведь прошло долгих три года. Первоначально стоит проблема — причем самая большая, — **как войти в его мир, не причинив ему боли.**

Вот в связи с этим мне хотелось бы знать, каким дядей меня хотят видеть его родственники. Я ведь знаю, что дети, как никто другой, чувствуют ложь. Родных Петиных я ведь почти не помню, не знаю даже, как их зовут. Но они могут на меня рассчитывать. Возможность общаться довольно часто у нас будет — судя по адресу, живем почти рядом. По-моему, и для меня, и для них очень важна

эмоциональная сторона дела. И было бы очень хорошо, если бы мама или бабушка написали мне сюда письмо, а я постарался бы найти в нем ответы на свои вопросы и ответить на их.

Домой буду возвращаться через Москву. Два-три дня задержусь в столице — поищу что-нибудь для племянников и для Пети.

Всем — горячий привет.

Жду ответа”.

Как произошла их встреча, наверное, не описать словами. Да и не берусь, потому что не видела этого счастливого мига в жизни двух, таких дорогих и близких друг другу людей. Прав был Саша — дети чувствуют ложь. В этой встрече, да и во всем, что случилось потом, ее не было ни на гран. Впрочем, почему случилось? События последующие вытекали из этой истории естественно, хоть и не так легко, как пишется об этом.

Оба — Он и Она — безмерно любят мальчика. Поэтому, наверное, сумели понять и полюбить друг друга. Именно сумели. Да и не смирился бы долго Петушок — я уверена в этом — с Сашиной ролью дяди. Он давно, еще в том, казенном доме, назвал его Папой. А коль счастье такое случилось — у него снова появились Папа и Мама, — значит, быть Семье! Логике детской не откажешь.

Недавно в их удивительном доме сыграли свадьбу. Бывает и так — сначала настоящая Семья, потом настоящая свадьба.

Жаль только — в жизни не очень много вот таких невыдуманных и почти невероятных историй со счастливым концом.

Татьяна КУКУНОВА

Милдред ГОРДОН и Гордон ГОРДОН

ТАИНСТВЕННЫЙ КОТ ИДЕТ НА ДЕЛО

РОМАН

Перевод с английского Владимира ЛЬВОВА

1

В то самое мгновение, когда Д.К. Рэндалл, пяти лет, весом двадцать пять фунтов, шерсть черная, ничего не подозревая, ступил в сырой красный цемент, агент ФБР Зик Келсо за несколько миль от него, в помещении Лос-Анджелесского управления, уговаривал своего начальника вновь использовать вышеупомянутого Д.К. Рэндалла в качестве информатора Бюро.

— Вы знаете, как я отношусь к кошкам, — сказал Келсо начальнику управления Ньютону, который глядел на собеседника, разинув рот. — Особенно к этому огромному черному увальню. Если бы был иной выход... — Кот был необходим для передачи записки — при сложившейся отчаяннейшей ситуации мог помочь только он.

Ньютон застал. Идея не пришлась ему по душе, хотя был уже случай, когда Бюро воспользовалось Д.К. как информатором, и с большим успехом. Ньютон злился при одной мысли о том, как ему придется давать объяснения Вашингтону, что только кот может пробраться на территорию этой старой, заброшенной фабрики. Ситуация выглядела смехотворной. И все же Ньютон задумался: а вдруг и не понадобится ставить Вашингтон в известность. Зик занесет Д.К. в отчетную документацию как агента-информатора X-14, выполняющего задание, аналогичное предыдущему делу. К тому моменту Вашингтон, вероятно, забудет, что агент X-14 не принадлежит к человеческой расе.

Д.К. поднял лапу и замер в темноте. Другая лапа увязла в сыром цементе и погрузилась на всю глубину уложенного вязкого раствора. Он зарычал. Он себе бежал по своим делам, счастливый — насколько

можно быть счастливым в этом мире, ночь теплая, луна не слишком яркая, и вдруг угодил в ловушку. Люди все время меняют окружающее их пространство. Они никогда ничем не довольны. Вечно копают, Перекапывают улицы. Асфальтируют улицы. Снова вскрывают мостовую. Но если кот вздумает прогуляться по проторенной дорожке он может попасть впросак.

Он высоко вздернул одну переднюю лапу, затем вторую, потом попытался сделать то же с задними лапами, но без особого успеха. Тем не менее ему удалось попасть на твердую землю. Тщательно и методично он сумел вырвать из плена сначала одну заднюю лапу, потом другую и попытался стряхнуть с них как можно больше налипшей дряни. Он очутился рядом с вылизанной до блеска белой машиной. Сначала он попытался залезть под нее, но передумал и прыгнул на капот. Отсюда виднее, если появятся враги.

Через час он был уже дома и сидел на своем любимом месте — на холодильнике. Ему было в высшей степени наплевать на бедлам царивший внизу. Хозяйка, Ингрид Рэндалл, семнадцати лет, вес сто семнадцать фунтов, шерсть светлая, устроила вечеринку в пижамах. Четырнадцать девчонок с кавалерами, каждая пара в одинаковых, сшитых девчонками пижамах, сбились на пространстве, которое едва-едва могло бы вместить четверых взрослых не слишком крупных габаритов. Парочки сумели с толком использовать помещение, частично утилизировав деревянные решетки, прикрывающие водопроводные трубы, и крылья плиты. Один парень наполовину всунулся в открытый холодильник, очищенный от всего, начиная от кетчупа (безо всяких поползновений на экономию вылитого на шоколадное мороженое с жареным миндалем) и кончая сырыми полуфабрикатами для гамбургеров, до того валявшимися на полках среди бананов почтенного возраста. Некоторые из девушек держали на руках плюшевых зверей. Все, естественно, разговаривало одновременно и вдобавок громко, поскольку поставленный в духовку проигрыватель орал во всю мочь. "Он сам повел машину сегодня вечером — и встретился с деревьями..." — "Если в будущем семестре я доберусь до этого учителя, или я его повешу, или сама повешусь..." — "Мы двинулись вброд". — "Небось все водоросли завяли..." — "Я знаю, что влюблюсь в Рим. Он такой итальянский!"

Работая локтями, Ингрид пробралась к холодильнику, чтобы дать Д.К. кусочек пиццы. Пижама на Ингрид была похожа на маскарадный костюм кролика, даже с ушками. Под мышкой у девушки был плюшевый медвежонок-коала. Д.К. вытянул шею, опустил голову вниз и боднул ладонь Ингрид в знак благодарности. Подобные жесты трогают людей, и получаешь больше еды. Уж он-то знает! Его в округе кормят досыта, до отвала, он в этом деле чемпион. У него разработан постоянный маршрут, как у Дядюшки Весельчака из мультфильмов. Он умеет, чуть приподнявшись, подавать правую лапку, что само по себе глупо и не слишком достойно. Но действует безотказно.

— Видишь, у него на ушах царапины? — прокричала Ингрид своему кавалеру Джимми, высокому, плотному парню с быстрой,

обволакивающей улыбкой. Он занимал посты президента одной из ученических организаций, редактора школьной газеты, был героем самостоятельной постановки из жизни класса и в качестве тенора пел то в лес, то по дрова, но весьма решительно в хоре школьного певческого клуба. В данный момент в пижаме под кролика на пару с Ингрид он выглядел до предела комично, как только может выглядеть мужчина. Но Ингрид с такой неподдельной радостью вручила ему эту пижаму в двенадцать часов дня в заведении Сэнди, где они ели гамбургеры, что он не в состоянии был протестовать. Это был один из тех случаев, когда женщина призывает мужчину с непреклонной решимостью бросить вызов кричащей и орущей толпе.

— Царапины, — продолжала Ингрид, — как у старого стрелка на Диком Западе.

— А они похожи.

— Ничего подобного! — возмущенно воскликнула Ингрид.

Поскольку новой порции пиццы не последовало, Д.К. вновь обратился к серьезнейшему и весьма утомительному занятию, а именно выцарапыванию схватившегося цемента из промежутков между когтями. Независимо от того, насколько энергично он его лизал, кусал и тянул, он не мог полностью освободить себя от этого нового типа грязи. Время от времени он прерывал борьбу за чистоту, чтобы с наслаждением понаблюдать за происходящим. Он считал изучение человеческого поведения самым интересным занятием на свете и был способен часами наблюдать за людьми. Он никогда не смог бы до конца понять их, но он их любил. Всех, за исключением недоделанного кретина по ту сторону улицы.

Кончилась последняя пластинка. Все одновременно повернули головы в сторону духовки. Двое ребят протискивались, работая локтями, к плите, чтобы встретить этот кризис в достойном молчании.

Ингрид выскользнула из кухни и тихонько побрела по коридору. Она остановилась у двери отцовской комнаты и осторожно постучала. Когда ответа не последовало, приоткрыла дверь. "Папа!" — позвала она. Папа задремал, полусидя в постели, на колени свалился технический журнал. Она произнесла "Папа!" погромче.

Отец медленно очнулся и, виновато улыбаясь, выпрямился. Для своих сорока девяти лет он был еще красив. Волосы поседели именно на висках, что придавало лицу значительность, отсутствовавшую в юности. Время даже сделало его морщины симметричными. Ингрид в мыслях всегда представляла его киноактером Кэри Грантом. Он ни в малейшей степени не был похож на мистера Гранта, но это не играло роли. Все, что приходило ей в голову, было свершившимся фактом, невзирая ни на какие возражения.

— Тебе не мешает музыка? — спросила она.

— Музыка? — Он загнул уголок страницы и бросил журнал на пол.

— А я не слышал музыки. Мне казалось, что я слышал, как олень зовет свою подругу, а одновременно кого-то душат...

— Папа! — она замолчала и тут же добавила: — Я попрошу их уменьшить звук.

— Нет, не надо. Пусть будет как есть. Ведь на этой неделе к нам еще не заявлялась полиция.

— Спокойной ночи, папа.

— Спокойной ночи.

В дверях она обернулась.

— Теперь гаси свет и ложись спать нормально.

Когда она вышла, он поправил подушку, выключил свет и залез в постель, заложив руки за голову. Не дети, а прелесть, подумал он. Они так трогательно ухаживают за ним после смерти Лауры. До этого он иногда сомневался, знают ли они, кто он такой. Время от времени у него появлялось искушение поднять руку и заявить: "Меня зовут Джордж Рэндалл. Я ваш сосед. Я живу во второй комнате по коридору. Могу ли я чем-нибудь быть вам полезен?.."

Однако с того времени, как скончалась Лаура, они заботились о ней ежеминутно, исключая время сна. Забота эта, правда, часто была чересчур шумной. Ингрид вечно проверяла его одежду на предмет поиска готовых оторваться пуговиц, чтобы их закрепить. Она безжалостно отрывала те, которые ей казались треснувшими. А Пэтти, считавшая себя старухой — ведь ей через пару недель исполнится двадцать четыре, — раскладывала и развешивала его вещи с такой железной логикой, что найти их было невозможно. Ей надо было стать архитектором или ученым, думал он, а не манекенщицей. Она была блестящей девушкой, которую сбила с толку красота. Даже в наше столетие люди не верят, что женщина может быть одновременно красивой и интеллектуальной. А тринадцатилетний Майк бесплатно мыл и чистил его машину, что в корне противоречило его сугубо деловому подходу к подобным мероприятиям. Правда, после каждой мойки он многократно напоминал о своем бескорыстии таким тоном, как будто вот-вот его причислят к лику святых. Даже Д.К. немного переменялся. Пару раз он выказал готовность навсегда забыть о прошлом и лез к нему на колени. Дьявольский Кот. Так он его как-то прозвал в сердцах, и прозвище стало именем, только Лаура потребовала сократить его до инициалов: Д.К.

Лаура. Глубокая рана, которая никогда не заживет. Они встречались пять лет, начиная с последнего класса школы и все время учения в колледже, а потом они двадцать шесть лет вместе смеялись, плакали и воевали с невероятными трудностями бытия. И наконец, когда можно было перевести дух, она ушла в мир иной. Жизнь — это цепь быстро сменяющихся картин, как монтажные стыки в старых фильмах. Если бы можно было задержать сцену счастья, обратить ее в стоп-кадр на некоторое время...

Когда он поворачивался на левый бок, в голову пришла малоприятная мысль. Надо поговорить с Ингрид о парне, с которым она встречается. Ему он что-то очень не нравится. Он понимал, что не может точно сказать почему. Это было всего лишь предчувствие, но он крайне редко ошибался в оценках. Он не собирается навязывать свои взгляды Ингрид, но обратить ее внимание все же стоит.

Он задумался и вдруг понял, что его беспокоит. Этот парень ведет

себя так, будто он вправе брать что ему захочется когда ему захочется и никого ни о чем не спрашивать...

С лицом доброй волшебницы Ингрид просунулась в комнату Пэтти.

— Заходи! — позвала старшая сестра.

Она пыталась натянуть пляжный комплект, принесенный из шикарного магазина в Беверли-Хиллз, где она работала. Подобравшись, она пыталась в него влезть, но так и не сумела.

— Вот зараза! — произнесла она. — Они делают десятый номер все меньше и меньше. А тебе, похоже, весело.

— Прекрасно. Надеюсь, что музыка тебе не мешает.

— Послушай, — спросила Пэтти, — все, кому еще нет двадцати, теперь напрочь глухие?

Ингрид расплылась в улыбке:

— Ты сама недалеко ушла от возраста глухоты.

— А мне все это нравится, — убежденно произнесла Пэтти. — Правда нравится. Во мне, наверное, есть что-то от неандертальца. Я люблю шум.

Ингрид плюхнулась спиной на кровать, расправила "ушки" на подушке и в глубочайшей задумчивости уставилась в потолок.

— Многие не понимают... ведь в этом что-то новое, что-то непривычное. Это выражение нашей внутренней жизни.

— Да, радость моя, я знаю. Когда становятся старше, начинают принимать снотворные, а проку от них намного меньше.

Дверь задрожала в конвульсиях, готовая рассыпаться в щепки, и в комнату влетел Майк.

— Я тебя сто раз просила, — резко сказала Пэтти, все еще взяась с пляжным комплектом, — стучать, прежде чем врываться!

Он не слышал. Он никогда никого не слушал.

— Спасайся кто может! — театрально воскликнул он. — Сюда идет Грег, разговаривая сам с собой!

Грег Болтер жил один через дорогу, в старом особняке Болтеров. Как ему удалось стать преуспевающим адвокатом, Пэтти никогда не могла взять в толк. У него была слишком низкая точка кипения. Пока не появился Зик Келсо, Пэтти встречалась с Грегом и даже некоторое время полагаала, что влюблена. Теперь, оглядываясь назад, она со всей очевидностью осознала, что была тогда не в своем уме. В то время ей казалось, что ей удастся обуздать его нетерпеливый, взрывной характер. Но кому нужно ремонтировать мужчину, если можно добыть образец в прекрасном рабочем состоянии? И все же следовало признать, что Грег красив и умеет хорошо одеваться. Он был прекрасным украшением для любой девушки. Кроме того, он умел внятно и умно беседовать. У него были все основания для высокого мнения о себе, которое он и не скрывал и все время без всякого стеснения высказывал по этому поводу.

Стук в парадную дверь стал громким и отчетливым. Настойчивым и требовательным. Грег никогда не звонил в звонок, несмотря на то что Пэтти неоднократно намекала ему на желательность этого, а однажды даже продемонстрировала, как несложно нажимать на кнопку.

Сопровождаемая Ингрид и Майком, она подошла к двери, но отворила не сразу. А когда открыла, разыграла удивление:

— А, это вы, Грег? Я так рада вас видеть.

Такой прием мгновенно охладил его. Но лишь на долю секунды, после чего гремящий поезд понесся под уклон по наезженно-одноколейке.

— Я хочу, чтобы вы убедились собственными глазами, — сердито произнес он, схватил Пэтти за руку и поволок за собой. Она упиралась ногами, как старый миссурийский мул. — Мне есть что вам показать, — продолжал он.

— Грег, прошу вас, — воскликнула Ингрид, — не стоит так волноваться!

— Кто это волнуется? — завопил он. — Я прихожу и спокойно говорю: "Я хочу, чтобы вы убедились собственными глазами". Больше я ничего не сказал. Пошли. — Он рывком потянул за собой Пэтти, и она чуть не потеряла равновесие. Мул побежал, чтобы не отстать от Грега при переходе улицы, а с ними Ингрид с медведем-коала под мышкой и следом Майк.

— Грег, — взмолилась Пэтти. — Грег! Мне больно.

Он не остановился, но стал то и дело оглядываться, желая убедиться, что Пэтти не отстала. Он вел ее к новой цементной дорожке, которая, изящно извиваясь, шла от автомобильного въезда к парадной двери.

— Смотрите! — прокричал он, направив перст указующий вниз. — Я заплатил 287 долларов 39 центов за работу, а ваш паршивый кот все погубил. Он не просто пересек ее. Он прошел по ней от начала до конца. Завтра мне придется пригласить рабочего поставить заплату.

— А почему вы не хотите оставить, как есть? — спросил Майк. — Многие платят хорошие деньги за то, чтобы устроить искусственные следы.

Грег еще сильнее сжал руку Пэтти.

— Это еще не все! — проорал он и протащил ее еще несколько футов, туда, где у него стояла дорогая белая спортивная машина. Она на нее молился, все время вылизывал ее и, если кто-нибудь случайно клал на нее руку, бросался проверять, не остались ли следы от пальцев.

Он сказал:

— Вот видите: цемент. Красный цемент, красные следы. Они не сходят. Я пробовал все. Усердно трудился целый час. Цемент снимается только вместе с краской.

Он с трудом перевел дыхание.

— За эту машину я уплатил три тысячи шестьсот сорок долларов, а ваш кот испоганил ее за пять минут. Вот, смотрите!

Майк сказал:

— Я знаю местечко, где можно заново покрасить машину за тридцать девять долларов.

Грег уставился на него.

— Моя машина не из тех, которые красят за тридцать девять долларов.

Но Майка переспорить было нелегко.

— Если вам так хочется, они разрешат вам заплатить больше. В случае необходимости я могу ссудить деньги из расчета восьми процентов годовых. Причем простых.

— Хватит, Майк, — подвела итог Пэтти и повернулась к Грегу. — Прежде чем вы продолжите, позвольте обратить ваше внимание на то обстоятельство, что кошачье население нашего квартала весьма многочисленно и было бы несправедливым обвинять Д.К., не имея конкретных доказательств.

— Доказательств? Доказательств? Чего вам еще надо? Поглядите на размеры отпечатков. Ни у одного кота в округе нет таких больших лап.

Вмешалась Ингрид.

— Грег, мы все оплатим. Верно, Пэтти? Это будет справедливо.

— Давай, давай, — промолвил саркастически Майк, — швыряй наши деньги направо и налево, раз ты в него влюблена.

— Майк Рэндалл! — возмутилась Ингрид. — Да как ты смеешь? — Она обратилась к Грегу: — Извините ребенка. Он еще не все понимает.

Грег задергал головой, как взбесившийся от удара боксер.

— Я не собираюсь расстраиваться. Но для меня это такой неожиданный удар. — Он обратился к Пэтти: — Вы-то понимаете? Вы бы сами как себя почувствовали, если бы...

— Конечно, понимаю, — ледяным тоном произнесла она, — и мы поступим так, как советует Ингрид, оплатим покраску машины...

— Нет, нет. Я вам этого не позволю. Я просто подумал: ну, может быть, есть способ повлиять на вашего паскудного кота? Его, наверное, можно послать в соответствующую школу?

— Школы бывают для собак.

В разговор вступил Майк:

— Он обнес проволокой старую клумбу с петуниями.

— Что? — воскликнула Пэтти.

— Прямо поле боя, — добавил Майк.

— Это вынужденная мера, — сказал Грег. — Моя мама сажала на этой клумбе петунии каждый год в течение двадцати трех лет. Это память о ней. Я не могу позволить коту вырывать рассаду из земли.

— Если вы полагаете, что проволочная ограда послужит для него препятствием... — заговорила Пэтти.

Грег позволил себе слегка высокомерно улыбнуться.

— Послужит.

Пэтти повернулась, чтобы уйти.

— Утром я попрошу отца прийти сюда и договориться об оплате перекраски машины.

— Не надо так, Пэтти. Я ничего подобного не имел в виду.

— Конечно, не имели, — холодно произнесла она. — Спокойной ночи, Грег.

Когда она переходила улицу, то почувствовала, что вся дрожит. Она решила срезать дорогу и пошла по траве, упругой, как губка. Высокий каблук провалился в сусликовую нору, и она бы упала, если бы Майк ее не подхватил.

— Ну и кот у нас! — с отчаянием проговорила она. Уже много месяцев суслики рыли ходы под травяным покровом, а Д.К. ничего не делал, только сидел часами и с неподдельным восхищением наблюдал за их работой.

Бездельничал и П.К., который в эту минуту вышел из кустов, жалобно мяукая и разыгрывая традиционную роль голодного кота. П.К. был черно-белым бродягой непонятной породы и скромных размеров. Он появился на участке несколько месяцев назад и решительно не собирался уходить, сколько за ним ни гонялись и сколько ни вытаскивали прочь. К величайшему удивлению, Д.К., бившийся за хозяйские права с другими котами не на жизнь, а на смерть, не возражал против присутствия П.К. П.К. расшифровывалось как Приблудный Кот.

— Он жаждет стать Главным Котом, — как-то заметил Майк. Однако ничего подобного не произошло. Папа поставил условие: "Если я замечу, что кто-то кормит этого кота, безразлично кто..." П.К. тоже был равнодушен к сусликам, что особенно бесило отца.

— У нас тут шатаются два кота, а толку? Никакого. Абсолютно никакого. Есть наблюдатели за поведением людей. Есть наблюдатели за поведением сусликов. Вот и все.

Когда они входили в гостиную, зазвонил телефон.

— Сниму трубку у себя, — сказала Пэтти и побежала, решив, что это может быть Зик. Если звонил он, а трубку сняла бы Ингрид, они болтали бы целый час. — А ты попроси их сделать музыку потише.

Когда раздался голос Зика, последние крохи раздражения уступили место хорошему настроению. Раньше она понятия не имела, как это бывает; если услышишь его голос, пусть даже он говорит о погоде, день становится светлее.

Он говорил очень тихо, с легким, медленным, обжигающим, как ветер, невадским акцентом. Его нельзя было вывести из себя. Он шагал по жизни так же легко, как когда-то шагал по земле своих предков.

— Я вряд ли освобожусь раньше двенадцати ночи.

— Буду ждать.

— Правда будешь? Мне надо поговорить с тобой... ну о деле.

— О деле? — Голос ее выдал. Не ради дел ФБР она готова была ждать.

— Как чувствует себя твой кот? У него... все в порядке?

— Д.К.? — Она рассмеялась. — С каких пор тебя стало интересовать его здоровье?

— Знаю, что тебе непривычно слышать такие слова от меня, но мне надо позаимствовать его на время. Мне он нужен... допустим, как информатор.

— Что? — Сама идея, что Зик возьмет на время кота да еще и использует его как информатора на службе ФБР, была анекдотичной. У него была аллергия на кошек. В их присутствии он отчаянно чихал. Когда Зик заезжал за ней, Д.К. приходилось прятать в шкаф, отчего кот отчаянно ругался в момент освобождения.

— Он нужен мне по делу, которое я веду, — продолжал Зик.
— А есть ли хотя бы малейшая опасность, то есть не окажется ли он...
— Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы уберечь его, как если бы он был человеком.

— А он и есть человек, — патетично произнесла она.

Зик быстро согласился.

— Знаю, знаю. — Тема была щекотливой. Он медленно пояснил, тщательно подбирая слова: — Видишь ли, если бы я мог, я бы рассказал, в чем дело, но...

— Мне все понятно, — заверила она его. В ФБР существовало строжайшее правило, запрещавшее агенту разглашать факты, связанные с незавершенным расследованием. — Мне надо переговорить по этому поводу с Майком и Ингрид. Д.К. наш общий кот. В таких случаях решает большинство.

Зик продолжал:

— Это важно. Я могу сказать только следующее. У нас есть основание предполагать, что если не будет передана определенная информация, возможно убийство. А передать ее можно только с помощью кота.

2

Спецагент Родд, сидевший в отделе жалоб, позвонил Зику утром того же дня в девять сорок четыре. Зик в это время диктовал заключительный отчет по делу об ограблении банка бойкой девчужке, следившей за ним быстрым, игривым взглядом в то время, как ее тонкие тренированные пальцы бегали по клавиатуре. Будучи одним из немногих холостяков в управлении, он все время был под прицелом.

Родд произнес:

— Мне только что позвонила некая мисс Шерли Хатчинсон, проживающая по адресу: Беверли-Хиллз, Данбер-стрит, дом 416, квартира "С". Она назвалась продавщицей магазина ювелирной фирмы "Пале-Рояль" на Саут-Беверли-драйв в Беверли-Хиллз. Она дала понять, что обладает информацией, которая может заинтересовать Бюро. Я не смог выудить из нее ничего конкретного, но когда просмотрел картотеку по ней и "Пале-Роялю", то вышел на твое дело: Борис Филлов, он же Филипп Дюваль, владеющий под фамилией Дюваль фирмой "Пале-Рояль".

Зик весь напрягся. Он потянулся к календарю и записал домашний адрес Шерли Хатчинсон. Уже двадцать семь месяцев агенты ФБР разрабатывали дело Филиппа Дюваля, шедшее под грифом: "Транспортировка из штата в штат краденого имущества". Завели дело в управлении в Майами после того, как Филипп Дюваль, пятидесяти шести лет, рост шесть футов три дюйма, вес сто восемьдесят четыре фунта, волосы черные, цвет лица смуглый, шрам на мочке правого уха, сообщил о ночном взломе в его роскошном ювелирном салоне "Тиара", откуда были украдены драгоценности на общую сумму в семьсот восемьдесят тысяч долларов.

Собранные факты: несработавшая система сигнализации, вскрытие взломщиками секретного хранилища, о существовании которого было известно лишь немногим, — свидетелем существовали, что кража была совершена кем-то из доверенных лиц. В процессе проверки прошлого Дюваль ФБР, связавшись с французской службой безопасности Сюпте, установило, что 19 марта 1959 года Дюваль сообщил в парижскую полицию о таком же взломе, убыток от которого составил четыреста тридцать три тысячи долларов. И в том, и в другом случае ущерб покрыла страховая компания. Оба раза вскоре после получения страховой суммы Дюваль продавал свое заведение. Из Парижа он переехал в Майами, а оттуда в Беверли-Хиллз. Болгарин по рождению, но парижанин по образованию, он был эрудитом, свободно изъяснявшимся на пяти языках. Его европейские манеры покоряли женщин-покупательниц.

— Шерли Хатчинсон, — вслух повторил Зик. Он припомнил ее. Два раза он заходил в "Пале-Рояль", чтобы осмотреть место преступления, и оба раза сопровождала его она. Соответственно он проверил наличие у нее уголовного прошлого и кредитоспособность, но ничего компрометирующего не обнаружил. При этом он провел доверительные беседы с теми, кто ее знал.

Спецагент Родд продолжал:

— Она сказала, что если агент — один агент, без сопровождения — придет сегодня к ней на квартиру между двенадцатью и часом дня, она будет дома. И попросила, чтобы агент пришел под видом коммивояжера или под любым другим предлогом и зашел бы в соседние квартиры. Она боится, что за ней следят.

Зик понял, что это может оказаться ловушкой. Не исключено, что через нее проверяют, ведет ли Бюро самостоятельное расследование. И все же у нее прекрасная репутация, хотя агент никогда не должен чересчур полагаться на репутацию. Друзья видят лишь одну сторону характера. И потом, все — до первого раза.

Он решил рискнуть.

— Пробежусь в одно место.

Прервал диктовку, поблагодарил секретаря и откинулся в вертящемся кресле, пытаясь сосредоточиться. Чем он будет торговать? Почему бы и не книгами? Он прекрасно знал Генриетту Хелм, представителя издательской фирмы "Даблдей" на Западном побережье. Очаровательная, блестящая женщина. У нее целые горы книг, всяких, разных. Она, конечно, решит, что он немножечко свихнулся...

Ровно в двенадцать он прибыл на Данбер-стрит, 416. Увидел перед собой легкий, воздушный трехэтажный многоквартирный дом, вытянувшийся вдоль длинного, узкого патио, где рос экзотический тропический кустарник и торчали две пыльные, унылые пальмы.

Он начал с квартиры "А". К дверям подошел крупный, грузный мужчина, жевавший сэндвич и размахивавший стаканом пива, его волосатый живот с огромным пупом никак не помещался в плавках. Зик начал играть роль, вынув тяжелый том из атташе-кейса.

— Чего вам тут надо? Читать не умеете? Видите объявление? Разносчикам не обращаться!

Зик принял выражение оскорбленной гордости:

— Я не разносчик. У меня культурная миссия.

Дверь с шумом захлопнулась. Зик позвонил в квартиру "В", где его тепло встретила крупная, ширококостная женщина лет пятидесяти, только что покрасившая волосы в рыжий цвет, с прической в форме гриба. Она вцепилась в него, как будто он был для нее последней нитью, связывающей ее с миром книг. Она пролистала один из томов, но когда потянулась к другим книгам, Зик с сожалением произнес:

— Фирма разрешает мне тратить на одного клиента не более десяти минут.

Женщине это показалось логичным. Она приобрела первую из предложенных книг, заплатив пять долларов девяносто пять центов. Итак, Генриетта Хелм думает, что он свихнулся, не так ли? Посмотрим, что она скажет, когда он оприходует выручку.

Дверь в квартиру "С" отворилась тотчас же, как он постучал в первый раз. Там стояла Шерли Хатчинсон, высокая, стройная, качающаяся, как тростник на ветру. У нее были огромные, влажные глаза, готовые выскользнуть из-под невероятных сине-зеленых век, а полный, мягкий рот выглядел еще мягче благодаря жидкой бесцветной помаде. Он бросил взгляд ей на руки, чтобы проверить, того же тона ногти или нет. Того же. Она выглядела, как блондинка из мечты, мысленно отметил он, каких фотографируют для журнальных реклам рядом с дорогими машинами.

Она внимательно выслушала вступительные реплики, затем кивком пригласила войти.

— Я вас припоминаю, — сказала она, указав на кресло, — вы заходили к нам в магазин за обручальным кольцом.

— У вас прекрасная память. — Он мгновенно обежал взглядом броско ультрамодную комнату. Дверь в конце вела в миниатюрную кухню.

— Не давите на кресло, — предупредила она. — Оно из нашего бывшего магазина. Не думаю, чтобы оно предназначалось для сидения. Хотите шотландского виски или еще чего-нибудь?

Она говорила низким, томным голосом. Когда он отрицательно покачал головой, она продолжала:

— В мои служебные обязанности входит запоминать лица. К нам ходят богатые покупатели, а богатые любят, чтобы их запоминали. Вы женились на той девушке?

— Вы сказали, что обладаете интересными для нас сведениями. — Тем или иным способом ее надо было спустить с неба на землю.

Она подошла к двери и закрыла ее на ночной засов. Он обратил внимание на туго натянутые чулки телесного цвета, уходящие под легкое летнее платье, выглядевшее так, как будто на него выдавили всю палитру художника. Она сказала:

— Вы просто выдумали, что интересуетесь обручальным кольцом?

Она грациозно опустилась на диван.

— Прошу, мисс Хатчинсон, скажите, что хотели нам сообщить.
— Вы знаете мсье Дюваль?
— Слышал о нем.
— Вчера вечером, примерно в семь тридцать, у меня была поздняя покупательница. Она купила бриллиант-солитер в четыре карата. — Она внезапно остановилась. — Вы защитите меня?
— Бюро никогда не раскрывает источники информации.
— Я знаю, но... Понимаете, у меня время от времени может появляться для вас информация, и мне надо твердо знать, что если мне понадобится помощь, я смогу обратиться к вам лично. Хорошо бы у меня были ваш домашний адрес и телефон. Вдруг мне потребуется срочно связаться с вами?

Зик заколебался.

— Вы всегда сможете позвонить в управление.

Она расправила платье.

— Не люблю разговаривать с чужими. Мне хочется, чтобы меня окружали друзья, люди, которых я знаю, кому я могу доверять. Вы ведь понимаете, правда? Я не могу заниматься этим, если вы... не понимаете.

Она одарила его улыбкой, внешне невинной, но говорящей: "Вы мне нравитесь". Он заерзал в кресле, положил ногу на ногу, затем поменял ноги местами.

Скрепя сердце он принял ее вариант. Начальник управления Ньютон может счесть его неправильным, но он нуждается в ней как в источнике сведений из первых рук. В то же время он принял во внимание, что его могут подставить другой стороне. Он нацарапал адрес и телефон.

— "Зик Келсо", — прочитала она вслух. — Мне нравится это имя. Честное, бесхитростное.

Она продолжала:

— Мистер Дюваль, конечно, решил, что я уже ушла, поскольку было поздно. — Легкость поведения исчезла. Даже в позвякивании браслетов чувствовался страх. — Мне, безусловно, надо сначала рассказать о некоторых событиях, показавшихся странными. Ну, к примеру, когда мсье Дюваль не так давно приобрел за триста тысяч долларов коллекцию драгоценностей, ранее принадлежавших Реймонду Готорну, он потребовал, чтобы я никому об этом не рассказывала. Он стал неуловим, часто уходил из салона, чего раньше никогда не делал. Стали звонить незнакомые люди, отказывающиеся назвать себя. В общем, я сортировала чеки в торговом зале, сидя за маленьким столиком, когда услышала, что он говорит по телефону у себя в кабинете. Над моим столом находится вентиляционное отверстие системы кондиционирования.

Она подалась вперед и выпрямилась. Руки бесцельно двигались.

— Вначале я не расслышала, что он сказал, потому что не прислушивалась, но потом он повысил голос и я услышала, как он произнес, что надо как-нибудь темной ночью покончить с кем-то одним быстрым ударом. Затем он долго молчал, время от времени вставляя "Да, да", а потом повесил трубку.

— А что сделали вы?

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

— Меня не так легко напугать, но тогда я была испугана. Я забрала с собой книгу записи покупок и вышла через парадную дверь. Даже не рискнула погасить свет, и сегодня утром он мне об этом напомнил.

— Может быть, он шутил?

— Нет, разговаривал он всерьез. Вы же знаете, это можно понять сразу. Мне самой не по себе, когда я вам об этом рассказываю. Вы, наверное, думаете, что я женщина с чересчур богатым воображением. Но если бы вы знали меня лучше... Не хотите пригласить меня на обед? Мы бы познакомились поближе. Мне страшно от того, что я делаю. Вы ведь сможете списать приглашение на оперативные расходы, верно?

— Она попыталась рассмеяться. — Один обед для страшно нервной женщины-осведомителя.

Она заговорила быстрее.

— Я не могла не позвонить вам. Отец — он тоже ювелир: у него была маленькая, не слишком роскошная лавка в Сиэтле — сказал мне, что если я замечу что-нибудь не то, я должна немедленно обратиться в ФБР. Ведь то и дело крадут драгоценности или пытаются сбыть краденое. Не знаю, стоит ли мне обедать на людях в вашем обществе, но если бы вы зашли ко мне как-нибудь вечером, ну, например, под видом слесаря, пришедшего чинить мусоропровод — он все время ломается, — я приготовила бы обед, и мы бы лучше узнали друг друга.

Зик провел по лицу широкой ладонью.

— Было бы прекрасно, но не знаю, смогу ли я. Каждый из нас ведет целую уйму дел... но, может быть, в один из дней, когда...

— А вы меня не боитесь?

— А надо, мисс Хатчинсон?

И опять она попыталась выдать из себя смешок.

— Это потому, что вы меня еще не знаете.

— Прошу вас, мисс Хатчинсон, у меня не так много времени, и... Теперь, если вас не затруднит медленно воспроизвести все, что сказал мистер Дюваль, постарайтесь как можно точнее передать его слова.

Он задавал наводящие вопросы, перепроверял сказанное и, когда был удовлетворен, сказал:

— Мне бы не хотелось понапрасну пугать вас, но не ставьте себя ради нас в критические ситуации. Бюро никогда не требует ни от кого риска, сопряженного с опасностью для жизни. Но если по ходу выполнения своих служебных обязанностей вы услышите даже ничего не значащие для вас обрывки разговоров, помните, что мы сможем привязать их к чему-то, уже известному. Потому старайтесь запоминать их до того момента, как я встречу с вами, но ни в коем случае ничего не записывайте. И учтите, что лишь полностью отчаявшийся человек идет на убийство.

Выходя из квартиры, он произнес:

— Благодарю вас, мэм, за заказ. Надеюсь, книга вам понравится.

Он резко повернулся и чуть не столкнулся с рыжеволосой соседкой.

— С нею вы пробыли больше десяти минут, — с упреком проговорила она.

Зик заглянул в кабинет начальника управления Ньютона. Ньютон стоял у окна, пытаясь поднять раму.

— Заходите, Зик, — позвал он, вернулся к столу и продолжал: — Мне плевать на все, что говорят в защиту кондиционирования воздуха. Надо глотнуть хоть немного кислорода. Только не рассказывайте никому, что я открываю окно. Мне могут предъявить обвинение в нарушении установленного процесса дыхания.

Он плюхнулся в казенное вертящееся кресло, крупный, жилистый мужчина, впрочем, уже слегка поседевший. Рубашка на нем была с короткими рукавами, узел галстука распущен. Прическа всклокочена. Зик полюбил его с самого первого раза, как увидел, и чувство оказалось взаимным.

Зик взял записи.

— Ей двадцать четыре года, живет одна, восемнадцать месяцев назад приехала из Сиэтла, где до сих пор постоянно проживают ее родители. Отец там был в свое время владельцем недорогого ювелирного магазинчика. Семнадцать месяцев она работает у человека, который ей, очевидно, импонирует. Внешне она соответствует тому типу женщин, который ассоциируется с роскошными магазинами. Высокая изящная блондинка, холодная и недоступная на работе, хотя и весьма общительная в быту. Одна из наиболее общительных женщин из числа тех, с кем мне приходилось сталкиваться.

— То есть... — начал Ньютон.

— Совсе нет. На вид весьма мила. Только, ну, мне кажется, вы бы назвали ее преданной, как бывают спаниели.

— Ей можно доверять?

— По-моему, да.

— На вас не действует тот факт, что она — блондинка из американской мечты?

Зик улыбнулся.

— Мне бы хотелось сказать вам банальную фразу, что люди для меня — просто люди, что я не делаю различий между ними, когда я веду расследование, что даже если бы у нее было кольцо в носу... Но ведь вы мне не поверите.

— В общем, она герой не вашего романа.

— Как я уже сказал, Дюваль ей импонирует. Он платит ей сто пятьдесят долларов в неделю, отпускает ее с работы, когда ей надо. И потому она была потрясена услышанным: у нее даже возник комплекс вины в связи с обращением к нам. Но она знает, что это ее долг, и хочет его исполнить. Я договорился с нею о телефонной связи в любое время, когда у нее будет что мне сообщить. Предупредил о необходимости соблюдать осторожность, о том, что если у Дюваля возникнет хоть тень подозрения...

Ньютон сжал губы.

— Похоже, они вычислили Меморандума. А вы как думаете? О ком еще могла идти речь?

Меморандумом был Кэлвин Оскар Тэрмен, тридцати восьми лет, рост пять футов семь дюймов, вес сто семьдесят фунтов, семейное положение — холост, род занятий — гранильщик драгоценных камней в одной нью-йоркской оптовой ювелирной фирме. В деле фигурировали особые приметы: усы, ямочка на подбородке и почти незаметный шрам под правым глазом. Прозвище "Меморандум" возникло из того факта, что при реализации драгоценных камней он просто фиксировал переданное количество в меморандуме — памятной записке, не требуя ни цента в качестве материальной гарантии, что, в общем-то, обычно среди ювелиров. Бывали случаи, когда он передавал по меморандуму "на доверие" партии на сумму до четверти миллиона долларов.

За месяц до этого разговора, 9 мая, в десять часов семь минут утра, как гласит регистрационная запись в журнале, он со всеми предосторожностями пробрался в нью-йоркское городское управление ФБР и "предложил информацию".

В маленьких, бегающих глазках читался страх. Фирма, сказал он, командирует его в Лос-Анджелес для огранки коллекции драгоценных камней стоимостью в триста тысяч долларов до ее отправки в Нью-Йорк. Владелец сообщил ему, что ювелир из Беверли-Хиллз Филипп Дюваль приобрел коллекцию Готорна и обратился к его нью-йоркской фирме с просьбой эту коллекцию реализовать. Оправа у камней старая, и у Меморандума возникло подозрение, что камни краденые. "Я никогда в жизни не брал в руки товара сомнительного происхождения и никогда не возьму. Поэтому я пришел к вам за советом, джентльмены".

Четырнадцать месяцев нью-йоркские агенты проверяли руководство фирмы, где работал Меморандум. Оказалось, что эти люди в одно и то же время занимались и вполне респектабельными сделками, и "пограничными" ювелирными операциями. В ту или иную вполне законную продажу фирма то и дело вводила небольшие партии краденых камней.

Через некоторое время агенты пришли к выводу, что главный гранильщик фирмы Меморандум не мог не знать, когда к нему в руки попадал краденый товар. Он не был ни глуп, ни наивен. Более того: его выдавал банковский счет. Конечно, он знал обо всем, ибо вносил гораздо больше, чем официально зарабатывал.

Почему же он обратился в ФБР? Быть может, боссы надули его на каком-то деле или пренебрежительно отнеслись к нему, и он возжаждал мести. Быть может, он пришел потому, что сильно испугался. Одно дело работать в Нью-Йорке, другое — лететь в отдаленный город. В Нью-Йорке он смог бы оправдаться тем, что будто бы ничего не знал о происхождении камней, полученных им в процессе выполнения своих обычных обязанностей. Но даже самый неопытный гранильщик знает, что если его направляют в Лос-Анджелес вынуть

камни из легко идентифицируемой оправы, то цель может быть единственной: избежать многочасового риска транспортировки партии в Нью-Йорк в первоначальном виде.

Был рассмотрен еще один вариант. Меморандум мог прослышать о будущем Бюро расследования и решил заработать хорошую репутацию в ФБР, пока не поздно.

Ему дали рекомендации следовать указаниям фирмы. И сообщили, что в Лос-Анджелесе с ним время от времени будут беседовать агенты ФБР.

Но это оказалось невозможным, так как его руководство запланировало поездку таким образом, что он фактически оказался на положении пленника. Под предлогом охраны коллекции с ним послали наемного убийцу, некоего Арти Ричфилда. Их свел вместе в международном аэропорту Лос-Анджелеса Филипп Дюваль, и он же отвез их прямо оттуда на территорию заброшенной шинной фабрики на пересечении Бальбоа- и Виктори-бульваров, граничившую с одним из немногих неосвоенных участков в долине Сан-Фернандо. Вскоре Дюваль уехал, но с этого мгновения ни Меморандум, ни наемный убийца за пределы территории не выходили. Сторож Тимоти Зайберт, семидесяти одного года, рост пять футов девять дюймов, вес сто сорок фунтов, время от времени уходил с территории фабрики за продуктами и другими покупками. Расследование показало наличие у него уголовного прошлого.

Почему нью-йоркская фирма в буквальном смысле слова посадила под замок своего гранильщика номер один? Зик предложил на выбор две теории: первая — владельцы фирмы имели все основания полагать, что он может стать осведомителем, или вторая — боялись, что он исчезнет вместе с коллекцией.

А теперь случилось что-то такое, из-за чего, если, конечно, Шерли Хатчинсон говорит правду, он может стать мишенью для убийцы...

Зик сказал Ньютону:

— Мы обязаны его предупредить. Но не знаю как. Войти с ним в контакт, не обнаружив себя, мы не можем, и он связаться с нами не в состоянии. Телефона там нет, даже если бы у него была возможность позвонить. Записку из окна он выбросить тоже не может. Все окна забраны тонкой металлической сеткой, чтобы окрестные мальчишки не побили стекла камнями.

Ньютон спросил:

— А нельзя ли передать ему рацию на транзисторах?

— Не уверен, что можно обеспечить связь. Здание фабрики из стали и бетона, да еще рядом работает электростанция...

Ньютон прервал его:

— Предложение снимается. Даже если бы связь была технически возможна, риск слишком велик. За ним следят во все глаза и если заметят, что он с кем-то разговаривает, или найдут при обыске в вещах транзистор... — Он покачал головой, затем лениво произнес: — Похоже, нужен почтовый голубь.

— У меня есть, — сказал Зик.

Ньютон вскинул голову.

— Большой, черный, четвероногий.

— О ком это вы говорите?

— Помните большого кота, которого мы использовали по делу Хелен Дженкинс?

Ньютон помнил — чересчур хорошо. Он вспомнил, как пытался объяснить циничному и ехидному куратору из Вашингтона суть ситуации, потребовавшей привлечения агента X-14. За исключением кота, дело было из рядовых. Двое грабителей захватили заложником женщину-кассира из банка. По ходу дела Д.К., гуляя по кварталу, забрел в квартиру, где ее прятали. Женщине удалось надеть коту на шею часы. Их заметили Рэндаллы и на следующее утро уведомили ФБР. Агенты идентифицировали часы, и за котом — агентом-информатором X-14 — было установлено наблюдение в надежде, что во время одного из своих обходов он придет в это тайное убежище, что он и сделал.

Зик сказал:

— Мне этот раскормленный котятра нравится не больше, чем вам, но выбора у нас нет. Ночью мы запустим его на фабрику. Там есть небольшой лаз — отверстие для удаления золы из мусоросжигателя. Уверен, что кот моментально направится прямо туда, где люди, а мы заложим ему в ворот ошейника записку, и туда же Меморандум положим ответ.

Ньютон бросил на Зика полный недоверия взгляд.

— Думаю, кот прямо-таки кинется к вам. Особенно если учесть, как он вас любит.

— Кинется. Выход оттуда только один, а из дому он уходит лишь на несколько часов. Гарантирую, что на фабрике он не останется. Он протянет лапку, чтобы с ним поздоровались, побегает там не больше часа и пойдет назад. Я исследовал его модель поведения, как это делаю с любым информатором, и именно так он ведет себя, когда шляется по окрестностям.

Ньютон чуть не поперхнулся.

— Модель поведения!

— Привычки у них почти такие же, как и у более высокоорганизованных позвоночных.

— Не морочьте мне голову, Зик. И вот еще что: вы уверены в Меморандуме? Уверены, что он додумается искать записку в кошачьем ошейнике?

— На этот счет у меня есть одна идея. Доверьтесь мне. Помешать может только одно.

— Одно?

— Размер лаза. Он может оказаться не слишком большим, и если он застрянет...

— Я бы сказал, что наш информатор не в своем уме, если он будет открыто оповещать всех окрест о своем и вашем местопребывании. — Ньютон проглотил ком в горле. — Вы рехнулись. Абсолютно рехнулись.

Зик упрямо возражал:

— Бюро заявляет, что ему нужны люди с инициативой.

— Поймите меня правильно, — торопливо пояснил Ньютон. — Я восхищаюсь вашей изобретательностью и вашим умом, хотя, возможно, мы оба упрямся в тупик.

Он откинулся в кресле.

— Итак, в нашем распоряжении три информатора: абсолютно не заслуживающий доверия жулик, страстная блондинка и попрошайка-кот.

4

Темно-зеленая улица перед домом Рэндаллов отходила ко сну. Шел двенадцатый час ночи. Тяжелый июньский воздух наполнен запахом роз, сладкого горошка и апельсиновых деревьев.

Зик тихо затворил дверцу машины. Бесшумно прошел по узкой, выщербленной дорожке, из-под трещин которой пробивалась сорная трава. Высокий, худощавый, он двигался легко и быстро, хотя уже отработал без передышки семнадцать часов. Он приехал прямо с последней из назначенных на этот день встречи — с подругой некоего субъекта, разыскиваемого "за незаконное уклонение от расследования по поводу убийства". Девушка пообещала, что позвонит, если узнает о местопребывании субъекта. Не исключено. Бывает, что они это делают, бывает, что нет.

В поле его периферического обзора попала тень, скользнувшая в гостию соседнего дома. Это бдит миссис Макдугалл. Она никого не пропустит. Если бы взломщику вздумалось похозяйничать в этом квартале, это был бы дохлый номер.

Из кустарника вылез Приблудный Кот и начал рассказывать душераздирающую сказочку о вечном голоде. Он бросил быстрый взгляд на ноги в брюках, тут же оборвал слезливую историю и вернулся в кусты. На этого парня нечего тратить усилия. Это — кремень.

Пэтти открыла дверь после первого же стука. "Привет!" — произнесла она на одном дыхании. Даже в столь поздний час она выглядела свеженькой, утренней, глаза ее сверкали. На ней было бледно-голубое легкое платье, так и порхавшее вокруг нее. И он почувствовал, как в небытие уходит прошедший тяжкий, жаркий трудовой день.

Когда он вошел, они быстро поцеловались, затем взгляд ее устремился мимо, в сторону опущенных штор на окнах соседнего дома.

— Твой приход, по-моему, уже зафиксирован.

Он улыбнулся.

— Когда обручусь в следующий раз, то выберу девушку, у которой нет таких любопытных соседей.

Шесть месяцев назад он нацепил ей обручальное кольцо. В этот момент они ели гамбургеры у "Боба" — в ресторанчике для автомобилистов на Ван-Ньюйс-бульваре. Кольцо это он только что купил и не мог дожидаться вечера. Внизу в машине орало радио, вверху ревел реактивный самолет. И все же атмосфера была чудесной. Благодаря

ему. С ним всегда легко. Ей не надо думать, что надеть, что сказать, не надо бояться обидеть его случайно произнесенным словом. Она могла быть сама собой, чего не могут многие даже в счастливых браках.

Ингрид внесла на подносе горячий шоколад. Поздоровалась, поставила поднос на конце стола и налила ему чашку. Как-то холодным декабрьским днем он обмолвился, что ему очень нравится, как она готовит горячий шоколад, и теперь она угощала им в июньскую жару. Ингрид обожала его с головы до пят, как и Грега, который был для нее первым "взрослым ее мечты". Конечно, у Грега белая открытая машина, в которой он подвозил ее по утрам в школу. Пусть ревнует! Но в Зике было что-то такое... в общем, она надеялась, что Пэтти по-настоящему честно, глубоко, искренне, без обмана способна оценить его. А Пэтти бывала весьма критична по отношению к мужчинам.

Из ниоткуда возник Майк. Минуту назад его не было, и вдруг он оказался тут как тут. Обстановка сразу же преобразилась.

— Эти помои пить необязательно, — заявил он без лишних слов.

— Майк! — воскликнула Пэтти. Она уселась на диван рядом с Зиком и вложила ладонь в его крупную, грубую руку. — Так что там насчет Д.К.? — хитро спросила она.

— Знаю, что ты сочтешь меня сумасшедшим. Я сам считаю себя сумасшедшим. Но мы попали в отчаянное положение. Объяснить не могу. Если бы я имел право! Одно я могу сказать: мы запустим Д.К. в заброшенное фабричное здание. Его придется просунуть в отверстие для удаления золы, чтобы он проник туда...

— Просовывать никого не надо, — заметила Пэтти. — Кто-нибудь видел кошку, не желающую лезть в дыру?

— Он, наверное, будет нам нужен каждый вечер в течение недели, — продолжал Зик. — Будем забирать его сразу, как стемнеет, а начнем завтра. Домой будем привозить его после полуночи.

— Он вернется цел и невредим, правда? — спросила Ингрид.

— Вряд ли ему угрожает опасность, — медленно произнес Зик. — Мы примем все возможные меры. Но, конечно, при такой работе всегда возникает определенный риск.

— А почему бы не привлечь П.К.? — спросил Майк. — Семьи у него нет, если что случится, плакать будет некому.

— Этого дурака! — воскликнула Ингрид.

— И сколько же ФБР будет нам платить? — спросил Майк. — Кошачье питание стоит больших денег, так что...

— Майк! — крикнула Пэтти.

Майк упрямо продолжал:

— Разве информаторам ничего не платят? Я где-то читал...

Зик расплылся в улыбке:

— Когда все кончится, я поймаю ему самую большую в его жизни рыбу.

Как будто услышав, что речь идет о нем, Д.К. издал полузадушенный, злобный крик из кухни, куда его временно изолировали. Он терпеть не мог закрытых дверей. И если оказывался перед затворенной дверью,

то начинал царапать ее когтями до тех пор, пока кто-нибудь не откроет, и это было абсолютно справедливо, ибо ему было положено знать обо всем, что в доме происходит.

— Он в порядке и сердится, — сказала Ингрид, отворяя дверь.

Д.К. тут же прыгнул на стол, размахивая хвостом и подвывая по-собачьи, тем самым давая понять Зику, что он о нем думает. Ингрид почесала его за ухом, и он постепенно смолк. Потом с шумом соскочил на пол — так ему удобнее было выгнуть спинку и шейку, чтобы Ингрид могла почесать его поэнергичнее. Затем он закатил глаза, изображая тельца перед закланием. Вот маленький лицемер, подумал Зик. Все кошки таковы, весь их кошачий род. У них такие умильные мордочки, особенно когда они спят, прикрыв нос лапкой. К тому же это единственные животные, владеющие умением изображать ангелов. Он не раз видел, как взрослые мужчины таяли от мурлыканья.

Ингрид подошла к парадной двери, за ней Д.К. Он остановился на пороге и осторожно высунул нос наружу. Никогда не знаешь, кто там рыщет.

— Давай, тигр. Ты выходишь или нет?

— Это вам не человек, который принимает решения с кондачка, — заметила Пэтти.

Тут он проследовал вперед с громким урчанием, предупреждая чужаков, что идет по делу.

Обернувшись, Ингрид сказала:

— Извините, но мне надо идти. Мне задано подготовить критический анализ творчества Китса и думаю, что для начала стоит прочесть, парочку его поэм.

— Спасибо за шоколад, — поблагодарил ее Зик.

Она засияла.

— А ты идешь? — обратилась она к Майку.

— С какой стати? — Но, бросив взгляд на парочку, тут же сказал:

— Конечно, конечно. — Помедлил и произнес: — Может быть, если напишете в Вашингтон и расскажете, как старина Д.К. опять рискует жизнью, они с а м и з а х о т я т что-нибудь ему заплатить.

— Вы понятия не имеете о Вашингтоне. Если до них дойдет, что по платежной ведомости ФБР проходит кот, начнется расследование, которое всю страну перевернет вверх ногами.

После ухода Ингрид и Майка Пэтти сказала:

— Ты, наверное, изжарился. Я же предупредила Ингрид, что для горячего шоколада погода не слишком подходящая.

— Мне нравится этот ребенок.

— Не увлекайся. Помни, что ты обручен с ее сестрой.

Зик с сожалением поднялся.

— Мне вставать в пять.

— Ты слишком много работаешь.

— Может быть, кот завтра чуть-чуть поголодает, тогда он охотнее побежит, куда нам надо.

— Он побегит независимо от того, сыт он или нет. В чужом месте все всегда вкуснее.

— И еще одно: проследи, чтобы он хорошо выспался. Он должен быть в хорошей форме.

Она рассмеялась.

— Не беспокойся, прослежу, чтобы он делал зарядку с гантелями. За дверь они вышли вместе. Зик продолжал:

— Если ты не против, завтра я пришел бы с товарищем по работе, чтобы познакомиться его с котом. Этот парень безумно любит кошек, а поскольку я не в лучших отношениях с Д.К. ...

Пэтти увлекла его в темноту под сень деревьев.

— Наверное, не с Д.К., — промурлыкала она, — а с лучшим его другом... — Она приподнялась на цыпочках, чтобы поцеловаться, а он обнял ее.

— Ты почти как незнакомец, — прошептала она. — Иногда по ночам, в темноте мне становится страшно...

Он обхватил голову Пэтти и посмотрел ей прямо в глаза.

— Если бы я мог, я бы не уходил отсюда никогда.

Зик нежно поцеловал Пэтти.

В этот миг они услышали, как задвигался некто, спрятавшийся в кустах. Пэтти вышла на лунную полянку.

— Миссис Макдугалл?

Миссис Макдугалл поднялась с корточек из-за кустов роз, обозначавших границы между двумя участками. Чем-то она напоминала забастоваго голубя.

— Никогда не знаешь, где кончается твое и начинается чужое, — заметил как-то Зик.

— Так это вы, Пэтти? — затараторила миссис Макдугалл. — Вы меня так перепугали! Думала, что тут ни души. Решила, что я здесь одна-одинешенька. А, мистер Келсо, добрый вечер! Вас я тоже не заметила. У меня такое плохое зрение! На той неделе два раза ходила к доктору, а он сказал мне, что мне уже не двадцать и мне пора... Но я так рада вас видеть, мистер Келсо! У меня всегда грудь распирает от гордости, когда я вижу, как лучшие люди нашей страны денно и ночью берегут наш покой, в то время как на первый взгляд представляется, будто человек не может чувствовать себя в безопасности даже в собственной постели, потому что то режут ножом, то душат и кровь течет рекой повсеместно.

Она подняла над головой моток тонкой проволоки и отрезала короткий кусочек.

— Я разбрасываю проволоку под кустами для наших маленьких пернатых друзей. Мне так жалко несчастных малюток, у меня прямо сердце уходит в пятки, когда подумаешь, что в таком огромном городе, как наш, им не из чего строить гнезда.

Она подала пучок из коротеньких кусочков металла.

— Я думала, что когда вы завтра пойдете охотиться на всех этих нехороших людей, вы сможете по дороге разбросать эти кусочки.

Зик взял проволочки из рук миссис Макдугалл.

— Обязательно, миссис Макдугалл, буду только рад. Когда у меня появится пауза между перестрелками, чем же мне еще заняться?

Она радостно кивнула, а Зик и Пэтти побрели к машине. Когда они отошли на безопасное расстояние, Пэтти прошептала:

— "Буду только рад"... Да ты, оказывается, такой врушка!

— И жулик в придачу. Сегодня днем я торговал книгами, вечером назначил информатором кота, а завтра буду разбрасывать проволочки для птичьих гнезд.

Пока Зик заводил машину, Пэтти перегнулась через дверцу и поцеловала его.

— А я тебя люблю, хоть ты и жулик!

— Скажи ей, — произнес Зик, — что этот поцелуй по счету пятый. Не исключено, что она пропустила один, а я не хочу, чтобы в ее учетные документы вкралась ошибка...

Сидя на ограде из бетонных блоков, Д.К. наблюдал за тем, как уезжал Зик. Ну и балда! Ничуть не лучше кретина по ту сторону улицы.

Он проследил за тем, как Пэтти вернулась в дом. Не прыгнуть ли к парадной двери? Она так хорошо умеет чесать за ушком и берет на руки перед сном. Но его могут больше не выпустить, а на дворе такая ночь... трудное предстоит решение. Да и есть наверняка больше не дадут. Он вспомнил, как смолотил за ужином целую банку макрели с невероятным приятным запахом. Никогда в жизни не нюхал такой макрели! Только потом во рту остался неприятный привкус. Полчаса он облизывался, пытаясь от него избавиться.

Дверь затворилась. Лучший в семье специалист по чесанию шейки и ушей очутился в доме.

Услышав шорох в кустах, он напряг все свои двадцать пять фунтов веса и наострил уши.

Оказывается, по кустам ходил всего-навсего Приблудный Кот. Какой он все-таки зануда — но доброжелательный зануда. Д.К. не был столь черств душой, чтобы прогнать его. Пока он знает свое место и не пытается проникнуть в дом, он может оставаться. Правда, пару раз он пробовал обратиться внутрь или пристроиться к его обитателям, чтобы те почесали и ему ушко, так что пришлось ему наподдать как следует на долгую память.

Ладно, пора начать ночное патрулирование. Никому нет дела до его забот, до битв, которые он вынужден вести, чтобы защитить территориальную неприкосновенность суверенной собственности. Его люди даже не представляют себе, что происходит, когда они спят.

Он прыгнул вниз, потянулся и крадучись двинулся вперед.

5

На следующее утро Зик сидел за столом и сочинял телетайпограмму в нью-йоркское управление. Ему надо было запросить ориентировку по поводу принципиального отношения к кошкам убийцы Артура Квинсленда Ричфилда и информатора Кэлвина Тэрмена по прозвищу Меморандум. Чтобы продумать образ действий Д.К., надо заранее знать, как эти люди будут реагировать на приход кота.

Можно представить себе, как Нью-Йорк реагирует на запрос. Не

так-то легко агенту расспрашивать друзей и знакомых разрабатываемого лица, как тот реагирует на представителей семейства кошачьих. Есть ли у него кошки? Хорошо ли он с ними обращается? Хорошо ли кормит? А если нет, то, может быть, он их не любит? Или не просто не любит? Откровенно ненавидит? Не видел ли кто, как он гонялся за кошкой? Нападал на кошку? Выбросил кошку из дому умирать с голоду?

Он кончил сочинять телетайпограмму, и тут с коммутатора ему сообщили, что ему пытается дозвониться некая мисс Хатчинсон. Будет ли он брать трубку? Он ответил, что будет.

— Это мистер Келсо? — спросила Шерли Хатчинсон низким, мурлыкающим голосом.

— Да, это я, мисс Хатчинсон.

— Мне так хочется, — сказала она, — чтобы вы звали меня Шерли, раз уж нам предстоит работать вместе.

— Откуда вы звоните?

— Как вы советовали, из автомата. У меня есть новости, и я решила, не сможете ли вы сбежать попить кофе... Тут есть одно тихое местечко, где нас никто не увидит.

— А сейчас вы бы не могли сказать, в чем дело?

— Понимаете, я слышала, как известное вам лицо сказало утром, что все идет прекрасно и в течение одного-двух дней должно быть принято определенное решение.

— Разговор шел с тем же собеседником, что и ранее?

— Уверена, что да.

— Не думаете ли вы, что действие, которого мы опасаемся, может произойти сегодня?

— Он сказал, в течение одного-двух дней. Он не был ни взволнован, ни встревожен, значит, вряд ли сегодня.

— А если вы заметите что-то необычное, сможете немедленно связаться со мной? Если меня не будет на месте, сослуживцы знают, где меня найти.

— Ну, конечно, мистер Келсо. — Недолго поколебавшись, она сказала: — Как бы мне хотелось называть вас Зик!

— Почти все так и делают.

— Что ж, спасибо, Зик!

Он проехал по скоростной дороге на Голливуд до Вентура-бульвара. Повернул направо у бульвара Бальбоа, миновал городской гольф-клуб и вскоре оказался в районе еще не освоенных участков. Не доезжая до железнодорожного переезда, свернул налево на Виктори-бульвар.

Остановился Зик прямо у входа на заброшенную фабрику — приземистое двухэтажное строение. На потрескавшейся штукатурке фасада расплылись дождевые пятна, а с двойной парадной двери давно отвалились куски краски. Бетонные стены оплетены высоченнейшими сорняками с сухими стеблями. О том, что намеревается проникнуть на фабрику, Зик начальника управления Ньютона не предупредил. Тот запретил бы столь опрометчивый шаг.

Выйдя из машины, Зик бросил косой взгляд на одноэтажный сборный домик, стоявший на противоположной стороне широкого проезда. Там в гостиной сидели двое агентов-наблюдателей, один из них с биноклем. Где-то дальше, на той же улице, вне пределов видимости в припаркованной служебной машине сидели еще двое агентов, готовые по сигналу вести наблюдение за любым, кто покинет территорию фабрики. Пока что оттуда не выходил ни один человек, за исключением большого артритом старика-сторожа Тимоти Зайберта, чей ежедневный маршрут длиной в милю представлял собой поход в восточном направлении в небольшой торговый центр неподалеку от Ван-Ньюйс-бульвара. Там он покупал бакалею и прочие припасы.

Размеренным шагом Зик приближался к зданию фабрики. Он внимательно разглядывал его, ожидая увидеть движение за окнами. Подойдя к покосившейся двери, он постучал поначалу не слишком громко, а потом все сильнее и сильнее. Время от времени он прислушивался.

Наконец он рискнул открыть дверь сам, и, к его удивлению, она со скрипом распахнулась. Зик вглядывался во мрак.

— Есть кто-нибудь? — Голос его гулко раздавался в стенах огромного, похожего на склад здания и эхом отражался от стен. Зик крикнул еще раз и двинулся во мрак, который по мере адаптации стал рассеиваться. Шаги его четко отпечатывались на растрескавшемся бетоне, как бы он ни старался их приглушить. Сердце бешено колотилось.

Эта шинная фабрика не работала уже двадцать лет. Но на первый взгляд казалось, будто работники просто ушли по окончании рабочего дня, с тем чтобы на следующий день вновь приступить к работе. Подгнивали тюки упакованной резины. У стен, опасно накренившись, выстроились высокие стопки шин. Некоторые рассыпались, и шинь раскатились по полу здания. На брошенном на верстак комбинезоне скопилась многолетняя пыль. Рядом с пожелтевшим блокнотом лежал огрызок карандаша и стояла чашка. А наверху поколения пауков сплели свои сети.

Впереди бежали маленькие коричневые ящерицы, пытавшиеся сойти с тропы, по которой шествовал посторонний гигант, потревоживший их игру. Зик то и дело останавливался, окликал присутствующих и время от времени замирал, прислушиваясь, не раздастся ли звук, способный выдать присутствие посторонних.

Он миновал длинный ряд тюков и громоздких агрегатов. Здесь темнота оказалась непробиваемой, и ноги сами находили дорогу. Потом он повернул за угол, и темноту рассек свет слабой лампочки, висевшей под самодельным абажуром в геометрическом центре помещения. Он направился к источнику света, но не прошел и двух шагов, как перед ним, освещенный со спины, встал вооруженный мужчина. Это был Арти Ричфилд. Он не двигался. Лет ему было на вид не более сорока, телосложение хрупкое, лицо как в семи водах мытое. Усталые глаза его уставились на Зика.

— Стой на месте, парень, — лениво проговорил он.

Зик послушно выполнил это требование.

— И чего ты тут шляешься? — продолжал Арти.

Зик раздраженно ответил:

— Я оценщик налогооблагаемого имущества из финансового управления графства. Я кулаками чуть вашу дверь не выбил, а последние пять минут орал во всю глотку. А вы меня не слышали.

Арти задумался. Взгляд его обратился на большую плоскую амбарную книгу в руках у Зика.

Зик указал на оружие.

— Мне не хотелось бы докладывать, что мне угрожали в процессе выполнения мною служебных обязанностей.

При звуке слова "докладывать" Арти поднял оружие.

— Чем докажете, что служите по налоговому ведомству?

— А чего вы так боитесь? — спросил Зик, вынимая из внутреннего кармана пиджака плоскую, прикрытую плексигласом карточку-удостоверение.

Арти вслух прочел фамилию и имя.

— Эд Франкус, — произнес он, внимательно посмотрел на фотографию, потом перевел взгляд на самого посетителя. — И что вам тут надо?

— Вы владелец?

Арти отрицательно покачал головой.

— Нет, это нью-йоркское заведение. Видели объявление о продаже складского помещения?

Зик кивнул, а Арти продолжал:

— Как только уберем весь этот хлам, завезем сюда мебель.

— Мне надо осмотреть здание.

— Валяйте.

Пока Зик осматривал предприятие, Арти не сводил с него взгляда.

— И часто вы сюда заходите?

— Инспекция производственных помещений производится один раз в год.

Тут они подошли к куче разбросанного битого кирпича. Рядом стоял мусоросжигатель. Не меняя ритма движения, Зик высмотрел небольшую металлическую дверцу в наружной стене на уровне пола, через которую удалялась зола. Он обнаружил ее еще ночью, когда осматривал наружные стены предприятия.

Зик направился в конторское помещение, находившееся в центре огромного здания. Оно состояло из соединенных стеклянных рам размером двенадцать на двадцать футов, с одной дверью и плоским верхом. Там когда-то сидел управляющий, огражденный от шума и производственной суеты, но видящий все, что происходит на предприятии.

Спиною к Зику сидел мужчина, склонившийся над газетой, лежавшей на вертящемся столике, где, покрытые давней пылью, валялись разные мелочи. А сбоку стоял бросающийся в глаза новенький, только что из магазина радиоприемник. Зик заметил несколько древних стульев с прямыми спинками, включенную в сеть

электроплитку на трех ножках и длинный стол, заваленный тяжелыми гроссбухами, не открывавшимися лет двадцать. На дальнем конце стола распластался компактный автономный холодильник полевого типа. Над головой на длинном шнуре болталась лампочка без абажура.

Рядом с конторским помещением шла наверх, на замыкающую один из торцов здания галерею лестница без перил.

— Что у вас там? — спросил Зик.

— Раньше были подсобные помещения, а теперь мы там спим. Приходится, иначе ребяташки растащат тут все по кусочкам.

Зик услышал за спиной легкий шум и обернулся. Из конторского помещения вылезал Меморандум. С подозрением посмотрел на пришедшего. На лице его отпечатались язвенные боли. Меморандум оказался коротышкой в помятой, засаленной одежде, с неаккуратно подстриженными усиками. Он уже несколько дней не брился. Как информатор он явно не внушал доверия. И все-таки по внимательном рассмотрении в нем обнаруживалось нечто, вызывающее немедленную жалость. Зик часто сталкивался с подобными личностями: маленькими, стеснительными, неспособными заявить о себе. Как правило, они полны добрых намерений и отчаянно жаждут влиться в ряды храбрецов и силачей, но просто не знают, как это сделать, и потому замыкаются в себе. Как типичные пугливые зайцы.

Арти сказал:

— Это мой помощник.

И представил Зика Меморандуму:

— Это оценщик налогового управления.

Зик показал Меморандуму соответствующее удостоверение. После того как он продемонстрировал его Арти, он вложил туда записку, прикрыв ею фотографию. Печатными буквами было написано: "ИЩИТЕ ВЕЧЕРОМ В КОШАЧЬЕМ ОШЕЙНИКЕ". А ведь Зик всерьез помышлял о том, чтобы передать Меморандуму подробную инструкцию! Как хорошо, что он отказался от этой идеи... Арти осуществлял надзор чересчур внимательно и тщательно.

Прищурившись, Меморандум стал изучать удостоверение на расстоянии вытянутой руки. Пальцы дрожали. Зик напрягся. Он не предполагал, что Меморандум может читать только в очках.

Тут вмешался Арти:

— Дайте-ка взглянуть еще раз.

Зик выхватил удостоверение из рук Меморандума. Пока он передавал удостоверение Арти, записка успела скрыться в ладони. Движения Зика были последовательными и естественными. Еще мальчиком он увлекался фокусами.

Хмыкнув, Арти вернул документ.

Вдруг откуда-то из-за конторского помещения возник сторож. Он как-то странно расставлял шаркающие ноги, так что казалось, будто он движется сразу в двух направлениях. Сторож был до того тощ, что выглядел, как ходячий скелет.

Арти остановил его.

— Это наш хозяйственник, — сказал он Зику. Обернувшись в

сторону, он продолжал: — Ну, чего ты припер сегодня, Тим? Не забыл по дороге?

Тим выпучил глаза, проглотил ком в горле и вспомнил:

— Кресс-салат.

— Ага, кресс-салат. Никогда не забывай, за чем тебя посылают, или буду гонять до бесконечности. — Арти пояснил Зику: — Мне обязательно надо есть сэндвичи с кресс-салатом. Бесподобная вещь! Обеспечивает великолепную форму, как соки. Любите кресс-салат?

— Никогда не пробовал.

— Типично, — сказал Арти. — Еще как типично. Все обжираются и вгоняют себя в гроб. Идите сюда. Угощу соком. Стебли горчицы, морковь, апельсины с кожурой, лимоны, шпинат — все в одном напитке.

— Мне уже пора идти, — произнес Зик. — Не знаете, в здании не проводились дополнительные работы?

— Кто будет вкладывать деньги в эту мышеловку?

После ухода Зика Арти сказал Тиму:

— Иди к телефону и позвони в финансовое управление графства. Спроси, работает ли у них оценщик недвижимости Эд Франкус. Вот, я тебе написал.

Тим хмуро осведомился:

— А если они никого такого не знают, тогда что?

— Скажи спасибо и повесь трубку. И никогда не забывай про кресс-салат.

Арти наблюдал за тем, как Тим проковылял через парадную дверь.

— Он сыграет в ящик еще до того, как мы уберемся отсюда.

Меморандум сказал:

— Хотелось бы прогуляться. Тут с ума сойдешь.

— Сядь и заткнись. Мне твое нытье осточертело.

Меморандум весь сжался, как бродячая собака после удара хлыстом. Собрав все силы, он взял себя в руки.

— Так со мной не разговаривают. — Голос его задрожал. Он никогда не умел внушать к себе почтение, как другие. — Я один из лучших мастеров своего дела. И если мне хочется пройтись...

Арти кивнул:

— Ладно, валяй...

Он небрежно сел и вынул револьвер. Отцелкнув барабан, проверил каждый заряд.

— ...но у меня тут шесть патронов, и каждый из них утверждает, что ты предпочтешь побыть здесь.

6

В доме Рэндаллов день начался в три тридцать семь утра. Именно в это мгновение произошел обмен наиболее непристойными словами и выражениями между двумя участниками битвы не на жизнь, а на смерть.

Джордж Рэндалл проснулся, уже встав на ноги. Встряхнулся, как пес под дождем, обулся в комнатные туфли и выглянул из окна. Картинка освещенного луной двора медленно приобретала резкие очертания. Одним из бойцов был Д.К., другим — старый бродячий пегий кот.

Не зажигая света, Рэндалл пошел к черному ходу. Он захватит самозванца врасплох, чем-нибудь в него запустит.

Без приключений он добрался до задней двери, но там со страшным шумом споткнулся о предмет, который двинул его, как паровой молот, а потом отскочил в сторону, как боксер на ринге. Со стоном он поднялся и ощупал, все ли ребра целы. Без сомнения, сломаны были все двадцать четыре. Пошарив рукой по стене, он нащупал выключатель. Препятствие оказалось трехколесным велосипедом. Трехколесным!

Он медленно выкарабкался наружу. Вторгшийся враг исчез, и гордый собой Д.К. шел прямо к нему, издавая громкие, хвастливые крики. Джордж Рэндалл внимательно поглядел на кота. Похоже, не было ни малейших следов царапин. Судя по звукам, у него, по меньшей мере, должно было быть разорвано ухо.

— Не разговаривай со мной, — пробормотал Рэндалл. — Не вздумай разговаривать со мной.

Подавая за завтраком бекон и яйца, Пэтти произнесла:

— Наш папа и Д.К. ночью прогнали свирепого тигра-людоеда. Возможно, вы не знаете, что была разыграна мощнейшая силовая комбинация по схеме "один — два".

— Папочка, ты ведь правда любишь Д.К., верно, папочка? — проговорила Ингрид, предварительно осушив одним глотком стакан апельсинового сока. — Ведь никто, кроме тебя, не оказывает ему помощи в ночных сражениях.

Резким движением отец подцепил на вилку ломтик бекона.

— Чей это трехколесный велосипед у черного хода?

Майк неловко заерзал.

— Ты знаешь такого сопливого мальчишку с другого конца улицы? Сэмми Эгберта?

— Каким образом этот трехколесный велосипед очутился у нас в доме?

— Я взял его в качестве залога. Под заем в два доллара.

Джордж Рэндалл застонал, потрогал ребра и предпочел не углубляться.

Майк пояснил:

— Риск по этой ссуде слишком велик. А велосипед почти ничего не стоит.

— В три тридцать утра эта ссуда повлекла за собой еще больший риск. Повыше, чем ты думаешь.

Пэтти сняла фартук. На ней уже был надет костюм лавандового цвета, чтобы идти на работу.

— Слушайте, вы, мужчины, эту ночь вы занимались не делом. Д.К. сегодня вечером будет работать на ФБР. Ему надо будет тайно передать сообщение в здание фабрики.

— Только никому ничего нельзя рассказывать, — добавила Ингрид.
— Эти сведения конфиденциальны.

— Надеюсь, — произнес Джордж Рэндалл, поставив на стол чашку кофе. — Это заведение просто свихнулось. Начисто свихнулось.

— Зик так и сказал, что у них все с ума посходили, — объяснила Ингрид, — но другого выбора нет. И, как сказал Зик, ФБР без колебаний использует нестандартные методы, если иначе нельзя распутать дело.

В глазах Джорджа Рэндалла появилась хитринка.

— А вдруг им захочется взять Д.К. в Вашингтон на штатную работу в центральный аппарат? Мне будет жаль с ним расстаться, но как американский патриот, я чувствую...

— Папа! — воскликнула Ингрид.

— Взгляните-ка на него! — Все повернули головы. Посреди заднего двора у маленькой норки сидел Д.К. и внимательно ее изучал. — Не знаю, как ему удастся сохранить нос, ведь он все время суется в сусликовые норы. Между прочим, за те пять лет, что он тут живет, он не поймал ни одного суслика. Ни единого! А если я увижу, что кто-нибудь из вас кормит того, второго кота... Что бы с ним сделать? Нельзя ли заложить под него мину?

Майк мотнул головой в сторону двора.

— Рано или поздно там кто-нибудь сломает ногу, если мы не придумаем чего-нибудь с этими сусликами. Мне пришло в голову...

Отец обильно мазал тост джемом.

— Сколько за идею?

— Пять долларов.

— Два.

— Три.

— Хорошо, пусть три, но при условии, что мы избавимся от всех до единого сусликов.

Они пожали друг другу руки, как делали множество раз с тех пор, как Майк, от горшка два вершка, заключил первую "сделку" такого рода.

— Папа, а ты случайно не знаешь, где можно сбывать улики? Я тут поразмыслил кое над чем. Мы бы заработали на этом целое состояние.

— Их едят во многих местах, — заметила Пэтти.

Майк покачал головой.

— В нашей округе этот товар с трудом пробивается на рынок.

— Майк, — обратилась Ингрид. Услышав нежные интонации в ее голосе, Майк мгновенно насторожился. — Мне надо пять долларов...

— С тобой риск весьма велик. Мне придется счесть залогом твой телевизор и начислять десять процентов. Но это на восемь процентов годовых меньше, чем требуют универмаги при продаже в кредит.

— Ты хоть раз, — твердо произнесла Пэтти, — в состоянии помочь сестре просто так, без процентов?

— А почему?

— Да потому, что ты ее любишь.

— Какое отношение ко всему этому имеет любовь?

— Майк!

— Мне нужно бережно относиться к деньгам. Иначе кто окажет ей же материальную помощь в старости? Ну ладно, только ты воспитываешь у меня дурные привычки. — Он нехотя вытащил из бумажника пятидолларовую купюру.

— Сделка века! — выпалила Ингрид. — Можно подумать, что я просила миллион.

— Базовый экономический принцип остается одним и тем же, независимо от суммы. — Майк повернулся к Пэтти. — Ты разрушаешь систему. Мистер Уолтон говорит на уроках, что наша система свободного предпринимательства построена на наличии денежной массы в обращении, кредит основывается на гарантированном обеспечении, а процентные ставки...

Пэтти выдернула из сети электрокофеварку.

— Когда я увижу мистера Уолтона, я принесу ему свои извинения.

— Если ты и дальше будешь ставить мне палки в колеса, я займусь археологией. Знаешь, что это такое? Наука, которая занимается тем, что выкапывает что-нибудь старенькое и придумывает подходящие к случаю истории.

Ингрид вздохнула.

— Может быть, папа добудет тебе должность комика-эксцентрика.

— Она подлила себе молока. — Джимми берет меня на классный вечер. Он пригласил меня вчера в конце дня.

— Что ж, рада за Джимми. — Пэтти знала, что Ингрид чуть ли не сна лишилась в ожидании этого приглашения.

С деланной легкостью Ингрид продолжала:

— Потом мы решили, что объединимся с одной-двумя парами и поедем на пляж в Ньюпорт-Бич. В Диснейленде будет такая толкучка!

Все разом смолкли. Тиканье часов с кукушкой, казалось, предвещало взрыв. Слышно было, как на улице по гравию шуршат шины. Все, кроме Ингрид, перестали есть.

Майк поглядел на отца.

— Я бы не советовал ей это делать. Там происходят страшные вещи. Я читал...

— Не твоего ума это дело, — произнес Джордж Рэндалл.

— А я не хочу, чтобы она опозорила семью.

— Майк, прошу тебя! — Пэтти повернулась к Ингрид. — Не думаю...

— Фраза повисла в воздухе. Обсуждать вопрос было несвоевременно. Ингрид подняла голову.

— Папа, скажи же что-нибудь. Можно мне ехать или нет?

— Тебе семнадцать. Решай сама.

— Когда ты так говоришь, значит, нельзя, только я сама должна это сказать.

Отец аккуратно сложил салфетку.

— Если ты спрашиваешь меня, одобряю ли я эту идею, то я отвечаю — нет. Я не считаю правильным, когда класс разбивается на группки, и я не в восторге от поездки двух или трех парочек среди ночи на маленький курортный пляж.

Ингрид с шумом уронила вилку на тарелку и встала.

— Я пообещала Джимми, что поеду. Если не поеду, он выберет другую. А если он это сделает — просто умру!

— А если я поговорю с ним...

— Папа! Папа! Брось свои допотопные привычки.

В дверь позвонили, потом стали громко стучать.

— Интересно, кто бы это мог быть? — вслух спросила Пэтти и помчалась открывать.

В дверях стоял мальчик лет шести с взъерошенными волосами, курносый носиком и измазанным подбородком.

— Я хочу посмотреть на своего кролика.

— На своего кролика? — разозлилась Пэтти.

Майк закричал из-за стола:

— Давай заходи, Мервин.

Мервин по-деловому прошагал через гостиную туда, где все завтракали.

— Твой кролик прогуливается на заднем дворе, — сказал Майк.

— Спасибо.

— Приходи в любое время, — продолжал Майк. — Когда хочешь. Я за ним хорошо ухаживаю. А с тебя начисляю десять центов в день на его питание.

Как только Мервин ушел, Джордж Рэндалл бросил тяжелый взгляд на Майка.

— Слушай-ка, я ведь ничего об этом не знаю. У тебя тут, оказывается, настоящий ломбард!

— Я скопил почти пятьсот долларов. И собираюсь собрать деньги на весь первый курс колледжа. Тебе, папа, не придется потратить на меня ни цента.

На улице требовательно загудела машина. Ингрид смахнула слезу, собрала учебники и, нагнувшись, поцеловала отца.

— Я люблю тебя, папа.

Она выбежала через парадную дверь и помчалась к машине старомодного вида. Джимми сказал: "Привет!", и она ответила: "Привет!" Не переводя дыхания, она скользнула на сиденье.

— Эй! — раздался голос по ту сторону улицы. Это, улыбаясь, подошел Грег. — Решила меня бросить?

— Простите, Грег. Я собиралась забежать и предупредить. Я просто позабыла. Теперь по утрам меня будет подвозить Джимми. Через неделю у нас класный вечер. Нам надо столько обсудить. Представляете? Остается всего неделя. Но я должна была заранее сказать вам об этом, Грег. Это Джимми Уайльдер. Грег Болтер. Вы так заботливо относились ко мне, Грег. Я никогда не забуду, как вы подвозили меня по утрам, и как мы беседовали, и как это было для меня важно. Никогда.

— Как сестра?

— Если хотите знать, сердится ли она на вас, то да. Но я поговорю с ней. Не беспокойтесь. Думаю, что мы должны оплатить перекраску машины, но если вы против... А пока до свидания.

Машина лишь внешне казалась старой. Под историческим корпусом

все было сверхсовременно, и на малейшее прикосновение Джимми машина реагировала столь резким ускорением, что у каждого старше двадцати лет аж дух захватывало.

— О чем ты с ним беседовала? — спросил Джимми.

— О жизни, — ответила Ингрид. — О жизни. — И добавила: — Разве со стариками обсуждают, чем заниматься с более молодыми людьми?

Миссис Макдугалл, подрезая розы, внимательно наблюдала за их отъездом. Она покачала головой. Она прочла много статей об этом молодом поколении. Никаких моральных принципов. Никаких.

7

Где-то около шести вечера Зик позвонил начальник финансового отдела графства. Он предупредил, что текий Тимоти Зайберт пытался выяснить, работает ли в отделе оценщик недвижимости Эд Франкус. Зайберта заверили, что такой работник имеется.

— Так сколько времени вы уже трудитесь у нас, Зик? — смеясь, спросил финансист.

— Достаточно, чтобы просить о прибавке, — парировал Зик.

Когда он клал трубку, секретарь принес телетайпограмму из нью-йоркского управления: "СОСЕДИ СООБЩАЮТ, ЧТО КЭЛВИН ТЭРМЕН, ОН ЖЕ МЕМОРАНДУМ, КОШЕК ЛЮБИТ, У НЕГО СИАМСКИЙ КОТ, КОТОРОГО ОН ХОРОШО КОРМИТ, СВЕДЕНИЯ ОБ ОТНОШЕНИИ К КОШКАМ У АРТУРА КВИНСЛЕНДА РИЧФИЛДА ОТСУТСТВУЮТ, ОН ЖИВЕТ ОДИН В ЗАБРОШЕННОМ КВАРТАЛЕ, ПРОВОДИТ ВРЕМЯ В ОДИНОЧЕСТВЕ, НЕТ НИ СОСЕДЕЙ, НИ ДРУЗЕЙ, КОШЕК НА ТЕРРИТОРИИ НЕ ЗАМЕЧЕНО, НО МАЛЬЧИК-ПОЧТАЛЬОН, ДОСТАВЛЯЮЩИЙ УТРЕННЮЮ ГАЗЕТУ, В ОТСУТСТВИЕ ХОЗЯИНА КОРМИТ ДВУХ ОХОТНИЧЬИХ СОБАК, МАЛЬЧИК СООБЩАЕТ, ЧТО СОБАКИ В ПРЕКРАСНОЙ ФОРМЕ, РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ".

Зик подшил информацию в дело, затем вышел из кабинета. По пути в гараж он заметил стайку коричневых птичек, пировавших дикими семенами.

— Берите, — произнес он, кинув проволочки, полученные от миссис Макдугалл, под дерево, — пользуйтесь на здоровье.

В гараже он встретился со спецагентом Стю Плимпertonом, грузным малым чуть старше тридцати с опущенными плечами и морщинистым лицом печального клоуна. Он был блестящим следователем, работавшим спокойно, без внешних эффектов. Ничего из себя не строил, и Зик его за это любил.

Когда они выбрали не приметную черную компактную машину, Зик спросил:

— Вас правда любят кошки? Знаю, это звучит глупо, но...

— Кошки и пожилые дамы, — улыбнулся Плимпerton. — Любая незнакомая кошка тут же забирается мне на колени. Такой уж у меня запах. А у вас, наверное, запах не тот.

Только они свернули на голливудскую скоростную трассу, как

Плимпертон заснул. Он славился тем, что умел засыпать быстрее, чем любой из сотрудников лос-анджелесского управления. Но перед тем как заснуть, он заметил:

— Не хотел бы я работать в условиях нормированного восьмичасового рабочего дня. Не знал бы, куда девать свободное время.

Зик включил внутренний автопилот. Мимо пронеслось пространство, а он думал о Пэтти. Она все отдаляла дату свадьбы. И все из-за этого чертова кота. Она без него жить не может, а Зик не собирался усыновлять его. Кот мог бы остаться с семьей.

— Но он же умрет с голоду, — любила повторять Пэтти. — Они забудут вовремя его покормить.

Пэтти купила его за два доллара в Обществе защиты животных. Зик чаще, чем ему бы хотелось, слышал историю о том, как Д.К. был похож на пузатую черную мышку и в ужасе прятался два дня под кухонной раковиной, пока не рискнул вылезти, чтобы освоить принадлежащий ему мир. С самого начала он стал твердой рукой править окружающими его людьми. Он настоял, чтобы двери были открыты, чтобы в изобилии была еда и чтобы его ласкали по первому требованию. Никто, даже Джордж Рэндалл, не подвергал сомнению тот факт, что кот великолепно наладил быт.

Зик представил себе сцену прощания после свадьбы: Пэтти без слез шлет привет домашним и со слезами расстается с Д.К., будто завербовалась в Иностраннный легион. А Д.К. бросает на Зика такой же холодный, ненавидящий взгляд, как на полицейскую собаку в конце улицы.

А Зик будет стоять и вспоминать, как давным-давно, рассердившись, Пэтти бросила ему: "Что бы ты подумал, если бы на твоём попечении была мать, а я бы отказалась взять ее в наш дом?"

Он попытался объяснить, что это не одно и то же. Она же выпалила в ответ, что не видит никакой разницы.

Время от времени этот вопрос вставал вновь и вновь. В один из недавних вечеров Пэтти высказалась:

— А, может быть, тебе поможет гипнотизер? Слышала, что они совершают чудеса. — Тут она загорелась. — Гипнотизер! — воскликнула она. — Блестящая идея! Ведь все зависит от сознания. Ты не должен так реагировать на кошек. Все у тебя выправится, и ты перестанешь чихать.

Он ухватился за это предложение, как это делают мужья. Он понадеялся, как надеются мужья, что идея испарится сама собой. И все же он знал, что так не будет. Память у нее, как у компьютера.

— Я запишу тебя к гипнотизеру, к которому ходит Марджи, — продолжала она. — Зик, я так рада, что ты согласен.

Может быть, именно из-за его предвзятого отношения к кошкам "играют соки или что-то там еще", как утверждает Пэтти, — у него аллергия. Может быть. Хотя сомнительно.

Когда он затормозил перед домом Рэндаллов, Плимпертон тут же

проснулся, будто кто-то нажал на кнопку. Когда они подходили к дому, из кустов вылез Приблудный Кот. Он за шаг обошел Зика и храбро кинулся к Плимпertonу.

— А что я говорю! — заявил Плимпerton. — Они меня любят.

Пэтти отворила дверь, и Зик уловил сигнал опасности. Она едва вытерпела, пока Зик представлял Плимпertonа.

— Я заперла его с утра, — начала она, быстро выпаливая слова. Она могла произнести больше слов в минуту, чем аукционист. — Но я позабыла, что сегодня приехала Милдред, Милдред Франклин. Она занимается нашим домом, добрая душа. В общем, когда она пришла, он убежал. Он терпеть не может пылесоса. Ему становится плохо, что-то вроде язвы.

Тут выплыл Майк, поздоровался с Зиком и собрался уходить, но его остановила Пэтти.

— Майк, ты мне нужен.

Эти интонации Майк прекрасно знал.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. — Она опять повернулась к Зику. — Боюсь, что она его выпустила. Я обзвонила уже всех в соседних двух кварталах.

Зик был встревожен новостями.

— Наверное, надо позвонить в управление и вызвать подмогу.

Он пошел на кухню к телефону, за ним Плимпerton. Плимпerton хотел взять Приблудного Кота. Зик объяснил, что нужен кот, который зайдет на фабрику только ненадолго, а потом вернется. Д.К., насколько ему известно, — единственный кот-попрошайка, который на это способен. Тем более если П.К. приласкают и накормят, ему незачем будет уходить оттуда ночью. Вдобавок, Зик вынужден был признать это, П.К. — простой кот, одолеваемый мелкими, чисто кошачьими заботами, в то время как Д.К. стремится к общению — с людьми! Зик удивился собственному заявлению. Быть может, ему не нужен гипнотизер!

Пэтти сказала Майку:

— Я побывала вечером у тебя в комнате.

— По какому праву...

— Хозяйство в доме веду я. Отсюда мое право. Я наступила на улитку. Живую улитку. Там ползал еще десяток, и я хочу, чтобы через пять минут их в доме не было.

— Ты, конечно, наступила на лучшую мою улитку!

— Плохо то, что дом битком набит радиоприемниками, лыжами, борцовскими перчатками, книгами, фотоаппаратами, даже велосипед стоит — в общем, целый ломбард. Ну, раз отец не запрещает, ладно. Но чтобы живность тут не бегала! Никакой живности. Понятно?

Майк рванулся, но тут же остановился.

— Буду рад, когда ты выйдешь замуж и нарожаешь детей. Тебе необходимы дети. Я про все это читал. Существует такой тип неудовлетворенных женщин...

— Майк!

На кухне Зик говорил по телефону начальнику управления Ньютоу:
— Вот именно, если бы мы смогли получить в наше распоряжение еще четырех агентов...

Потом Зик вышел из дома, встретился за углом с агентами и провел инструктаж:

— Кот любит ездить на машинах и спать в них. Проверьте все гаражи и задние дворы. Опрашивайте детей, ищите следы крупных лап. Вы не поверите, какие у него огромные ножищи. Если вы увидите нечто напоминающее львиный след, знайте — это наш человек, то есть наш кот.

Тут задумался Плимпerton.

— Похоже, нам самим надо задать себе вопрос: а как бы повел себя, если бы был котом?

Зик тут же выпалил:

— Понимаю, что ситуация дурацкая, но раз без этого не проведи дело, то мне все равно, кого мы используем: кота-попрошайку или кривого бабуина.

И продолжал:

— Если обнаружите кота, не трогайте. Он терпеть не может фамильярности, не любит, когда чужие берут его на руки. Звоните прямо мне по телефону Рэндаллов: 784-2852.

Они поделили территорию и, рассредоточившись, приступили к индивидуальному поиску. Они быстро прочесывали местность, стремясь воспользоваться остатками дневного света.

Отнеслись к ним в основном хорошо. Хозяева, обрадовавшись развлечению, охотно открывали калитки и гаражи. И позволяли агентам лазить по кустам. Для них это было ФБР в действии, эффективное в наивысшей степени.

Один из агентов слишком долго вглядывался внутрь припаркованной машины невероятно дряхлого возраста.

— Прекрасная штука тут у вас стоит, — сказал он хозяину, возникшему на мостовой неведомо откуда.

Хозяин тут же облизнулся в предвкушении выгодной сделки.

— Делаю тебе, сынок, предложение. Двести долларов наличными, и машина твоя, при условии, что заберешь ее отсюда завтра. Буксирная служба на Вентура-бульваре.

Другой агент, занявшийся операцией "Деревья", перемещался с места на место с биноклем. Он так погрузился в изучение верхушки массивного дуба, что чуть не испугался, когда услышал трубный глас:

— Чего вы там высматриваете, мистер?

Он обнаружил, что вокруг него собралась небольшая толпа. Все вытянули шеи, пытаясь разглядеть то, на что смотрел он.

— Я наблюдаю за птицами, — выпалил он. И почувствовал, что это прозвучало фальшиво. Человек в прекрасно отглаженном костюме и модной шляпе — наблюдатель за птицами?

Тут один старик хриплым голосом произнес:

— Сказали бы уж лучше: наблюдаю за людьми.

Сразу же после восьми Пэтти позвонил Грег.

— Я нашел Д.К., — произнес он с неким оттенком злорадства. — Он на маминой клумбе с петуниями, той самой, которую я обнес проволокой.

— Ой, Грег, извините.

— Извинений не требуется. Мне все равно. Пусть он сидит там хоть всю ночь.

— Я сейчас же буду.

— Пускай этот проныра там посидит. Ему следует преподать урок.

— Грег, — с подозрением спросила она, — что конкретно вы имеете в виду?

— Он должен понять, что заходить ко мне во двор нельзя. Перекраска машины обошлась мне в сто сорок пять долларов. И вам следует увидеть собственными глазами, как он разрыл у меня весь участок. Оценку ущерба пусть произведет любой суд.

— Буду немедленно. — Пэтти повесила трубку. Она не член суда, обязанный его выслушивать.

Зик произнес в микрофон портативной транзисторной рации:

— Всем агентам! Местонахождение информатора обнаружено. Поиск прекратить. Спасибо!

Они с Зиком торопливо перешли дорогу, ощущая, что с них не сводит глаз миссис Макдугалл, подметая крыльцо. У нее, безусловно, было самое чистое крыльцо во всем Лос-Анджелесе.

Грег встретил их на середине подъездной дорожки. Пэтти прошла мимо. Семена следом, он повысил голос:

— Оставьте его там, где он есть. Пусть он получит урок. Он никогда больше сюда не придет, если проведет тут ночь. Большинство людей предъявило бы иск за то, что натворил ваш кот, но раз мы много лет были друзьями, — тут он бросил многозначительный взгляд на Зика, — и не просто друзьями...

Д.К., забытый и заброшенный, сидел за проволочным забором высотой в три фута, ограждавшим клумбу с петуниями. К забору был припилен броский плакат: "Посторонним вход воспрещен!"

Пэтти помертвела от шока. Д.К. выглядел как олицетворение существа, сломленного духом и лишеного надежды. Она позвала его, но он лишь глядел на нее остекленевшими глазами. Она рывком повернулась и крикнула:

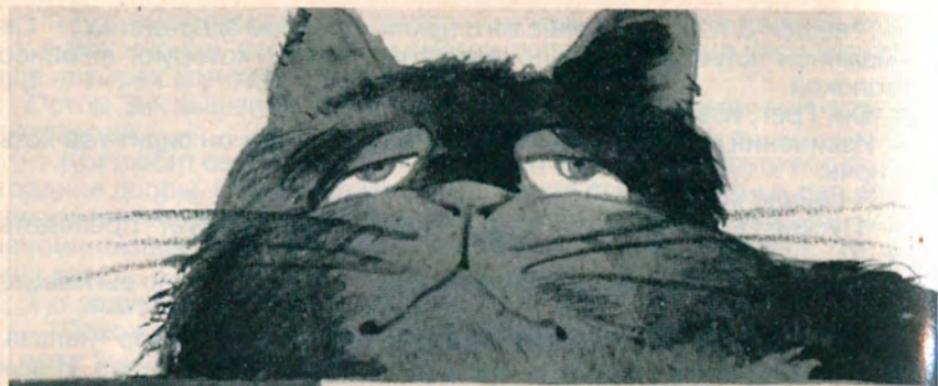
— Что с ним произошло? Что вы с ним сделали, Грег Болтер?

Грег злорадно ухмыльнулся:

— Я до него не дотрагивался, если вас интересует именно это, хотя я вправе это сделать.

— Д.К., ко мне! — вновь позвала Пэтти, а затем присвистнула. При других обстоятельствах он бы перемахнул через ограду в считанные доли секунды. Теперь он лишь жалобно мяукнул.

Зик попытался достать Д.К. Только попытался. Как только он дотронулся до проволоки, его отбросила невидимая сила. Он хотел крикнуть, но звук застрял в горле. Вместо этого раздался глухой стон, похожий на мяуканье Д.К. Пэтти бросилась к нему.

— Зик, Зик, — больше она ничего не могла сказать. Он едва шевелился.

— Не беспокойтесь, — с фальшивым спокойствием высказался Грег. — Напряжение не слишком высокое. Я не собирался убивать животное, хотя имею на это право. Все сделано в строгом соответствии с законом. Повешено предупреждение, как этого требует кодекс.

— Грег Болтер, — воскликнула она со всей ненавистью, которую сумела вложить в слова. — Как вы посмели?

— Как я посмел? Это клумба, на которой моя мама стала выращивать петунии с той поры, когда я был еще маленьким мальчиком.

Зик встал, бормоча что-то себе под нос. Он ощупал себя и обнаружил, что все более или менее на месте.

Грег пошарил руками по столбу ограды, нащупал выключатель и отсоединил сеть.

— Забирайте ваше чудовище!

Она нагнулась, и Д.К. прыгнул ей в руки. Не говоря ни слова, она медленно двинулась через дорогу, сопровождаемая шедшим по ее следу Зиком. Миссис Макдугалл попыталась перехватить их и задала вопрос о проволочках. В ответ Зик пробормотал что-то невразумительное. У него не было настроения обсуждать проблемы гнездования птиц.

Как только они очутились в гостиной, Зик сказал:

— Не знаю, что и подумать. На кота воздействовали электричеством, Он может отойти от обычной манеры поведения.

— Ты ничем не лучше Грега, — с жаром произнесла Пэтти, осматривая Д.К., который включил мурлыкающее устройство на максимум. — Ты думаешь только о деле, которое ведешь. Тебе все равно, жив он или мертв.

Зик обнял ее.

— Я ни в коем случае не хотел бы, чтобы с ним что-нибудь случилось. — Он коснулся губами ее губ, встретив вначале сопротивление, а затем быстрое прощение. Д.К. яростно протестовал. Простыми, ясными словами он дал им понять, что умирает с голоду. Он пошел к двери, полагая, что Пэтти последует за ним, но когда он обернулся, она все еще была занята. Он заговорил мягко, но решительно, и они оторвались друг от друга.

Вошел Плимпerton.

— Вот это и есть наш информатор? Выглядит поумнее, чем иные двуногие.

Зик поглядел на часы.

— Времени у нас в обрез.

Быстрыми движениями он внес в гостиную стоявшую на кухне кошачью коробку, заготовленную заранее. Она представляла собой изделие из картона восемнадцати футов в длину и двенадцати в ширину с круглыми отверстиями по бокам. Зик бросил взгляд на Д.К.:

— Если бы мистер Гувер знал, сколько он весит, ему бы пришлось похудеть. В Бюро действует строгое правило: ни агенты, ни секретари не могут иметь избыточного веса.

— Вот именно, — сказал Плимпerton. — У нас работают едва ли не самые голодные люди в городе. Включая меня.

— А теперь, — обратился Зик к Пэтти, — посади его сюда. — Плимпertonу же, который почесывал шейку Д.К., он пояснил: — Я хочу уехать прежде, чем нас засечет миссис Макдугалл.

Пэтти подняла Д.К. и прижала к груди. Сцена была довольно нелепой, подумал Зик, ибо двадцатипятифунтовый кот не слишком приспособлен к таким нежностям.

— Не беспокойся, — сказала она Д.К. — Все будет в порядке. Если бы я смогла объяснить тебе, в чем дело!

Она повернулась к Зику:

— Если бы мы могли с ним разговаривать, я бы объяснила ему, что мы от него хотим и почему... Я никогда не понимала, как много значит для людей живая речь, пока не поступила в старшие классы, и тут до меня дошло. А если бы мы были кошками и никто бы не знал, о чем мы говорим, даже другие кошки?

— Вот-вот, — произнес Зик таким тоном, как говорят, чтобы успокоить женщину. — Вот-вот. — И добавил, обращаясь к Плимпertonу: — Вы подождите меня здесь с котом, а я заведу машину и забегу сюда.

Пэтти почувствовала себя оскорбленной.

— Разговаривать с котом вовсе не обязательно. Просто некоторые из нас это умеют. И это не безумие.

— Пэтти, прошу, разве нельзя поговорить на эту тему позднее?

Тут она заявила:

— Я его не отпущу.

Зик замер с разинутым ртом. Она глубоко вздохнула.

— Ладно, я знаю, что ты не согласишься, чтобы с ним что-нибудь случилось.

Пэтти нежно посадила кота в коробку. Не дожидаясь, пока она передумает, Зик закрыл замок и направился к двери.

Вдруг Д.К. понял, что его убаюкали сладкими словами и он очутился в малоприятной ситуации. Ему следовало понять сразу, когда ему усердно почесывали ушки. Второй раз за день он оказался во власти непонятных сил. Он мгновенно оценил создавшуюся ситуацию и решил, что от него требуется проявить максимум неудовольствия. И он издал крик, способный зашкалить любой шумоизмерительный прибор.

Готовая разрыдаться, Пэтти встала на колени и просунула в отверстие палец, чтобы потрогать кота. На колени встал и Плимпerton нежно и убаюкивающе заводя разговор на чужом языке. Вдвоем они успокоили Д.К. Вернув уверенность в себе, кот расслабился, почувствовав себя в центре внимания.

Услышав звук мотора, Плимпerton взял в руки коробку. Он был уже на полпути к машине, как вдруг Д.К. передумал и издал клич, похожий на "Банзай!", и можно было подумать, что целый батальон японских камикадзе ринулся на штурм атолла в южной части Тихого океана.

Продолжение следует

ХОЧУ ПРЕДУПРЕДИТЬ...

Мне 16 лет. Я познакомилась с девятнадцатилетним парнем, его звали Сергей. Он мне понравился, я ему — тоже. Однажды он пригласил меня к себе домой, а дома у него никого не было...

После этого вечера мы с ним долго не встречались. А потом я заметила, что у меня появились странные боли. Словом, оказалось, что я больна венерической болезнью.

Врачам я про Сергея не рассказала — побоялась. Я долго лежала в больнице, потом лечилась дома. Сейчас у меня все в порядке, но врачи сомневаются, будут ли у меня дети.

А Сергей мне не поверил, сказал, что я заболела от другого и чтобы я с ним больше не встречалась. Недавно я его видела — он шел по улице с девушкой, которой, похоже, предстоит то же, что и мне.

Я написала это письмо, чтобы предупредить и ту девушку, и других. Я хочу, чтобы никто не испытал того, что пришлось пережить мне.

**К. О.
г. Чайковский**

НЕ ХУЖЕ ДРУГИХ

Я очень некрасивая. Об этом знают все, но молчат. Моя мама говорит, что я не хуже других. Я понимаю ее и стараюсь согласиться. Мои родители хорошо зарабатывают. Я модно одеваюсь, но никто не обращает на меня внимания. Иногда мне приходится очень туго. Я иду по улице поздно вечером, и мне хочется утопиться, повеситься или застрелиться, лишь бы не жить на этом свете!

**Саша Н., 14 лет
Ленинград**

В ЧЕМ СЧАСТЬЕ?

У меня не ладятся отношения с родителями. Меня не устраивает их образ жизни. Пахали, пахали, а что за тридцать лет нажили? Ничего. А сейчас вообще ничего не покупают, все, видите ли, дорого! А куда эти бумажки девать? В гроб, наверное, хотя бы с собой унести. Я постоянно говорю им это, а они отвеча-

ют, что не в деньгах счастье. Ну а в чем оно? В труде, что ли? Мои папаны, может, и не виноваты в своих убеждениях — они в такие времена жили и выросли. Но я так жить не буду! Еще пока не знаю как, но буду жить так, как мне захочется. Но материальная сторона жизни для меня — не главное. Я люблю театры, кино, выставки, умных людей. Но все-таки и деньги в наше время много значат. Задумываются ли мои сверстники о своем будущем и пересматривают ли жизнь своих родителей?

Света Х.
г. Новосибирск

ЗАЧЕМ ОН ЖИЛ?

У меня был парень — Саня. Нормальный, порядочный человек, такой, какие в наше время — большая редкость. Была у нас и любовь... Он учился на первом курсе Алма-Атинского высшего общевойскового командного училища.

Его отец (он погиб в 1983 году) был военным. Саня тоже с детства мечтал об армии. Отец всегда говорил ему: "Хочешь быть военным — учись, старайся, честно живи и всегда будь человеком". Саня и жил по этому завету.

Наконец сбылась его мечта — он поступил в училище. И

здесь он был отличником, пользовался уважением преподавателей и товарищей, получил свою первую награду — значок "Отличник боевой и строевой подготовки".

В июне 1990 года в Киргизии разгорелись межнациональные конфликты, были забастовки и др. Были там и убийства. Наводить порядок туда послали наиболее подготовленных ребят — отличников из училища. Ну, и Саня к моему...

10 июля Санька погиб. Его мать умерла от инфаркта.

Да, конечно, ему отдали должное: наградили посмертно орденом Красной Звезды за выполнение долга.

Но я одного не понимаю: неужели он 19 лет честно жил, отлично учился и был настоящим другом только для того, чтобы его ПОСМЕРТНО НАГРАДИЛИ ОРДЕНОМ?!

Наташа НЕВЗОРОВА
г. Алма-Ата

СВЕТКА СЛОВНО ПОМЕШАЛАСЬ...

Мне 16 лет, учусь в десятом классе. Но речь не об этом. Речь о моей Светке. Она словно помешалась. Когда мы встречаемся, она сидит и молчит. А если заговорит — то только о нем. И так каждую нашу встречу. Я уже готов не знаю что сделать с этим Юрой Шатуновым. Она,

Светка, сейчас меня не замечающая, готова расцеловать, если я принесу ей фото этого проклятого Юры.

Дорогая редакция, войдите в мое положение, напечатайте крупное фото этого Юрочки (она его так называет). Я так хочу, чтобы она меня крепко поцеловала!

**Витя
г. Раевский
Башкирская ССР**

НА ЧУЖОМ ГОРЕ...

Я познакомилась с Сергеей, когда мне было 15 лет, а ему — 21 год. Он нравился многим девочкам — спортивная фигура, приятная внешность, не имеет дурных привычек...

Через некоторое время он предложил мне стать "его". Но я отказалась, так как считала, что мне рано заниматься сексом. Он понял и больше не настаивал.

Наши встречи продолжались более года. А потом он сказал, что не может больше встречаться со мной, так как одна девочка беременна от него. Он женился, и через три месяца у него появился сын — Олег Сергеевич.

Мне трудно было перенести такой удар — ведь я любила и люблю его! Но я постаралась пересилить себя, забыть о нем. Не стала травиться и резать вены — ведь этим ничего не докажешь, а

только принесешь горе своим родным.

Но вот прошло время... и я случайно встретила Сергею. Мы поняли, что любим друг друга. Он может быть моим. Сейчас все зависит от моего слова — я могу разрушить все преграды между нами, согласись я выйти за него замуж.

Но как я могу оставить без отца ни в чем не повинного ребенка — его сына от той девочки? Как говорит моя мама "на чужом горе счастья не построишь".

**Оксана
Луганская область**

ХОЧУ ВСТРЕТИТЬ РЫЦАРЯ

Меня мучает вопрос: куда подевались все рыцари? Ведь были же они в прошлом, почему же их нет сейчас? В сердце у мужчин были честь, доблесть, благородство, уважение к прекрасному полу! А что сейчас? В наших мужчинах ни одного из этих качеств нет. Ну, может, у одного на миллион. А я так хочу встретить рыцаря! Но, глядя на наших мальчишек, остаешься эту несбыточную мечту. Рыцари прошлого любили в женщинах душу. А что надо нашим пацанам? Только переспать, а там — извини-подвинься, я ничего не делал и знать тебя не знаю.

Как-то сказала своей подруге, что хочу встретить

рыцаря. Она засмеялась в ответ и сказала: "Ну ты даешь, рыцаря захотела! Тут хотя бы простой мальчишка заметил. Да и где их возьмешь, рыцарей?"

А я не считаю, что должна радоваться, если меня заметит хотя бы "простой". Я хочу встретить того, кого жду. И думаю, что многие поймут меня.

Юлия
г. Новосибирск

ТАКИХ ПАРНЕЙ МНОГО

У меня были друзья, компания, в которой я встретила одного парня и полюбила его. Он был очень красивый и нормальный по характеру. Мы с ним встречались только вечером, так как утром я была в школе, а он в гараже. Но потом мне подружки сказали, что у него есть еще девчонка. И оказалось, что он до 19 часов гуляет с ней, а после 19 — со мной. После этого прошел уже год, и оказалось, что девчонок он меняет как перчатки. И я советую всем девчонкам:

Не ищи красивого мальчишку,
Никогда не спрашивай:

— Ты чей?

Знай, что все красивые ребята
Из бригады наглых трепачей.

*И таких парней я знаю
очень много.*

Лена
г. Нижний Новгород

ПРОБА ПЕРА

Антон ПОПОВ,
19 лет, г. Саратов

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

x x x

*Дорога медленно плывет
Под ритм шагов и дум полет,
Назад уходит под ногами.
Церквушки малых деревень,
Вплавляя звон в паленый день,
Блестят лениво куполами.*

*Покой души, простор для слов
Скитальца вечного. И кров
Я только кинул. За холмами,
Купаясь в синеве небес
И уходя за рваный лес,
В лазури догорают пламя*

*Заката. Угольки лучей
Еще играют на моей
Одежде ветхой островками.
День гаснет, и во мрак ночи
Дорога странника влачит
За горизонт, пыля веками.*

х х х

Дождь наводит тоску.
 Сон приносит покой.
 Старость время дает
 Отдохнуть от людей.
 Детство стаей забот
 Незаметно вспорхнет,
 День оставит костер —
 Блики красных теней
 На лице у меня
 Растворятся с зарей.
 Ночь уйдет в тень лесов,
 И растает мой дом
 Грустных снов над рекой
 Мятным запахом лет,
 И останется жить
 С этим чудом другой.

х х х

Ищу я, не надеясь на успех,
 Среди святых или порочных истин
 Ответ, что возвратил бы на места
 Несложный ряд вещей, мою жизнь и другие,
 Остановил неудержимый бег
 По полотну судьбы засохшей кисти,
 Провел резцом грань между "нет" и "да",
 Соединил несовместимые стихии
 В моем сознании. Не сойду с ума,
 Но, может быть, наступит озаренье
 И я приму спокойно смысл простой,
 Который жив и вечно будет гибнуть
 В пучине дня, пока не властна тьма.
 Что смерть — я понял. Это завершенье
 Борьбы меж грешным телом и душой.
 Жизнь — их гармония.

Как этого достигнуть?

х х х

Ночь пройдет, проведя
 по лицу бахромой черной шали,
 С ожерелием звезд
 и неярких гирлянд фонарей,
 В бесконечном паденьи
 прозрачных снежинок печали,
 Исчезающих медленно
 в теплой ладони моей.
 И луна, замерцав
 на непрочном холме небосвода,
 Постепенно угаснет
 в просторном неначатом дне
 И покинет мой древний
 еще не проснувшийся город,
 Чтобы вдаль унести
 в молчаливом круженьи планет.
 Снег осыпется с ветки,
 качнувшись разбуженной птицей,
 Заискрится и сникнет
 под шагом спешащих забот.
 В раз последний
 улыбка его попытается влиться
 В увертюру, и вновь, не прощаясь,
 уйдет Старый год.

Елена ФИЛОНОВА,
20 лет, г. Уральск

ПРОЛЮЮСЬ ДОЖДЕМ

х х х

К тебе беда приходит не спеша,
Не спросит разрешения войти.
Откроет дверь: "Приветик, это я!"
Ты усмехнешься:

"Что ж стоишь? Входи!"

Поставишь чайник
и накроешь стол.

Вы сядете, как старые друзья.
Ведя неторопливый разговор,
Ты с горечью подумаеть:

"Судьба!"

Но скажет вдруг с улыбкою беда:
"Сегодня я гощу не у тебя.
К другим иду".

Посмотришь ей в глаза
И, дверь прикрыв,
оставишь у себя.

х х х

Недосказанность.
Стена непонимания.
Слов бессвязность.
Шум за окном.
Ночь осталась —
Такая никчемная!
И еще — этот мокрый балкон.
В дверь стучат...

(Как устала я все-таки!)
Я кому-то нужна? Наплевать!
Там — ты пальцами

медленно щелкаешь.

А мне просто лень открывать.
Я хочу ощутить каждой клеточкой
Этот вакуум ночи без сна,
Я пишу на бумаге в клеточку:
Одиночество. Я. Пустота.

х х х

Я сегодня прольюсь дождем,
Чтоб в автобус ты сесть не смог.
И пошел бы домой пешком,
Весь насквозь, до нитки промок.
Буду рядом с тобой идти,
Что-то тихо тебе шептать.
И бессовестно по пути
На глазах у всех обнимать.
Не заметит никто ничего,
Да и ты вряд ли что поймешь...
Просто я, чтоб побыть с тобой,
Превратилась сегодня в дождь.

НОЧЬ

Не спасет настольной лампы свет.
Ночь. Ты рядом — а как будто нет.
Я в твоих объятиях тону,
Только вот не знаю: почему
Я захлебываюсь в этой тьме.
Я-то здесь. А ты, мой милый, где?

Рук твоих — тяжелое кольцо.
Прячу на груди твоей лицо.
Губы так нежны и так теплы!
Только ощущение пустоты
Не проходит. И лишь голос твой
Убеждает: все же ты со мной.

Как жестока ночь. Смешны слова.
Как и прежде — я совсем одна.
Наших чувств бесцельная игра
Не сулит душевного тепла.
И любви.

И на вопрос — ответ.
Рядом ты. А кажется, что нет...

ВАПУ КАЛЕ

ОТЕЦ

Лакшман положил перед собой газеты. Я машинально потянулась за ними. Восприятие неожиданно потеряло остроту. Я даже стала сомневаться, моя ли это была рука.

Во всех газетах рядом с фотографией было напечатано сообщение о безвременной кончине Нанасахеба Дешмукха.

Я смотрела то на фото, то на столбцы текста, смысл которого не укладывался в моей голове. Буквы сливались в одну картину. Но даже если бы я и смогла что-то понять, то это ничего бы не изменило.

Что может сказать нового дочери Нанасахеба Дешмукха краткий некролог, напечатанный в газетах?

Миллионер Нанасахед Дешмукх — мой отец.

Теперь надо говорить — был.

Дешмукх скончался вчера утром в половине двенадцатого. Похоронная процессия двинулась после обеда в четыре часа, а вечером к семи все было кончено.

В газетах много написано о его способностях, щедрости, но самого его уже нет. О своих чувствах в данный момент я ничего толком сказать не могу.

Все запуталось.

Настоящее чувство, любовь, привязанность — эти понятия для меня абстрактны.

Как создаются эти слова, кто их создает — непонятно. Чувство, которое испытывает только что появившийся на свет ребенок по отношению к матери и отцу, и чувство, которое испытывают родители к своему первенцу, и называют привязанностью, любовью? Кто первым решил так назвать его?

Почему решил?

И почему все люди относятся с почтением к этому чувству, а я так и не испытала его по отношению к Дешмукху?

Это что — результат образования?

Как понимать тогда смысл слова "кровный"?

Минуя все условности, кровь должна стремиться к крови.

В жизни человеку многое нужно.

Иногда знаешь, что именно, и в то же время понимаешь, что этого никогда не получишь.

Так случилось с Дешмукхом.

Он был заметной фигурой в обществе, хорошо образован, его почитали, у него было отменное здоровье, деньги, то есть практически не оставалось ничего, чего бы он не имел или не достиг.

Это с общепринятой точки зрения.

Но было у него одно желание, которое так и осталось неудовлетворенным. Он хотел, чтобы я когда-нибудь назвала его папой.

Почему я не исполнила его желание? Откуда во мне столько упрямства, эгоизма? Какой-то поэт сказал: "Бедняги слова — ветер". Тогда какой смысл в слове "папа"?

Смысл есть. Его знал Дешмукх. Его знаю я.

Потому-то он очень хотел услышать от меня это обращение, потому-то я никогда не произнесла это слово.

И именно поэтому сейчас так тяжело.

К женщине, которая мне не была матерью, я относилась как к родной. Она никогда не просила, чтобы я звала ее мамой, но я стала звать ее так, а Дешмукха, с кем у меня были кровные связи, мне никогда не хотелось назвать папой.

Жизнь удивительна. Она нередко преподносит сюрпризы. Часто за всю жизнь можно так и не понять человека. Мир состоит из лунов и обмануток.

Среди нас, заблудившихся ягнят, как маяк, указывающий нам путь, был один очень достойный человек. Его можно назвать настоящим человеком, лучшим из людей, посланником бога.

Глядя на него, удивляешься: откуда в нем столько внимания к другим?

Ему бы жениться, радоваться своим детям, жить в семейном мире и согласии.

Кто заставляет его каждый день заниматься своим делом?

Никто.

Как человек с рождения вступает в этот мир в своей плоти, точно так же он входит в него со своей одержимостью.

В своем роде это трезвость ума.

Но я все же называю это одержимостью. Трезвость — это та же одержимость. Она остается с человеком до конца его дней. Когда же человек освобождается от нее, то он ведет себя как глупец.

В расцвете сил такие люди совершают то, что им не следовало бы делать, а их ошибки исправляют одержимые, как Девкуле.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, учитель Девкуле познакомил меня с Нанасахебом Дешмукхом: "Поздоровайся. Это твой папа".

Я протянула руку.

В моем жесте, кроме как почтения к старшему, не было никаких чувств.

Имя Нанасахеба Дешмукха было хорошо известно в школе. В списке тех, кто делал ей большие пожертвования, его имя стояло в первой пятерке.

Наш учитель вел дела, уповая на людскую доброту и щедрость благотворителей, но он никогда ни перед кем не заискивал и нас этому не учил.

Каждая из учениц школы уверенно стояла на своих ногах, имела свои твердые убеждения. На нас возлагалась социальная ответственность блюсти репутацию нашего общего дома, благодаря которой мы никогда не опускались до заискивания.

Я поздоровалась с Нанасахебом Дешмукхом согласно этикету. Но не как с отцом.

У меня не было к нему этого чувства.

Да и откуда оно могло появиться?

Это была наша первая встреча.

Учитель сказал мне, что Нанасахеб собирается забрать меня домой.

Дешмукх обратился ко мне:

— Скоро ты переедешь отсюда к себе домой. Учитель сказал тебе об этом?

— Да.

— Я думаю забрать тебя завтра вечером. А сегодня мне надо кое-что с тобой обсудить. Я задержу тебя на час, не больше. Завтра будь готова к половине седьмого. По этому случаю наденешь это сари.

Учитель сделал мне знак, чтобы я поблагодарила Дешмукха. Я взяла пакет в руки, попрощалась и ушла в свою комнату.

После вечерней молитвы учитель вызвал меня в свой кабинет. Если кого-то вызывали к нему по важному делу или для того, чтобы он указал кому-то на ее плохое поведение, то это обычно бывало в это время.

— Садись, дитя.

Я села.

Вина, вот и наступил тот день, когда на твои плечи ложится большая ответственность. Все, чему тебя учили в нашей школе, тебе будет опорой в твоей дальнейшей жизни. Не теряйся. Не принимай никогда никакого решения под влиянием мимолетных чувств, так как нет гарантии, что чувство всякий раз подскажет тебе правильное решение. Мы учим вас — воспитанниц нашей школы — в любой ситуации полагаться прежде всего на разум. Человеку чувствительному в этом мире нужна постоянная поддержка, тогда как человек, полагающийся на ум, способен выстоять не только сам, но и поддержать другого. Все вы выросли в этой школе. Школа была и остается вашей. Но, в конце концов, дом есть дом, я это прекрасно понимаю. И напоследок я хочу сказать тебе вот что: покинув стены школы, ты столкнешься со свободой выбора своего пути, и я верю, что в любой ситуации ты поведешь себя так, как подскажут тебе твое сердце, твой разум.

Учитель замолчала. Я тоже молчала. Мое сердце и мысли терзала одна и та же мысль: завтра придется покинуть школу.

Но почему я должна отсюда уехать?

Лишь потому что какой-то человек по имени Дешмукх вдруг через восемнадцать лет вспомнил о своей дочери? Я обратилась к учителю:

— Господин учитель, почему я должна покинуть школу?

— Это желание Нанасахеба.

— Что между нами общего? Спустя восемнадцать лет...

— Дитя, не спрашивай меня об этом. Я не хочу заставить тебя молчать. Ты ведь знаешь, что это не в моих правилах. Когда человек силой своей власти пытается заставить замолчать другого человека, то это значит, что чувство страха у него сильнее чувства власти. И тогда он боится того, на что сам не может ответить, боится смысла правды. В этом вся суть. Человек часто боится правды и, чтобы не попасть в неловкое положение, уводит разговор в сторону, тем самым затыкая рот собеседнику. Этот путь ложный. Его можно назвать душевным обманом. От этого страдают оба — и тот, кто обманывает, и тот, кого обманывают. Но разница состоит в том, что один из них как-то может снять душевное напряжение, тогда как другой — нет. А причина в том, что он бывает внутренне сильно напуган. Что же касается твоего положения, то прошу тебя, пока не спрашивай меня об этом. Я и никто другой сейчас не ответят тебе на твой вопрос. В этом я уверен. А может быть, Дешмукх сможет сделать это?

— Разве я могу говорить с ним на эту тему?

— Почему нет! Вы теперь будете жить одной семьей. Вам нужно очень тактично разрешить все сомнения, и тогда все встанет на свои места. Никто из нас не имеет права препятствовать другому в деле очищения души. Но в этом деле часто человек становится сам себе преградой. Мы сами не хотим, чтобы наша душа очистилась.

— Как так, господин учитель?

— Все дело в том, что человек боится своих недостатков.

— Разве?

— Да, это так. Если человек твердо верит в правду, то у него не остается сомнений, на его она стороне или на стороне другого. Он живет ею. Посмотри с этой точки зрения на Дешмукха. И если ты увидишь, что правда на его стороне, то верь ему. Сомнения исчезнут. В школе я несколько раз показывал вам фильм "Кунку". Ты помнишь один эпизод, в котором прозвучали мудрые слова?

Я поняла, какие слова имел в виду учитель, и сказала:

— Да. "Не бойся беды, рядом с ней счастье".

Я сидела напротив Дешмукха в одном из фешенебельных отелей. Он несколько раз повторил мне:

— Вина, ну скажи что-нибудь или спроси о чем-либо.

Я молчала. О чем мне было его спрашивать? Был ли кто-нибудь другой в таком положении, в каком находилась я сейчас?

За прошедшие восемнадцать лет отец девушки встречается с ней впервые и просит ее, которая за эти годы не видела ничего, кроме своей школы, спросить о чем-либо.

О чем?

У меня только один вопрос: почему он вспомнил обо мне так поздно? Могу я задать его ему?

Я уже было собралась спросить его, но сдержалась.

— Не стесняйся, говори. Я ведь тебе не чужой человек, а отец.

— За восемнадцать прошедших лет вы встретились со мной первый раз. Это ведь странно.

— Согласен с тобой.

— Знаете, в моей голове путаница. Я сейчас не могу спросить вас ни о чем конкретном. Спрашивайте лучше вы меня.

Дешмукх некоторое время молчал. Ему пришлось начать все сначала.

— Завтра ты переедешь отсюда в свой дом. Когда тебе об этом сказали, то что ты прежде всего подумала?

— Вы хотите знать, какова была моя первая реакция?

— Да.

— Я подумала о том, почему так поздно вы забираете меня отсюда и почему я должна покидать школу.

— Это естественная реакция. Будь я на твоём месте, я подумал бы то же самое.

— А вы согласились бы переехать?

Я сначала задала этот вопрос и тут же подумала, насколько он нелеп. Разве его ответ изменит что-либо!

Вытерев носовым платком лоб, Дешмукх сказал:

— Вина, можно тебе что-то сказать?

— Да.

— Если мы будем все время задавать друг другу подобные во-

просы, то ни к чему никогда не придем. Я хочу спросить тебя, а если бы ты была сейчас на моем месте, то забрала бы свою дочь из школы? Ответь мне.

Я кивнула.

— Не думай, что обстоятельства сделали одну тебя одинокой. Я в таком же положении, как и ты.

Не успел Дешмух закончить фразу, как я тут же спросила его:

— Так, значит, сейчас вы вынуждены забрать меня домой и поэтому приехали за мной? Не так ли?

— Не вынужден. Изменились обстоятельства, и я сразу же приехал.

— Вам кажется, что все просто.

— В каком смысле?

— Я родилась до вашей женитьбы. У вас не было возможности воспитывать меня, и вы нашли выход — сдали меня в школу. Для меня сначала все здесь было чуждо, но с возрастом школа становилась мне все ближе и ближе, и сейчас, когда она стала частью моей жизни, вы забираете меня отсюда. Скажите, что мне делать?

— Дитя, вопросы, которые ты ставишь передо мной, законны и для меня они не новы.

— Почему?

— Вина, поверь мне, что до того, как эти вопросы ты начала задавать себе, они уже стояли передо мной.

— Верю. Но вы же сами их и создали. Забрать меня домой тоже ваше решение, и все вопросы, которые вытекают из этого, тоже ваши.

— Мои. Разве я отрицаю это. Но они возникли не сейчас. С того самого дня, когда ты родилась, я пытался их разрешить. Тебе кажется, что все эти годы только ты испытывала одиночество. Но это не так, я тоже был одинок. Твое одиночество для окружающих тебя людей на виду. Ты не получала от них тепла, однако они относились к тебе с состраданием. Они понимали твое положение и жалели тебя, как и сотни таких же, как ты, безвинно страдающих детей. Мое состояние было совсем иное. Я сгорал изнутри. Этого никто не видел, да и видеть было невозможно. Говорят: кто самый несчастный? Рыба. Поскольку она живет в воде, то никто не видит, как она плачет. Все эти годы мои слезы, как слезы рыбы, никто не видел. Я пытался найти выход, добиться свободы, и я добился ее. Но на это понадобилось много времени. У меня сейчас прекрасная репутация, я богат, общество преклоняется передо мной. Если я совершу какой-либо аморальный поступок, оно посчитает его за добродетель, но если я попытаюсь в чем-то раскаяться, то оно встанет на моем пути. Все эти годы у меня хватало сил разрешать разные проблемы, но сейчас я чувствую, что устал. Я отрешаюсь от них, кроме одной, с которой мне одному не справиться. Тут нужна твоя помощь.

Я сидела молча. Из глаз моих текли слезы. Дешмух вытер их сво-

им платком, от которого исходил приятный запах. Я спросила:

— Что вы скажете дома обо мне?

— Они уже знают все. Два месяца назад умер мой отец. Ты, возможно, читала об этом в газетах. Ему я не решился рассказать о тебе, но после его смерти я все как есть сказал своей матери, двум моим сыновьям, а главное — жене. У нее оказалось на редкость доброе сердце, поэтому я могу тебя забрать теперь домой. Все готовы принять тебя как свою. Вина, детка, будь снисходительна, прости нечестный поступок отца. Жена простила меня, прости и ты. Это моя просьба. И еще я хочу, чтобы ты звала меня папой. Значит, решено, завтра едем.

— Хорошо.

Он вытер глаза. Мы встали.

Дешмукх был прав. Домашние встретили меня радушно.

Братья стояли впереди, за ними женщина. Она вышла вперед, обратив тем самым на себя мое внимание. Женщина преподнесла мне хлеб с солью и тут же, в дверях, горячо обняла.

По ее лицу текли слезы.

Повинуясь внутреннему порыву, я сказала:

— Не плачь, мама. Я же приехала.

Я не плакала.

У меня не было слез.

Вчера вечером, когда Дешмукх отвез меня в школу, я бросилась на шею учителю и так долго плакала, что даже не сообразила, что его рядом уже нет, а были школьные подруги. Слезы всю ночь, не преставая, текли из моих глаз.

Я ходила по школе, заглядывала в каждый класс. Здесь прошло мое детство. Здесь я приобрела подруг, с которыми делилась своими мыслями в минуты радости и горя.

Расставаясь со школой, я много думала о Дешмукхе, о доме, в котором мне придется жить, и отмечала про себя, что мне это все глубоко безразлично. Моим подругам было грустно.

Вся ночь прошла в слезах. Сейчас глаза были сухи. Они немного болили.

Дешмукх, два моих брата Суреш и Рамеш и мама показали мне дом. Подойдя к одной закрытой двери, мы остановились. Над ней висела гирлянда цветов. Дешмукх попросил, чтобы я открыла дверь. Когда я открыла ее, он сказал мне:

— Это твоя комната.

Она была наполнена запахом ароматических палочек агарбатти. Некоторое время все оставались в комнате, после чего Дешмукх сказал:

— Дадим ей возможность побыть одной. Она очень устала, ведь со вчерашнего дня на нее разом навалилось столько событий.

Все вышли. Последним уходил Дешмукх. Он закрыл за собой дверь.

Я стала осматривать вещи, которые находились в комнате. В углу стояла тахта, около нее был расположен столик, на котором стояли симпатичная ночная лампа и вазочка с ароматическими палочками, от которых исходил этот нежный запах. В другом углу стоял стол с настольной лампой. Я подумала, что перед сном можно будет читать, или сидя за столом, или лежа на кровати. Около стола находилось трюмо, в большом зеркале которого можно было видеть полное отражение себя. На тумбочке трюмо лежали баночки с пудрой, красный порошок, стояли бутылочки с маслами. Нетрудно было понять, что все это было куплено перед самым моим приездом специально для меня.

Около трюмо стоял шкаф для белья. Я хотела открыть его, но не решилась. Напротив кровати было чудесное узкое окно, над которым висели плотные шторы. Поскольку оно выходило на восток, то мне стало приятно от мысли, что ежедневно по утрам эта комната будет залита светом.

Я ее хозяйка.

Хозяйка всего дома! Но в душе у меня не было никаких чувств: ни радости, ни возбуждения, ни тяжести, ни легкости. Неужели я впала в состояние безразличия?

Может быть, еще кто-то в этом доме находится в таком же состоянии?

Дешмукх?

У всех на виду средь бела дня он ввел меня в этот дом. Его сыновья Суреш и Рамеш двойняшки. Им около 13 лет. Им, наверное, все известно. Что они думают обо мне? Однако все приняли меня хорошо. Кто я, известно каждому. В том, что все так получилось, моей вины нет. Это тоже каждый знает. И все-таки, что они думают обо мне?

А что думают о Дешмукхе его сыновья?

Жена Дешмукха — человек благородной души.

Никто не просил меня называть ее мамой, я сама так решила. Вчера ночью мои мысли больше всего были заняты ею. Какая это удивительная женщина, что смогла поступить так. Внешне она спокойна, а что на самом деле происходит в ее душе? Видно, что она много пережила в жизни. Она живет в достатке, но это ей не на пользу. По всему видно, что она не здорова.

Как неожиданно для себя я назвала ее мамой!

Вчера во время нашей беседы Дешмукх просил меня называть его папой.

Дешмукха называть папой!

Как-то странно. У меня не поворачивается язык. Я готовила себя к этому, но не смогла.

Сердце не принимает эгоизма Дешмукха. Мне кажется, что все что он делает, он делает только ради себя. Он сравнивает свое горе с горем рыбы. Может быть, он и в самом деле несчастен? А что тогда говорить обо мне?

По чьей воле я оказалась в школе? Не год, не два, а целых восемнадцать лет я была изолирована от общества. Учитель стремился воспитать во мне доброжелательность, дисциплинированность, учил меня довольствоваться самым необходимым в жизни, но ласку, которую я могла получить только от родителей, у меня отнял Дешмукх.

Теперь он хочет вернуть ее мне. Но делает он это для меня или чтобы удовлетворить свое тщеславие? Если моя мама жива, то где она сейчас? Как прошли эти ее годы? Пытался ли Дешмукх отыскать ее или нет? Как он нашел меня?

А жива ли мама или с моим рождением?..

Если она жива, то удалось ли ей скрыть свой грех или все узнали о нем? Простило его ей общество или нет? Как Дешмукх в то время относился к ней? Меня определили в школу, я обрела крышу над головой, а что стало с мамой?

Дешмукх добился известности, нажил немалое богатство, ему досталась жена, которая нашла в себе силы простить ему его грех. А встретила ли мама в жизни такого человека, который также смог простить ей ее грех?

Бывают ли мужчины так великодушны?

Если у женщины есть сердце, способное простить поступок Дешмукха, тогда она настоящая жена, мать. Жена Дешмукха стала мне матерью.

Мама... мама... мама!..

Беспокоиться не стоит. У нее сильное нервное перенапряжение, поэтому высокая температура. Пятый доктор сегодня ставит мне этот диагноз. Дешмукх, держа мою руку в своих руках, сидит у моего изголовья. В ногах – мама, рядом стоит учитель.

Сколько прошло дней с тех пор, как я переехала сюда?

Моя болезнь подняла на ноги весь дом. Рядом со мной всегда кто-то был. Взад и вперед бегали братья, мама заходила постоянно. Дешмукх от меня уходил на работу. Он перенес в мою комнату телефон, поставил его рядом с моей кроватью и, когда наступало время приема лекарства, обязательно звонил мне:

- Вина, настало время принять лекарство.
- Я уже выпила.
- А молоко?
- Тоже.
- Тогда лежи спокойно и с кровати не вставай.
- Хорошо.
- Постарайся ни о чем не думать.
- Я не думаю ни о чем.
- Говоришь только, а во сне бредишь.
- Когда это было?
- Прошлой ночью.
- Кто вам сказал?

- Никто. Я всю ночь сидел у твоей постели.
- Так вы из-за меня вообще не спали?
- Пустяки. Поправляйся. До вечера.
- Хорошо.

Такого плана были телефонные разговоры.

Трижды в день приезжал доктор.

Суреш и Рамеш постоянно заглядывали ко мне.

Несколько раз в день, преодолевая с трудом лестницу, меня на-вещала бабушка — мама Дешмукха.

Дешмукх, возвратившись с работы, обычно шел сразу в мою комнату. До ужина он занимался здесь своими делами, а перед сном читал мне что-нибудь. В школе в шесть часов утра обычно бывала молитва. Я привыкла к этому, поэтому на другой день после моего переезда Дешмукх купил для меня за девятьсот рупий мраморную статуэтку бога Кришны и поставил ее в моей комнате. Лежа на кровати, я смотрела на нее. Сделана она была великолепно.

Учитель, Дешмукх, бабушка и мама постоянно напоминали мне, чтобы я старалась ни о чем не думать. Я часто просыпалась ночью или на рассвете, видела около себя Дешмукха и всегда спрашивала его:

- Где мама?
- Спит. Разбудить?
- Не надо.
- Если тебе что-нибудь нужно, то скажи мне.
- Спасибо, ничего не надо. Мне немного страшно.

Дешмукх меня успокаивал, старался сделать все, чтобы я побыстрее заснула.

Температура держалась две недели.

Чтобы дать мне возможность бывать на свежем воздухе, Дешмукх отвез меня в Кхандаль. С нами поехали Суреш и Рамеш. Мама поехать не смогла.

Дешмукх устроил меня в колледж. Он подарил мне "фиат". Другая машина принадлежала братьям. Сам же он пользовался служебной машиной. Он начал учить меня водить машину. Сев первый раз самостоятельно за руль, я первым делом поехала в школу. Учитель спросил меня:

- Что-нибудь случилось?
- Нет. Я стала водить сама машину и прежде всего решила захватить в мой храм.
- Я вижу, что в тебе произошли перемены.
- Какие?
- Раньше школа была твоим домом, теперь стала храмом. Значит, дом Дешмукха стал и твоим домом?
- Да. Это правда. А знаете, чья это заслуга?
- Дешмукха.

— Нет. Моей мамы, которая с любовью в сердце приняла меня, простила мужа.

— Мне это известно.

— Что именно?

— То, что ты больше расположена к жене Дешмукха, чем к нему.

— Так вышло.

— Не причиняй ему страданий. Постарайся проявить к нему хоть немного внимания.

— Я согласна с вами, учитель. Но...

— Что?

— Я его уважаю, вижу его достоинства, но...

— Ты хочешь сказать, что сердцу не прикажешь, так? Но ты не все знаешь.

— Я знаю, что он много сделал для меня, но прошлое забыть не могу. Перед моими глазами день и ночь стоит школа, стоят мои несчастные брошенные сестры. Я постоянно вспоминаю прошедшие годы. И до сих пор вы принимаете крохотных, беспомощных, бесгрешных детей. И они попадают к вам лишь потому, что вот такие дешмукхи отказываются от своих детей, появившихся на свет мимо своей воли. Вот так и меня когда-то принесли сюда. Я не могу отделаться от этих мыслей, хочу, но не могу, они терзают меня. Я живу в доме Дешмукха, ношу дорогие сари, о которых раньше и не мечтала, вожу свою машину, но эти мысли прочно сидят в моей голове. Учитель, посоветуйте, что мне делать?

Он хотел мне что-то сказать, но в это время прибежали мои подруги. Они окружили меня, обнимали, целовали. Все что до этого терзало меня, ушло куда-то. Огромный мир стал вдруг маленьким — школой, численность учениц которой равнялась ста с лишним человек.

Я не заметила, как пролетел день.

В колледже заниматься было интересно. Я приезжала туда на машине, которая вызывала у многих любопытство, восхищение. Сокурсники часто приезжали ко мне в гости. В роли экскурсовода по дому всегда выступала бабушка.

Дешмукх постоянно находился рядом со мной. Когда я садилась по вечерам заниматься, то и он, захватив свои бумаги, располагался в моей комнате. У нас на двоих был один стол, одна настольная лампа.

По выходным дням мы обычно ездили в театр или в кино. О билетах заботился Дешмукх. Мы выезжали на двух машинах. Мама садилась с братьями, Дешмукх со мной. Машину обычно вела я, а он постоянно хвалил меня за умелое вождение.

Дешмукх наблюдал за мной во время пьесы или кинофильма. Если все зрители смеялись над каким-либо забавным случаем, который происходил на сцене или на экране, то он украдкой посмат-

ривал на меня, стараясь узнать, а как я отношусь к действию. Он хотел, чтобы любая мелочь в жизни доставляла мне радость. Для этого он не жалел своих сил.

И я познавала радости жизни, которые открывал для меня Дешмукх. Времени остановиться не было. Он хотел, чтобы я, как в стремительном полете на одном дыхании, неслась сквозь все эти развлечения. Он словно пытался вместить прошедшие восемнадцать лет в восемнадцать секунд.

Дешмукх показал мне все основные достопримечательные места Индии: Дели, Агру, Фатехпур Сикри, Джайпур, Удайпур, Кашмир, Бриндаван... Он был против поездок на поездах. На них не было времени. Он признавал только самолеты, скорость которых отвечала быстроте его мыслей.

Годы учебы пролетели незаметно.

Тяжелой утратой за это время явилась для нас смерть бабушки.

Я успешно окончила колледж. От моих братьев Дешмукх узнал, что я и профессор колледжа Гадкари давно любим друг друга. Дешмукх встретился с ним, и они договорились о свадьбе, с которой отцу не хотелось затягивать. Он хотел, чтобы я была счастлива. Все шесть прошедших лет он жил только мною. К сыновьям он не испытывал большой привязанности. Они были хулиганисты.

Все мысли Дешмукха были заняты подготовкой к свадьбе. Он сильно устал. Несколько раз я видела, как он плакал. И вот наконец настал этот день. Об этом событии знал чуть ли не весь Бомбей. Голова шла кругом от пышности торжеств.

После свадьбы мы с мужем решили поехать в Симлу. Нас провожали Дешмукх и братья. В глазах Дешмукха стояли слезы. При прощании на перроне он сказал Гадкаре:

— Берегите мою Вину.

Я взяла его за руку и сказала:

— Вы столько сделали для меня. У меня не хватит слов и в семи моих будущих рождениях выразить вам мою признательность. Чем я могу отплатить вам за все, что вы сделали для меня?

Поезд тронулся.

Идя рядом с вагоном, не сдерживая слез, Дешмукх сказал:

— Я хочу, чтобы ты звала меня папой. Я жду этого шесть лет.

В моих глазах появились слезы. Я уже собралась сказать ему то, что он хотел услышать от меня, но в это время его оттеснил но-сильщик, который пытался получить с пассажира деньги.

Дешмукх был уже далеко позади. Мне оставалось только помахать ему на прощание рукой. Он ответил мне тем же.

Это случилось сразу же после моего возвращения из Мадхучандры.

У мамы неожиданно поднялась температура. Через четыре дня она скончалась.

Доктор сказал, что причиной смерти явилось кровоизлияние в мозг.

Почему это случилось?

Видимо, потому что душевное напряжение стало невыносимым.

Я думаю, это было связано с моим появлением в доме. Она приняла меня, шесть лет относилась ко мне хорошо, но выглядела всегда подавленной, печальной. Она простила Дешмукха, но его поступок угнетал ее. Она заставляла себя относиться к этому спокойно, но обман не принес ей облегчения, хотя она надеялась, что он защитит ее, поможет ей. Она не пускала в свой мир никого. Эта сила раздавила ее, сломила ее изнутри.

Ее сжигала забота Дешмукха обо мне. Ей не с кем было поделиться своей болью, она замкнулась в себе. Она сгорала изнутри, тонула в глубоком омуте, хоронила заживо сама себя. Во всем этом была вина только Дешмукха. Ее светлый образ заслонил мне образ ее мужа.

Он это понимал.

Дешмукх как-то неожиданно сдал, постарел, потерял ко всему интерес. Его лицо стало грустным, пропала его страсть к жизни.

Делая добро дочери, он поступал несправедливо по отношению к жене.

Это, видимо, его терзало.

Возможно, он и поправился, если бы не замкнулся в себе. Мы пытались вывести его из этого состояния, но тщетно.

Дешмукх страстно любил меня, его любовь была горяча, жар этой любви я ощущала на себе все шесть лет. Его любовь наполняла его жизнь, она же нанесла ему удар.

Дешмукх сознавал, что виноват в безвременной смерти жены.

Эта мысль терзала его, довела до потери рассудка.

В бессознательном состоянии он повторял мое имя и говорил:

— Я хочу, чтобы ты назвала меня папой.

Дешмукх скончался вчера утром в половине двенадцатого. Похоронная процессия двинулась после обеда в четыре часа, а вечером к сему все было кончено.

Во всех газетах напечатаны статьи о нем.

Буквы слились в одну сплошную картину.

Мир представляется картиной. Люди в ней нарисованы.

Кто это стоит напротив меня?

Да это мой учитель Девкуле. Он успокаивает меня.

— Вина...

Меня затрясло. Рядом со мной находился человек, в присутствии которого я могла слезами излить свое горе.

Учитель молча гладил меня по спине. В этом утешении воплотились все языки мира. Его понимают даже маленькие дети.

— Вина, крепись.

Я рыдала и в то же время думала, почему я рыдаю?

Живя в доме Дешмукха, я не понимала до конца своего счастья, так и теперь я не понимала причину своих слез. От этого непонимания возрастала подавленность.

— Вина, перестань плакать.

Я ничего не могла с собой поделать, меня душили слезы.

— Тебе жалко Нанасахеба?

— Учитель, я... я... не знаю.

— Тогда скажу я. Тебе обидно, что в отношении Нанасахеба была допущена несправедливость.

— Как так, учитель?

— Вина, сейчас не время говорить об этом, но я все же скажу тебе, если ты перестанешь плакать. Я не могу больше носить это в себе.

— Учитель, мне страшно. Я чувствую себя круглой сиротой. Говорите, что вы хотели мне сказать.

— Вина, Дешмукх не был тебе родным отцом.

— Учитель...

— погоди, вина, дай сначала мне все сказать. Твоя настоящая мать — жена Нанасахеба. Она родила тебя до своего замужества. Мы пошли ей навстречу, взяли тебя в школу, а она вернулась домой. Через три года она вышла замуж за Дешмукха. Она должна была перед свадьбой рассказать все жениху, но на это у нее не хватило смелости. Все дальнейшие годы она не могла забыть тебя. Она медленно сгорала. Их семья добилась положения в обществе. Ей достался хороший муж. Свекор и свекровь заботились о ней как родители. Родились Суреш и Рамеш, но с их рождением страдания твоей матери не стали меньше. Всем хотелось узнать причину ее страданий, но она молчала. Дешмукх, проявив настойчивость, после смерти своего отца наконец-то узнал о твоём существовании. Он взял вину на себя. Если ребенок совершит проступок, то родители простят его, если же оступится сноха, ей этого никогда не простят. Понимая это, Дешмукх позор своей жены принял на себя и взял тебя в свой дом. Его забота о тебе довела его почти до сумасшествия. С твоим появлением в доме горькая любовь твоей матери не стала меньше. Ее сжигал голод любви. Ты была ее родной дочерью, но любить открыто она тебя не могла. Иначе свекровь догадалась бы, что она твоя мать. Дешмукх любил тебя горячо. От тебя он ждал только одного, чтобы ты назвала его папой. Но...

Я уже не слышала, о чем говорил дальше Девкуле.

— Отец, я поднимусь на небеса, чтобы назвать тебя папой. Ведь ты ждал этого шесть лет.

Учитель сказал на это:

— Вина, своим криком ты можешь разрушить стены, расколоть землю, раздвинуть небеса, но отец твой никогда не услышит тебя. Он далеко.

Перевел с языка маратхи Николай СИДЕЛЕВ

ЛИДЕРЫ БИЗНЕСА XXI ВЕКА

Илья ШИНКАРЕНКО

АМЕРИКАНЦЫ ДАЮТ УРОКИ

В Москве с 29 октября по 3 ноября 1990 года на базе центра международного сотрудничества "Олимпиец" впервые был проведен широкомасштабный советско-американский семинар по обучению основам бизнеса большой группы советских школьников, студентов и руководителей молодежных хозрасчетных формирований.

Американская фирма "Бизнес кидз" ("Деловые дети") из Флориды разработала методику, по которой в Америке обучаются бизнесу школьники, студенты, вообще все желающие. И вот представители этой фирмы — опытные преподаватели, бизнесмены, в том числе и юные американские предприниматели, всего 545 человек — приехали в Москву поделиться опытом.

По словам президента "Бизнес кидз" Насира М. Ашемимири, в США "большинство молодых людей не имеют ни малейшего представления о бизнесе в его реальности". О наших и говорить нечего. А ведь сегодняшние дети — завтрашние руководители и

**The Buck
STARTS
HERE!**

Участники семинара –
преподаватель "Бизнес кидз" Дж. ПРАЙС
и десятилетний предприниматель из Майами Б.БОЗЕК.

Фото Ольги ЧУМАЧЕНКО

предприниматели. Вот почему, подчеркнул президент, цель "Бизнес кидз" — "подготовка детей к волнующему миру бизнеса". И американские дети, познакомившись с этим миром по методике "Бизнес кидз", уже сейчас делают большие успехи.

Вот десятилетний Б. Бозек из Майами. Имеет месячный доход сто долларов, работая при этом всего четыре часа в неделю. А занимается он продажей цветов. На семинаре Бозек поделился своим опытом. Начиная этот юный предприниматель с того, что за определенную плату будил утром людей по телефону, чтобы они не опоздали на работу. Но ему приходилось очень рано вставать, да и получал он за это не очень много. Тогда Бозек оставил это дело и занялся приготовлением пищи для продажи. В дальнейшем он поступил на курсы "Бизнес кидз"... Сейчас юный бизнесмен думает о том, как расширить свое дело — ведь очень много конкурентов.

Один из советских участников семинара поинтересовался, не чувствует ли мальчик, так рано окунувшийся в мир бизнеса, что он потерял что-то из детства. И услышал в ответ: "Я чувствую себя зрелым человеком и не думаю, что что-то потерял. У меня все есть: я учусь в школе, занимаюсь спортом, имею много друзей. И еще плюс ко всему у меня есть собственное дело"!

Юные предприниматели в США не редкость. "В бизнесе не смотрят на возраст. Не важно, кто ты — старик или мальчишка, — говорит вице-президент "Бизнес кидз" Джо Винсент, — негр или белый, красивый или урод. Важны

твои личные качества. Твои мысли, идеи, умение их воплощать". Это происходит потому, что американские дети с ранних лет узнают об экономике, начинают с детства проявлять к ней интерес.

Лане Израэль, американской девушке из Флориды, всего 15 лет. Она учится в школе, увлекается баскетболом, волейболом, легкой атлетикой, обучается игре на фортепиано... Два года назад она издала свою собственную книгу о новом способе ведения учебных записей.

О том, как ей все это удалось, она рассказывала на семинаре. Самым главным условием любого успеха, считает Лана, является искренняя любовь и интерес к своему делу. А в бизнесе — особенно. Если вам не очень нравится ваше дело, то рано или поздно оно вам надоест и вы неизбежно потерпите неудачу. Если же вы получаете удовольствие от своего бизнеса, то "люди видят, что ты заинтересован, и они больше верят тебе, оказывают помощь". И еще, конечно, необходим набор "ключевых" качеств. Умение общаться с людьми, налаживать контакты, работоспособность, терпение, сила воли, умение нешаблонно мыслить, фантазия и многое другое. Человеку, обладающему этими качествами, очень многое под силу.

В самом деле, что нового, казалось бы, можно придумать, например, в обыкновенной зубной щетке? "Да ничего!" — скажут многие. Чисть себе зубы да чисть. А вот девятнадцатилетняя Патонья Врукс из Нью-Джерси запатентовала новую зубную щетку. В ней, во-первых, меняется угол ручки, так что можно чистить зубы сбоку,

что удобнее, чем щеткой с прямой ручкой. Во-вторых, в ручку вставлен микропроцессор, наигрывающий забавные мелодии. Малыши в восторге — ведь известно, как их трудно порой заставить по утрам чистить зубы.

Эти юные предприниматели не вундеркинды. В каждом из нас заложены качества, позволяющие стать бизнесменом. Важно только их развить. Как считает Уилсон Харрел — американский предприниматель, создатель "Формулы 409" (раствор для чистки) и пожизненный редактор "Инкмэгэзин", одного из ведущих американских журналов по предпринимательству, — бизнесменами не рождаются, ими становятся. "Все, что надо предпринимателю для начала его деятельности, — говорит Харрел, — это свобода. То есть возможность осуществлять именно свои собственные идеи, делать так, как нравятся. Но такого рода свобода есть у всех нас, поэтому предпринимательство свойственно всем нам".

МЫ ТОЖЕ НЕ ЛЫКОМ ШИТЫ

А как обстоит дело с детским предпринимательством у нас?

Самая распространенная форма детской трудовой предприимчивости в СССР — это школьная кооперация. Но к ней до последнего времени относились по-разному. Одни говорили, что это "школа накопительства, рвачества, индивидуализма, мелкобуржуазной стихии и психологии". Позиция других — это "мода времен перестройки, но дело сугубо для взрослого населения, и уж

никак не детское дело". Третьи, и их теперь большинство, считают, что ученическая кооперация — это школа цивилизованной кооперации, ее чистое начало.

Первые школьные кооперативы появились в России в 1910 — 1912 годах. В Киеве и Могилеве кооператоры продавали ребятам более дешевые перья, карандаши, тетради и учебники. Революция детскую кооперацию не отменила. В 1918 году был создан Забайкальский областной ученический кооператив, накопления которого достигали 4,5 тысячи рублей. В Московской губернии открылось 203 школьных кооператива, а на Смоленщине они были зарегистрированы в каждой второй школе.

Со временем школьники стали объединяться. Возникли союзы ученических кооперативов в Новосибирске, Калуге, а в Ижевске действовало бюро школьных кооперативов.

Но в конце двадцатых годов времена круто изменились. Ученические кооперативы лишились самостоятельности, превращались в подразделения и комиссии учкомов. И, наконец, школьная кооперация прекратила свое существование.

А спустя годы наша школа снова стала строить школьную кооперацию. В сентябре 1987 года появились три первых ученических кооператива, через три года их стало более пяти тысяч.

Чем же занимаются сейчас школьные кооперативы? Вот, например, в Краснодарском крае в нескольких станицах образован межшкольный кооператив "Школьник". Он выполняет заказы предприятий: пошив постель-

ного белья для детских садов, вышивание, вязание — это для девочек. И для ребят находится дело — скотить ящики, настелить паркет. В результате юные кооператоры помогли решить проблему дефицита тары местного сыроваренному заводу.

Но есть у "Школьника" и свои проблемы. Например, много желающих работать в кооперативе — необходимо расширение производства. Следовательно, нужно дополнительное оборудование, сырье. Раньше ребята закупали сырье в магазинах. А теперь, когда прилавки пусты, приходится выходить из положения так: предприятие, делающее заказ, само поставляет сырье. Это дает возможность ученическому кооперативу выжить, но сужает круг потенциальных заказчиков.

Так что и сейчас в школьной кооперации достаточно проблем. Большинство юных предпринимателей не имеют ясного представления о том, как начинать свое дело, пускай и небольшое. Как же помочь ребятам? Американские бизнесмены делятся опытом — но это их, американский опыт, без пересчета на наш "отечественный вариант", учета особенностей нашей страны.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДЕТСКОЙ ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ

Решить эту проблему поможет ребятам "Энциклопедия детской предприимчивости". В московском пресс-клубе "Школьник" при содействии Советского детского фонда им. В. И. Ленина готовят к выпуску ее первое массовое издание.

Трудовое законодательство, изложенное доступным языком, адреса бирж труда, советы людей, занимающихся развитием у детей деловых качеств, размышления самих ребят и, наконец, бесценный мировой опыт — все это будет в энциклопедии. Это путеводитель в области детского предпринимательства. Вот, например, несколько фрагментов из энциклопедии, которые могут заинтересовать тех, кто еще не выбрал свой путь в бизнесе.

БЮРО ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ

Если ты сам работать не любишь, но хочешь иметь свое дело, займись трудоустройством сверстников. Для начала спроси своих одноклассников: кому какая работа по душе? Составь список желающих заниматься тем или иным делом, оговори заранее свои комиссионные, а после рассылай предложения соответствующим предприятиям или частным лицам.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ СУВЕНИРОВ

Простейший сувенир — это пуговицы с фотографией местной знаменитости. В качестве таковой можешь предложить самого себя, если уверен, что через некоторое время войдешь в историю мирового предпринимательства. Учти, что в сувенирах прежде всего ценятся оригинальность, фантазия, юмор. Кубинцы в качестве сувениров продают обычный морской песок. Пошла на сувениры и берлинская стена. Какой сувенир предложишь ты — полностью

зависит от твоих личных возможностей.

МАГАЗИН ПОДЕРЖАННЫХ ПЛАСТИНОК

Школьники хотят слушать новые пластинки, не правда ли? Но ведь редко кто может покупать каждую неделю новую пластинку. С другой стороны, почти у каждого наверняка накапливаются пластинки, от которых он хотел бы избавиться. Немало лишних пластинок найдется и у взрослых в твоем районе. Ты можешь хорошо заработать, если будешь скупать ненужные пластинки за дешево, продавая их по более высокой цене тем, кому они нужны. Можно открыть в школе магазин подержанных пластинок, который будет работать так, как работают букинистические магазины.

ПОДЕЛКИ

Лучшие поделки — игрушки. Всевозможные зверюшки, птички, рыбки, диковинные чебурашки — что еще нужно ребенку? Обыкновенный ванька-встанька, секрет изготовления которого прост как репка, доставит малышу неделю счастья. А калейдоскоп! А шарик на резинке! Рынок этим товаром можно насытить только в том случае, если за дело возьмется каждый второй школьник.

РАБОТА НА ПОЧТЕ

Это одна из наиболее распространенных форм трудовой деятельности школьников — сортировать и разносить газеты,

журналы, письма. Правда, она не всегда удовлетворяет тех, кто ею занимается. Платят мало, а хлопот много. Эта же работа может стать значительно более интересной и более оплачиваемой, если в нее внести элементы предпринимательства. Например, если не ограничиваться разносной почтой, а оказывать за оплату дополнительные услуги населению. Например, принимать письма и телеграммы. Платить по счетам за квартиру и электричество. Делать мелкие покупки в магазинах. И так далее...

РАСПРОДАЖА СТАРЫХ ВЕЩЕЙ

Редко кто не хочет избавиться от старья. Но почему-то получается так, что это редко кому удается. Помогите же людям! Они не могут сделать этого сами, как правило, потому, что им не хватает времени. Договорись о комиссионных для себя и организуй распродажу прямо во дворе дома, своего или соседнего. Распродажи можно устраивать регулярно, чтобы твои клиенты к этому привыкли и ждали тебя, заранее приготовив старые вещи.

СБОР ВТОРСЫРЬЯ

Металлолом, макулатура, пустые бутылки, тряпки и прочее вторсырье может стать надежным источником дохода, если ты сумеешь организовать не только его сбор, но и сдачу на приемные пункты.

Сборщик вторсырья должен быть очень знающим человеком, чтобы случайно не промахнуться там, где ему улыбнется удача.

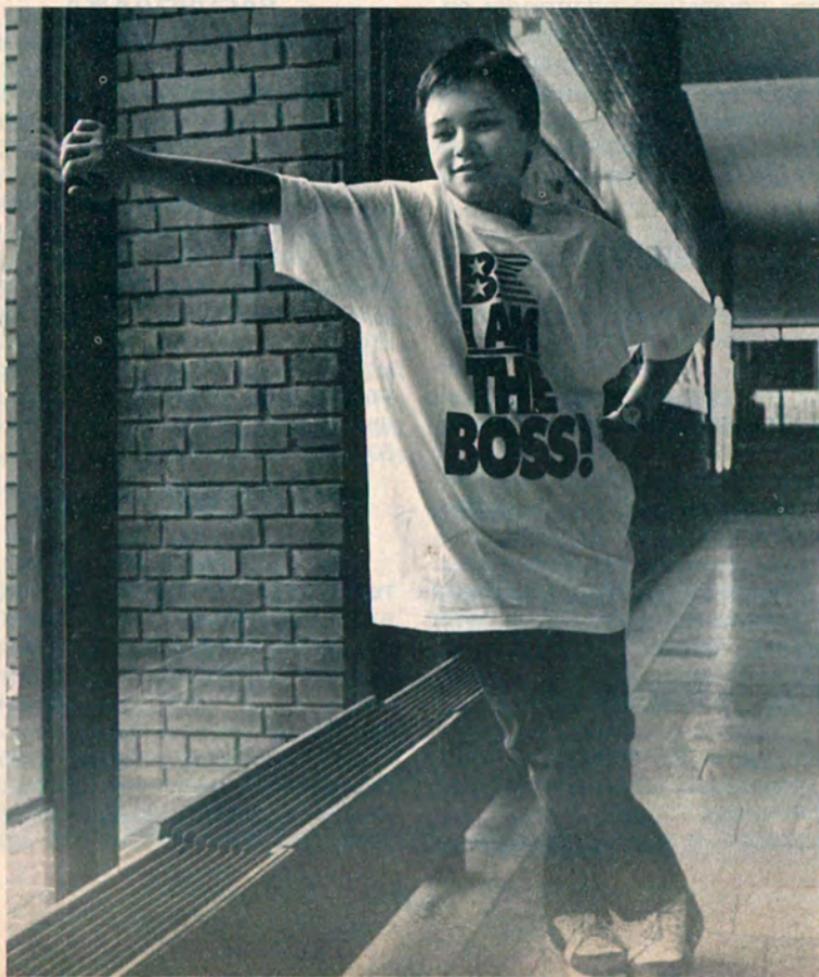
Иначе он сдаст в утиль золотую нить, полагая, что она бронзовая, не сохранит серебро, спутав его с алюминием, и вообще сдаст макулатурщику рукопись "Евангелие Генриха Льва", не зная, что ее истинная цена — более 8 миллионов фунтов стерлингов.

ФОТОГРАФИЯ

Научись фотографировать — и будешь желанным гостем на свадьбе, в доме, где есть маленькие дети, на вечеринке и на торжественной церемонии. На снимке самое главное — лицо

человека. Старайся крупно снимать лица людей, когда они смеются, когда они испытывают гордость за себя и близких, словом в момент удачи. Такой снимок у тебя всегда купят с охотой.

ПРИМЕЧАНИЕ: Работа над "Энциклопедией детской предприимчивости" еще не закончена. Приглашаем к сотрудничеству всех, кто может помочь словом и делом. Письма просим присылать по адресу: **123286, Москва ул. Садовая-Кудринская, д. 9, кафедра журналистики МВПС. Пресс-клуб "Школьник".**

ИЩУ ДРУГА

В начале — адреса поклонников известных групп и солистов. Начнем с адресов фанатов "Ласкового мая":

664058, г. Иркутск, м/р Первомайский, д. 21, кв. 76. Суво-
рова Светлана.

624170, г. Невьянск Свердловской обл., ул. Чапаева, 28/Г/57.
Ирина А.

690000, г. Владивосток, ул. Колхозная, 21, кв. 15. Васи-
левская Светлана.

690000, г. Владивосток, ул. Амурская, 11, кв. 45. Мясина
Екатерина.

356100, г. Изобильный Ставропольского края, ул. Красная,
д. 1, кв. 26. Калинина Надежда.

457201, Челябинская обл., ст. Тамерлан, отд. Правда, сту-
дия "Снег". К.Т. и Н.Л.

Поклонники Виктора
Цоя:

620055, г. Свердловск,
ул. Восточная, 84, кв. 9.
Алиса (ей 14 лет, она пишет
стихи и любит собак).

352762, г. Майкоп Крас-
нодарского края, п/о Крас-
ная Улья, ул. Новая, 28.
Лукшина Маргарита (15
лет).

352762, г. Майкоп Крас-
нодарского края, п/о Крас-
ная Улья, ул. Новая, 20.
Безухова Светлана (15 лет).

195267, Ленинград,
Гражданский пр., 124, кв. 24.
Иванова Маша (13 лет).

Поклонница Владимира
Преснякова:

684017, Петропавловск-
Камчатский, г. Елизово,
п. Пионерский, ул. Бони-
вура, 1-23. Елена (16 лет).

Это письмо нас очень
удивило. 14-летняя девочка,
в чьей жизни, видимо, нет
проблем, отчаянно скучает
— просит тех, кто захочет,
написать ей.

310001, г. Харьков, Апте-
карский въезд, 6. Дубинник
Елена.

"Я постараюсь помочь тем, кого не понимают, кто никому не
нужен, потому что я сама знаю, как это плохо..." Спасибо, Оля.

330096, г. Запорожье, ул. Чуйкова, 27^а, кв. 95. Оля.

Девочка — хозяйка щенка овчарки — просит написать ей тех, кто когда-нибудь растил такую собаку. Она хочет, чтобы ее собака была умная!

346617, Ростовская обл., Багаевский р-н, х. Первомайский, Вещунова Ирина (14 лет).

Натasha (ей 15 лет) при-слала в редакцию замеча-тельное письмо о том, как надо жить, бороться и верить в свое счастье. "Жить страшновато, но — буду и сама добьюсь всего... Кому сейчас плохо и не с кем поде-литься своими мыслями — пишите мне!".

617212, Пермская обл., Карагайский р-н, п. Сави-но, ул. Молодежная, 9—45. Наташа.

Ее ровесница из Ленин-града, написавшая нам, хо-тела бы познакомиться с мальчиком — темноволосым и с голубыми глазами. Мо-жет быть, такие най-дутся?

Ленинград, ул. Вавило-вых, 15/1, кв. 172. М.К.

Мальчики с именами Са-ша, Юра, Рома, Сережа, Ви-тя, Дима, Андрей, Костя — откликнитесь! Ваших писем ждут в Новосибирске!

630040, г. Новоси-бирск—40, ул. Добросель-ская, 23, кв. 1. Чуркина Алла.

16-летняя блондинка без вредных привычек ждет писем от парней.

660912, г. Сосновоборск Красноярского края, ул. Ленинского комсомола, 22—37. Салаватулина Люба.

Девочка, ученица 11-го класса, поклонница групп "Кино" и "Любэ", увлекающаяся волейболом и раз-ведением цветов, хочет иметь друзей по переписке от 15 до 18 лет.

462010, Оренбургская обл., п.г.т. Тюльган, ул. Строителей, 81. Белова Наташа.

Вы интересуетесь ушу и каратэ? Собираете монеты? Тогда пишите:

211035, Белорусская ССР, Витебская обл., Оршан-ский р-н, пос. Бабиничи, ул. Фабричная, 15, кв. 16. Гурко Серик.

Поклонница группы "Секрет" (и, по секрету, с большими планами):

620151, г. Свердловск, ул. Энгельса, 11, кв. 12. Ша-лавина Галя.

"Хочу познакомиться с любимым, кто любит звезды и кому для счастья не хватает моих писем! Люблю электронную "космическую" музыку и предпочитаю общество одного — но интересного — человека, умеющего вовремя помолчать".

734061, Душанбе, ул. Фирдоуси, 27/2, кв. 62. Саша (для ясности: это имя принадлежит 17-летней девушке).

И еще два адреса:

113570, Москва, ул. Красного Маяка, 13^а-1-80. Полякова Настя (16 лет, поклонница Майкла Джексона, собирает его фотографии и предлагает в обмен другие).

185033, г. Петрозаводск Карельской АССР, ул. Репникова, 5^а, кв. 8. Арина С. и Ольга Ч. (поклонницы Дитера Болена и Томаса Андерса).

Ищу друга... Эти слова встречаются во многих письмах. Иногда эти слова — как SOS, как крик тонущего: кто бросит мне спасательный круг в этом холодном и враждебном мире? Мы надеемся, что ребята, написавшие по этим адресам, познакомятся с теми, кто станет им другом и советчиком, опорой в жизни.

672006, г. Чита, ул. 3-я Первомайская, 4, кв. 2. Емельянова Марина (13 лет).

310124, г. Харьков — 124, пр. Героев Сталинграда, 1/7, кв. 32. Яна (13 лет).

634022, Томск — 22, ул. Кирова, 7, кв. 3. Рюмшина Наташа (14 лет).

632235, Новосибирская обл., Чановский р-н, п. Моховка, ул. Новая, 1, кв. 2. Сейтенова Гайни (13 лет).

614047, г. Пермь, ул. Бушмакина, 10, кв. 18. Иванова Наташа (13 лет).

420032, Казань, ул. Халтурина, 11/10 — 56. Давыдова Нина (16 лет).

640004, г. Курган-областной, ул. Панфилова, 19^а, кв. 86. Аня К.

310204, г. Харьков, пр. Победы, 66^б, кв. 95. Чередниченко Инна.

652718, Киселевск Кемеровской обл., ул. Студенческая, 15, кв. 12. Ольга В. (13 лет).

Владимирская обл., Камешковский р-н, п/о Гатиха, д. 19^а, кв. 5. Балашова Олеся (12 лет, хочет иметь друга-пацана).

Ждем ваших писем!

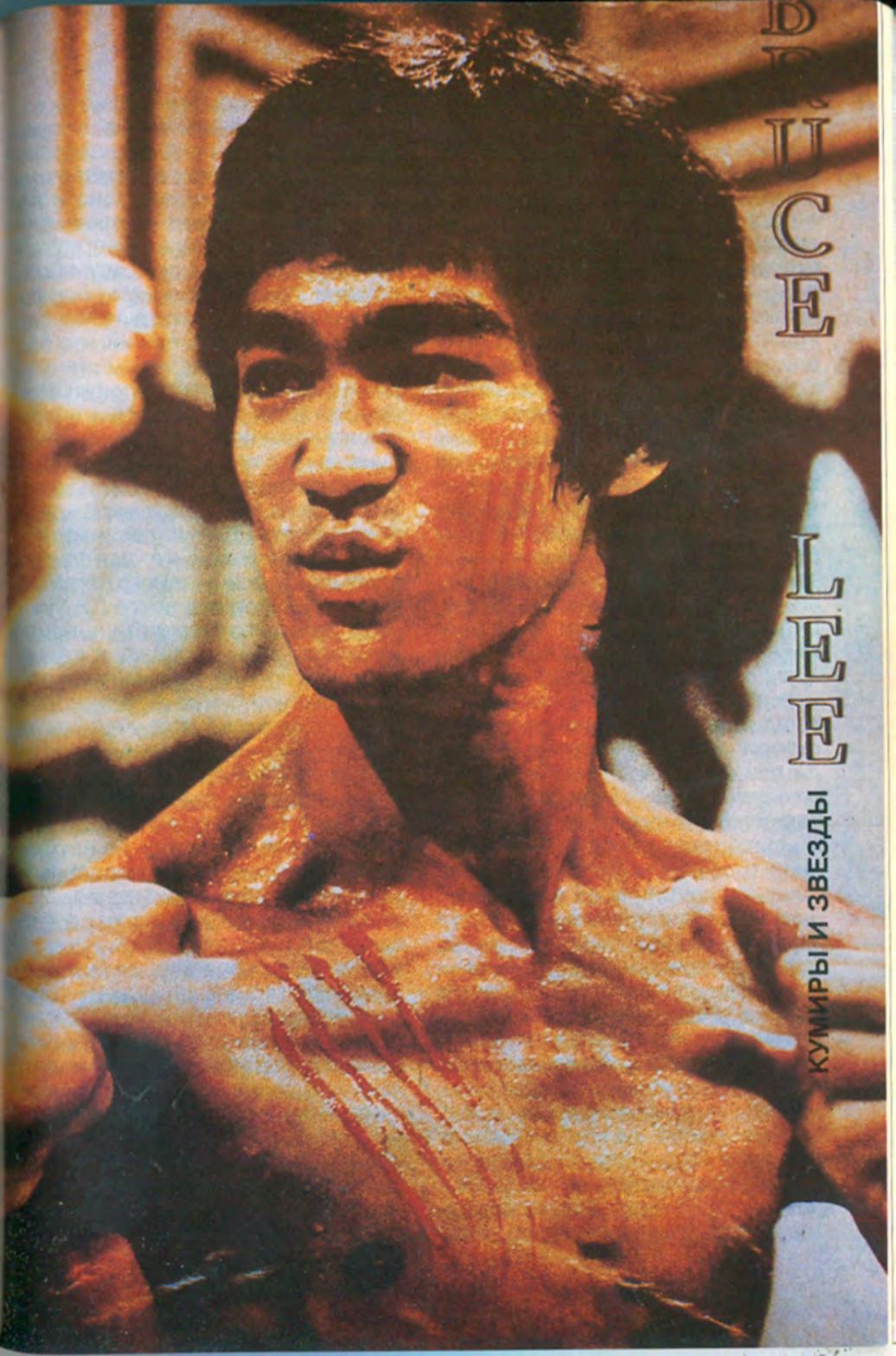
”ТВОЕ ВДОХНОВЕНИЕ ВЕДЕТ НАС К ОСВОБОЖДЕНИЮ”

Недалеко от здания университета в американском городе Сие-тле, посередине широкой лужайки, есть одинокая могила. На надгробной плите, сделанной в виде открытой книги, выбиты слова, вынесенные в заглавие. Эта могила уже давно стала одним из самых примечательных мест города. Около нее можно встретить людей из многих стран мира, пришедших сюда отдать дань памяти тому, кто в ней покоится. А похоронен в этой могиле Сяо Лун Ли, известный всему миру под именем Брюса Ли.

Мало, до обидного мало лет отмерила Брюсу судьба. Всего тридцать два года прожил он, прежде чем нашел вечный покой на той самой зеленоющей круглый год лужайке, где совсем еще недавно он изумлял друзей исполнением своих неповторимых тао. И наверное, далеко не случайно его жена решила похоронить Брюса именно здесь, в Сие-тле, где они провели, возможно,

самые лучшие дни. Именно здесь они встретились и поженились, мечтая о долгой и счастливой жизни и детях, которых очень любили. И именно здесь они расстались навсегда...

В тот памятный июльский день, несмотря на страшную жару, казалось, весь Сие-тл пришел проводить своего любимца. Портреты Брюса, горящие свечи в руках, неподдельные слезы. Даже Чак Норрис, человек далеко не сентиментальный, с трудом сдерживал волнение. О чем думал он, о чем вспоминал в ту скорбную минуту? Об их первой встрече в 1965 году, когда он, проведя в течение одиннадцати часов тринадцать напряженнейших боев и завоевав звание чемпиона мира, неожиданно наткнулся на выходе из раздевалки на своего кумира Брюса Ли, который пришел поздравить Чака и познакомиться с ним? А может, он вспоминал об их ставшем уже историческом по-

БРУС
ЛИ

БРУС
ЛИ

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

динке в римском Колизее в фильме "Возвращение дракона"? Только тогда, правда, погибал он, Чак Норрис, а Брюс, наказав в очередной раз зло, возвращался в Гонконг. И вот теперь его привезли из этого самого Гонконга, и ему уже никогда больше не суждено вернуться туда. Маленький Дракон улетел туда, откуда не возвращаются... Приблизительно в то же время в одной из церквей Сан-Франциско началось отпевание, в ней отпевали Брюса Ли, уроженца этого города.

Здесь, в Сан-Франциско, где волею ангажемента оказался танцор из китайского театра "Си-цуй" Ли Хуэй Чун, в 1940 году родился будущий знаменитый артист и мастер кунг-фу. Согласно народным верованиям, он родился в хороший год с точки зрения китайского лунного календаря – в Год Дракона и должен был унаследовать все те таланты, которыми в Китае славится это мифологическое животное. И родители, надеясь на покровительство этого мудрого и отличавшегося многими способностями существа, назвали в его честь своего сына Ли Сяо Лун Ли, что означает в переводе Маленький Дракон. Одновременно, следуя другой народной традиции, мальчику присвоили второе имя – Ли Чжэнь Фань, что, в свою очередь, означало "защитник Сан-Франциско". Но матери и этого показалось мало, и она дала ребенку еще и третье, на этот раз, правда, американское имя Брюс. Вскоре после рождения Брюса семья Ли вернулась в Гонконг.

Прошло несколько лет. Как видно, тот Дракон, в чью помощь так верили родители, и не думал

оказывать покровительство Брюсу. В самом деле, разве можно было ожидать, что этот, казалось бы, и не думающий расти мальчик, у которого к тому же одна нога оказалась не только короче другой, но еще и слегка вывернутой наружу, да еще в придачу обладавший плохим зрением, оправдает те надежды, которые на него возлагал отец, мечтавший, что его сын станет знаменитым танцором? Едва мальчику исполнилось четыре года, Ли Хуэй Чун начал усиленно заниматься с ним. Брюс буквально с полуслова схватывал объяснения отца и, как вскоре выяснилось, обладал врожденным чувством ритма и великолепной координацией, что для танцора было дороже самого острого зрения. Но больше всего Ли Хуэй Чуну радовало то воистину неистощимое трудолюбие, которое демонстрировал Брюс. Уж кто кто, а Ли Хуэй Чун прекрасно знал, как надо "пахать", чтобы взойти на вершину в любом деле, а уж в танцах особенно. И он все чаще и чаще, глядя на сына, стал подумывать о том, что, если дело так пойдет и дальше, вовсе не исключено, что Брюс станет классным танцором и, возможно, даже премьером в том же самом театре, где танцевал и он сам.

Но... К сожалению, дети, и даже самые талантливые из них, редко оправдывают надежды своих родителей. Не стал исключением и Брюс. Все чаще он приходил домой с разбитым носом и рассеченными губами. Получение, как, впрочем, и раздача синяков приобретало у Брюса систематический характер. И, согласитесь, одно дело, когда мальчишка получает синяк от своего же това-

рища, что-то не поделив с ним, и назавтра уже забывает об этом, и совсем другое, когда группа подростков не может поделить территорию в своем районе, силой отстаивая на нее свои права.

Во всех этих битвах Брюса отличало от многих его сверстников какое-то врожденное чувство справедливости, которое не позволяло ему ударить соперника исподтишка или в спину. Кроме того, он почти никогда не начинал драку первым, стараясь разрешить спор миром. Но когда она начиналась, он неизменно оказывался в самой гуще событий. Вполне естественно, что, почти каждый день участвуя в потасовках, мальчик не мог не понять, что дерется все-таки лучше тот, кто умеет это делать. А раз так, надо было и этому делу учиться всерьез, так, как он учился танцам.

Знаменитый в Гонконге и во всем Южном Китае мастер кунг-фу Лип Мэн сразу же выделил среди своих новых учеников этого невысокого симпатичного паренька. Опытным взглядом Учителя, перед которым прошли тысячи бойцов, он увидел в Брюсе Ученика. Брюсу не надо было показывать то или иное движение несколько раз, казалось, они были у него в крови. И несмотря на все свои способности, он отрабатывал каждое упражнение до седьмого пота, часто оставаясь в зале и тогда, когда другие ученики спешили домой. Мальчик буквально засыпал Учителя вопросами по истории, философии и теории кунг-фу. Брюс был несказанно удивлен, когда узнал, что стиль Вин Чун, который он изучал в школе, был изобретен послуш-

ницей одного из буддийских монастырей, что, естественно, пробудило в нем интерес к буддизму. Начав заниматься в школе боевого искусства, Брюс стал больше радовать и своих собственных родителей. И в этом по сути дела не было ничего удивительного, так как с Брюсом происходило то, что обычно происходит со всеми талантливими людьми. Он начинал ценить свое искусство по самым высоким меркам и не желал его разменивать по темным закоулкам в поисках сомнительного авторитета. Конечно, сказалось и постоянное общение с Учителем, который в долгих беседах пытался донести до учеников высший смысл кунг-фу, доказывая, что конечная цель любого боевого искусства не в ударах и блоках, а в росте духовности и самосовершенствовании. И не злу должно служить боевое искусство, а защищать добро. Конечно, далеко не все понимали это, но Брюс, к великой радости Учителя, кажется, понимал.

Иначе его судьба могла бы сложиться совсем по-другому. Дело в том, что на Брюса "положила глаз" "К-34" – самая мощная преступная группировка Гонконга. Торговля невольниками и опиумом, пиратство, спекуляция золотом и драгоценностями, контрбандитизм и шантаж, подкуп государственных чиновников и полиции – вот далеко не полный перечень ее "славных" деяний. Да и само название являло собой зловещие символы. Цифра 34 означала номер дома на улице По-вах в Гуанчжоу, где много лет назад проходили первые бандитские сходки этого преступного сообщества, а буква "К", будучи на-

чальной буквой слова карат, была добавлена несколько лет спустя после организации банды, когда она буквально вырезала своих конкурентов из "Зеленой лампы". Остается только добавить, что практически все преступные группировки такого типа, как "К-34", имеют свои собственные штабы, полицию, мозговые тресты и "отделы кадров", которые ведут работу по комплектованию банды. И попасть в нее намного сложнее, нежели, скажем, в какую-нибудь хорошую фирму, ибо отбор здесь ведется по самым строгим меркам.

Возможно, самому Брюсу и льстило внимание со стороны "К-34". Родители же просто испугались. Уж кто-кто, а Ли Хуэй Чун, чей театр просто не мог не платить ей свою "долю" от доходов, ибо в Гонконге мафии платят все, кто зарабатывает деньги, прекрасно знал, что кроется за посулами мафиози: его сын имеет почти стопроцентную возможность закончить свои дни или за решеткой, или получить пулю в живот в каком-нибудь грязном притоне. Но как оградить Брюса? Оставаясь в Гонконге, об этом нельзя было и помыслить. И он принимает единственно правильное решение – отправить сына в Сан-Франциско. Пусть уж лучше сцена лишится большого артиста, нежели он навсегда потеряет сына.

Конечно, такая резкая перемена в жизни не сулила Брюсу ничего хорошего, ибо теперь он сам должен был зарабатывать себе на хлеб. К тому же ему нужна была не просто работа, а такая работа, которая давала бы возможность тренироваться. А если учесть, что уже в то время Брюс

тратил на тренировки четыре-пять часов в день и должен был находиться к началу тренировки в хорошей физической форме, то задача перед ним стояла непростая. Итак: либо хорошая работа и достаточное количество денег, либо легкая работа и... соответствующая оплата. Брюс выбрал второе, начав работать подручным в небольшом китайском ресторанчике "Раби Чоу", точь-в-точь таким, какой показан в знаменитом фильме Брюса Ли "Возвращение дракона". Помните подсобное помещение, куда приводятся рабочие ресторана приехавшего из Гонконга мастера кунг-фу, чтобы "проверить" его? Так вот точно в такой же "подсобке" "Раби Чоу" Брюс вешает боксерский мешок и продолжает упорные тренировки. У него только одна цель – как можно скорее стать настоящим мастером, и путь к намеченной им вершине лежит только через упорный каждодневный труд. Постепенно он начинает понимать, как мало он знает и что предела в совершенстве мастерства нет. Но в то же время, как истинный китаец, он помнит и о том Великом пределе – Тайцзи, к которому должен стремиться каждый уважающий себя человек. Понимает он и другое: для того чтобы стать мастером, нельзя замыкаться в изучении только одного стиля. И Брюс начинает так же кропотливо и внимательно изучать и другие стили кунг-фу, благо, что среди населения Чайнатауна, где он живет, есть немало знатоков самых различных стилей кунг-фу. Надо сказать, что именно на начало шестидесятых годов в Америке приходится бум каратэ. Понятно, что и оно не ос-

тается без внимания Брюса. Но каратэ – это в первую очередь работа ног, в отличие от кунг-фу, где все же большее внимание отводилось ударам рук. А раз так, решает Брюс, значит, он должен овладеть и этой техникой.

Очень скоро Брюс превосходит в своем мастерстве всех своих учителей, и все чаще и чаще ему, знакомому теперь со многими стилями боевого искусства, приходит в голову мысль, что нельзя строго придерживаться только одной, раз и навсегда определенной школы, а надо создать своего рода "школу без школ", "стиль без стилей", которые впитают в себя все самое наилучшее. Так начинается формироваться "Цзит кундо" – "Путь опережающего кулака" – стиль Брюса Ли. Его автор не довольствуется только практическими занятиями, понимая, что без теории по сути дела нет и самого предмета. Он начинает собирать библиотеку, которая со временем достигает трех тысяч томов и в которую входят книги по самым разнообразным отраслям знаний, имеющих хотя бы малейшее отношение к боевым искусствам. В особенности он увлекается философией, помня известное китайское изречение о том, что "чтобы овладеть искусством боя, надо постигнуть его философию, ибо без разума тело не нужно". Брюс особо тщательно собирает труды мастеров дзэн и даосизма и работы по китайской традиционной медицине. Отдавая буквально все свободное время тренировкам и чтению книг, Брюс с глубоким прискорбием убеждается в том, что ему очень не хватает знаний, и начинает подумывать о поступлении в какое-ни-

будь высшее учебное заведение на отделение философии. Забегая вперед, скажем, что позже он поступает в Сизэтлский университет и выходит из него с дипломом магистра философии. Но пока... пока Брюс продолжает заниматься сам. И нельзя не упомянуть еще об одном. Брюс уделяет огромное внимание не только тренировкам тела, но и работе с внутренней энергией, без которой немислимо никакое настоящее боевое искусство. Ведь недаром в Китае есть поговорка, гласящая, что тот, кто занимался боевым искусством, но не овладел своей собственной внутренней энергией, придет к старости пустым. А Брюс вообще хочет отодвинуть эту старость как можно дальше. Меридианы, внутренняя энергия и медитация – для него не пустые слова, и в результате его мускулистое прокачанное тело начинает буквально светиться внутренней мощью и силой.

Так прошло еще несколько лет, и скоро произошло то, что в принципе и должно было произойти: Брюс превратился в великопленного мастера кунг-фу с отточенной техникой и со своими фирменными, ни на кого не похожими стойками и перемещениями. Но больше всего специалистов поражала в нем скорость, ибо без скорости движения любая прекрасная техника превращается в ненужный балласт. О скорости выполнения технических приемов Брюсом Ли до сих пор ходят легенды. Иногда, глядя на молниеносные удары Брюса в его фильмах, создается впечатление, что все его бои засняты с ускорением. Но это не так, ибо при специальном замере скорости удара Брюса

Ли выясняется, что он... опережает камеру, а его удар равен фантастическому показателю – одной двадцатчетвертой секунды. И это лишний раз говорит о том, как сама природа "позаботилась" о Брюсе, так как известно, что, если, скажем, сила и выносливость поддаются значительной модификации в ходе тренировок, то скорость в основном "закладывается" в наш организм природой. Но даже при всей своей одаренности Брюс изо дня в день продолжал работать над развитием скорости движений. Вполне понятно, что такая работа не могла не дать результатов, и скоро слава виртуоза кунг-фу из китайского квартала распространяется по всему Сан-Франциско, где Брюс выступает с показательными выступлениями. И это только начало, ибо его уже поджидала всеамериканская известность в лице режиссера фильма "Зеленый слепень", в котором Брюс сыграл роль одного из детективов. Буквально на следующий день после выхода фильма о Брюсе заговорила вся Америка. После выхода на экраны "Большого босса" и "Яростного кулака" о Брюсе узнал весь мир. Еще никому не известный мальчишка Джекки Чэн, будущая звезда многих приключенческих фильмов, буквально бредит Брюсом Ли, десятки и десятки раз просматривая фильмы с его участием и копируя своего кумира! Будущий семикратный чемпион мира по каратэ и лучший друг Брюса Чак Норрис с изумлением наблюдает за поразительным искусством своего будущего соперника по фильму "Возвращение дракона" и... не осмеливается подойти к нему пер-

вым, чтобы познакомиться.

Вместе с известностью приходит и благополучие. Брюс женится на одной из своих учениц шведке Линде Эмери, покупает в калифорнийском городке Калвер-сити великолепную виллу и строит в ней спортзал. Не только зал, но и весь сад на вилле заставлен специальными снарядами для тренировок, которые теперь становятся еще более интенсивными. Он уже даже не влюблен в боевое искусство, он просто не может без него жить. Он уверен, что именно боевое искусство, неважно в какой форме, должно переделать современного человека, сделав его человеческим и добрым. И в том, что каратэ и кунг-фу начинают бурно развиваться не только в Америке, но и во всем мире, он справедливо видит и свою заслугу. Трудно представить, какую Брюс испытывал радость, узнав о создании нового клуба кунг-фу или о новой журнальной публикации, посвященной боевому искусству. Но к радости примешивается и становящееся все более и более сильным огорчение. Брюс буквально испытывает душевные муки, видя, какие случайные люди преподают в ставших модными и выгодными экономически школах. Он с содроганием замечает, что все больше и больше выхолащивается из боевых искусств их великий дух, учивший добру и самосовершенствованию, и что режиссеры начинают откровенно спекулировать на святом для него искусстве, прославляя на угоду публике в первую очередь жестокую сторону кунг-фу и каратэ. Эффектный удар, кровь, увечья – вот что прежде всего волнует кинематог-

рафистов. И не вытерпев, он вступает в неравную борьбу с режиссерами приключенческих фильмов, и, наверное, он не был бы Брюсом Ли, если бы не сделал этого. Но здесь Брюса ждет жестокое разочарование. Никто и не думает прислушиваться к его голосу, и он так и остается голосом вопиющего в пустыне. Более того, его перестают приглашать для участия в фильмах, великий мастер остается не у дел. И он решает уехать в Гонконг. "Я, — заявил он в 1970 году Чаку Норрису перед отлетом, — стану в Гонконге кинозвездой, и притом такого класса, что в Голливуде без меня не смогут обойтись..." И, как мы увидим дальше, Брюс победил в этой неравной борьбе, ибо в Голливуде без него действительно обходиться не смогли. Но для этого ему пришлось поставить два самых лучших своих фильма "Появление дракона" и "Возвращение дракона" и поставить так, как хотел этого он, великий мастер боевого искусства Брюс Ли, который явился не только постановщиком всех боевых сцен в этих картинах, но и автором их сценариев.

Эти два фильма, и особенно "Появление дракона", являются своего рода исповедью Брюса Ли, в которых он с особой силой подчеркивает свое отношение к боевому искусству. Да, человек живет в жестоком реальном мире, где пока еще чаще все-таки царствует зло, да, часто человек вынужден быть жестоким, но все же человек по своей природе добр. И это с особой силой звучит в "Появлении дракона". Да, тяжело переступить через все то, чему его учили в шаолинском монас-

тыре, молодому монаху — герою Брюса Ли. Но, убедившись, что в борьбе с конкретным злом другого пути нет, молодой человек решительно вступает на Путь Дракона и это зло наказывает. При этом, конечно, необходимо помнить, что символ Дракона на Востоке имеет совершенно другое истолкование, нежели у нас, считающих его в первую очередь воплощением отрицательного. Здесь Дракон как раз та сила, которая, воплощая в себе положительное начало, борется со злом.

Выход этого фильма приносит Брюсу еще большую славу. Его имя гремит по всему миру, миллионы его поклонников и поклонниц идут в школы кунг-фу, в то время как дельцы наживаются на связанной с Брюсом атрибутике. Прокат фильма во многих странах мира дает огромную прибыль в 80 миллионов долларов и одновременно означает конец экономической зависимости Брюса Ли от капризов голливудских режиссеров. Отныне он свободен в своем творчестве. Брюса приглашают сниматься в своих фильмах знаменитый Карло Понти и другие не менее известные режиссеры. Фирма "Уорнер Бревэрз" предлагает заманчивый контракт, предоставив Брюсу право самому поставить цифру в присланном ему чеке. Одновременно Брюс получает огромное количество писем с просьбой продолжить рассказ о Драконе. Собственно, Брюс и сам не против сделать это, ибо уже давно вынашивает замысел "Возвращения дракона", который стал лучшим фильмом Брюса Ли с точки зрения игрового каратэ. Чего стоит только один

знаменитый бой с приглашенным им на съемки Чаком Норрисом в римском Колизее! Сколько пота было пролито, пока Брюс наконец не остался доволен постановочной боя, а его придирчивость к исполнителям трюков изумила даже самого Норриса, который прекрасно знал, что такое настоящая работа. "С Брюсом, — скажет он позже, — было очень тяжело работать, но в то же время я получал огромное удовольствие..." Казалось бы, все шло хорошо, если бы у Брюса не начали временами появляться приступы сильнейшей головной боли. Несколько раз он даже терял сознание, а однажды на съемках в Риме случилось непредвиденное. Брюс неожиданно пришел в неопишущую ярость и бросился на одного из операторов. К счастью, до расправы дело не дошло, так как Брюс, по всей видимости, быстро пришедший в себя, неожиданно убежал со съемочной площадки. Что с ним произошло, он так и не смог объяснить, сказав только, что почувствовал вдруг какое-то затмение. Врачи, смотревшие Брюса, советуют ему отдохнуть, объясняя случившееся переутомлением, и Брюс целую неделю проводит в кровати. Естественно, он приносит свои извинения человеку, обиженному им, но, как вспоминали очевидцы, тот в оставшиеся дни так и не отважился находиться рядом с Брюсом, стараясь держаться поодаль. Но больше всех эта история напугала его жену, которая всерьез начинала беспокоиться о здоровье Брюса. Уж кто-кто, а она-то прекрасно знала, что эта вспышка ярости шла вовсе не от характера Брюса, как об этом сразу же поспешили объ-

вить его недоброжелатели. Но Брюс не поддается ни на какие уговоры жены. И в самом деле, какой может быть сейчас отдых, когда он в расцвете сил и таланта! Ну а то, что случилось с ним, это так, чепуха... Да и врачи не нашли ничего серьезного. К тому же у него уже созрел замысел нового фильма. Впрочем, Брюсу все-таки пришлось отдохнуть и не каких-то там десять дней, как хотела Линда, а целых шесть месяцев. Именно столько он пролежал в клинике после того, как получил тяжелейшую травму спины, настолько тяжелую, что врачи всерьез опасаются, как бы их знаменитый пациент в конце концов не потерял способность двигаться. Брюс же придерживается другого мнения и начинает... тренироваться прямо в кровати. О том, чего они стоили ему, эти тренировки, когда каждое движение отдавалось нестерпимой болью во всем теле, знал только он один.

Пользуясь вынужденным бездействием, Брюс пишет восемь томов своей знаменитой книги "Цзит кундо", в которой щедро делится своими секретами. Красной нитью через всю книгу проходит главная мысль Брюса о том, что боевое искусство никогда не должно служить злу. Более того, оно должно помочь человеку освободиться от всего того, что мешает ему жить, ибо человек, не ищущий духовного совершенства, по глубокому убеждению Брюса Ли, никогда не достигнет истинных высот в боевом искусстве, несмотря на какую бы то ни было технику.

Перед самым выходом из больницы Брюс неожиданно получает письмо из... Голливуда с

предложением поставить фильм. Да, это была уже настоящая победа, о которой когда-то можно было только мечтать. И он так и заявил Чаку Норрису, встречавшему его в Америке: "Я победил!" И Норрис в знак своей признательности молча пожал ему руку. Уж он-то хорошо знал, каких физических и моральных сил стоила эта победа его другу. А Брюс уже начал снимать "Игру смерти"...

16 июля Брюс улетел в Гонконг, а спустя четыре дня Чак Норрис получил известие о его смерти...

В тот трагический вечер Брюс вернулся в номер гостиницы вместе с продюсером фильма "Игра смерти" Рэймондом Чау. Весь день он чувствовал себя не очень хорошо и держался, что называется, на нервах. Приняв лекарство от головной боли, Брюс сразу же лег в постель, попросив продюсера разбудить его через два часа. К великому изумлению и ужасу Чау, сделать этого ему не удалось. Брюс не проснулся уже больше никогда. Врачи констатировали, что смерть наступила в результате аллергической реакции принятого Брюсом лекарства и последовавшего в результате этой реакции ураганного отека мозга. Такова официальная версия смерти знаменитого артиста и мастера кунг-фу. Однако такая причина смерти Брюса Ли, как оказалось, мало кого устраивала. И, конечно, это было бы можно объяснить скорее всего тем, что люди, для которых Брюс являлся олицетворением героев своих фильмов, не хотели поверить в то, что такой человек может умереть в собственной кровати да еще от какой-то там таблетки. В сознании видевших Брюса Ли зрителей, по

всей вероятности, прочно укрепилось мнение, что если уж их любимцу и суждено было умереть, то это должно было произойти в битве с двумя десятками гангстеров и уж никак не в гостиничном номере. Вполне естественно, что сразу же после смерти Брюса Ли стали высказываться самые различные версии относительно его безвременного ухода из жизни. Говорили и о мести, и о каком-то таинственном старике-тибетце, якобы убившем Брюса при помощи энергетического удара, и о не менее таинственной незнакомке, преследовавшей Брюса буквально по пятам и наконец настигшей его в гостиничном номере...

Конечно, все может быть. Возможно, пройдет время, и мы узнаем все подробности смерти Брюса Ли. Но, наверное, главное для нас не в этом, а в том, что и сейчас, спустя восемнадцать лет после его смерти, интерес к его личности и искусству не только не падает, а становится все больше и больше. И в памяти миллионов людей он навсегда останется таким, каким мы его помним по фильмам.

В прошлом году во многих странах мира любители боевого искусства отметили пятидесятилетие Брюса Ли. Памяти великого Мастера были посвящены и многочисленные турниры, и на всех на них смотрел с фотографий на молодых бойцов улыбающийся Брюс Ли, вновь и вновь вдохновляя их на познание самих себя и мира. И воистину трижды был прав тот, кто начертал на его могиле эти простые и запоминающиеся слова: "Твое вдохновение ведет нас к освобождению"...

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Передо мной сидел бледноватый смущенный парень, каких тысячи, а перед врачом — пациент. Его вытянутые руки слегка дрожали. Только ли нервничает? У меня, насмотревшейся страшных фильмов, так и чесался язык ответить на вопросы врача: что такое "тащиться" или "сидеть на игле". Ну какой нынешний подросток, даже не имея грешка за душой, не ответит на это автоматически? Парень же пожимал плечами, как бы показывая, что к нему это никакого отношения не имеет. Врач "раскручивал" его (со стороны — беседа "за жизнь" плюс немного о наркотиках), и вывод — в лоб: "Анашу куришь, но зависимости пока нет!"

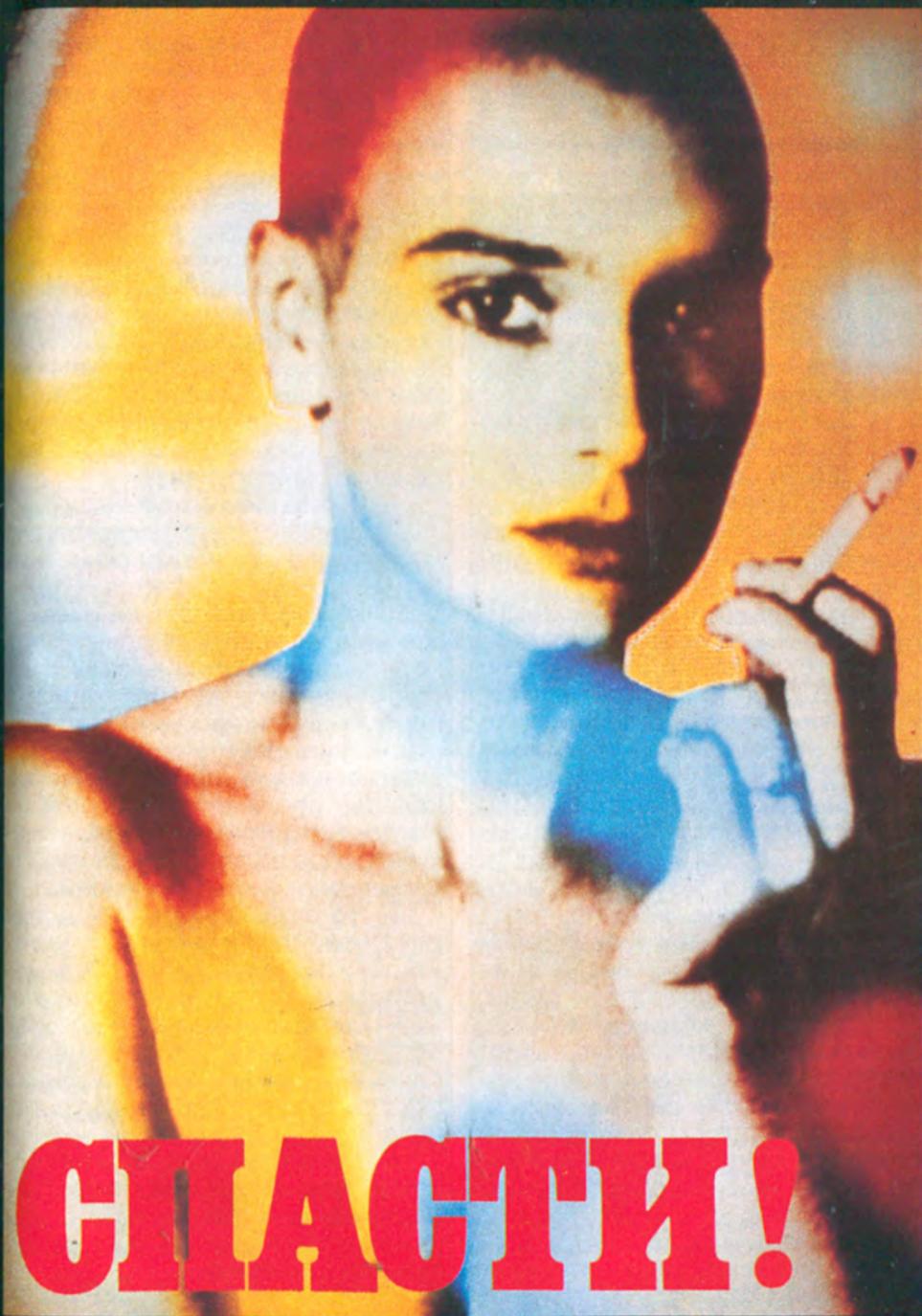
Не последовало увещаний и угроз: "Не кури, а то покойничком станешь". Врач говорил совсем другие слова. Убедительные — иначе молодой собеседник не стал бы просить у него телефон, чтобы позвонить, доложить о своей жизни без анаши. Вряд ли за-

хотел бы поддерживать связь с тем, кому не поверил. А потом был разговор с матерью (это она, обеспокоенная, привела сюда сына): "Хорошо, что вовремя к нам обратились. Ваш сын еще на том этапе, когда разум в состоянии взять верх..."

Честно говоря, узнав в свое время о создании Всесоюзного общества спасения детей и подростков от алкоголизма и наркомании, я подумала — не дань ли моде? Куда ни глянь — сплошные фонды, общества. Так что благие идеи уже не вызывают сегодня особого интереса, все жаждут благих дел. Перефразируя известную поговорку, хочется знать: так ли важен волк, как его рисуют?

Несмотря на то, что наркомании у нас вроде бы и не было никогда, наркоманами занимались наркологические диспансеры. С тех пор как тему открыли, пресса и телевидение ее буквально рвут на части, погружаясь в загубленные судьбы, мельчайшие подробности болезни века. Нас, здоровых, запугивают санпросветовские плакаты: прикоснешься к опасному зелью — вот твое будущее! И ты созерцаешь череп с костями. А число наркоманов тем не менее ужасающе растет. Значит, нужен какой-то другой шаг. Определило ли его новое Об-

СПАСТИСЬ,

щество? Что вложено в обнадеживающее слово "спасение"?

Об этом я и расспрашивала президента Общества Владимира Ивановича Иванова после того, как закрылась дверь за матерью с сыном.

— Мало заниматься только лечением наркоманов. Вероятность, что завтра еще один ребенок начнет употреблять наркотик, очень высока. И нельзя ждать, пока это случится. Важно предупредить возможную болезнь.

— Сегодня как раз трубят об этом со всех сторон...

— Да. Но для того, чтобы бороться со злом, надо по крайней мере знать его в лицо. Я работал с кинорежиссером Саввой Кулишем над "Трагедией в стиле рок". С этим фильмом мы объехали 15 городов, на показах побывало около 15 тысяч человек. После каждого просмотра часа два-три шло бурное обсуждение. Кто только не задавал нам вопросов — и педагоги, и юристы, и милиционеры. Я был поражен, насколько мало люди знают о наркомании. В своих вопросах и суждениях они обнаружили полную дремучесть. Именно тогда родилась идея нетрадиционной пропаганды знаний, вовлечения родителей в спасение детей. Представляете, каково мне было, работая в подростковой наркологической клинике, сообщать родителям, что их ребенок болен. И делать это, увы, приходилось слишком часто: институт наркологии проводил обследование московских школьников, и оказалось, что около 10 процентов хоть раз пробовали наркотик — каж-

дый десятый! А среди учащихся ПТУ процент в два раза выше.

— Родители, я думаю, пойдут на что угодно во имя спасения своего ребенка, но чем конкретно они могут ему помочь?

— Не надо иметь медицинскую подготовку, чтобы заметить: что то происходит с моим сыном! — и обратиться к нам. Мы рассеем неопределенность, выясним, не напрасны ли тревоги. Главное, чтобы ни взрослые, ни подростки не боялись нам довериться. Зачастую люди из-за страха откладывают визит к врачу. Наше здравоохранение репрессивно.

— Что вы имеете в виду?

— Прежде всего регистрацию психических и наркологических больных. Если выяснится, что вы больны, вас поставят на учет. И это не всегда охраняется тайной, хотя она и декларируется. Узнает ближайшее окружение, возникнут проблемы при поступлении в институт, на работу... У нас без справки шагу не шагнуть. Человек как бы поражается в правах... Когда подросток или его родители к нам обращаются, они могут не называть даже своего имени.

— Но ведь не каждый поверит, что за видимой анонимностью не скрываются какие-нибудь капканы.

— Для таких мнительных у нас есть телефон, по которому можно получить любую консультацию, сказать "спасибо" и никогда больше с нами не общаться.

— Понимаю, как важно вовлечь больше людей в борьбу с наркоманией. А сами подростки могут что-то делать для собственного спасения?

— На это мы как раз очень надеемся. Пропагандой — антиалкогольной, антинаркотической — всегда занимаются взрослые, и дети ко многим сведениям относятся лишь как к воспитательной мере, пустому запугиванию. Не доверие вообще свойственно взаимоотношениям поколений, а в нашем обществе оно особенно обострено — много лгали. Ребята охотней поверят своему сверстнику, если он скажет "нельзя!", "опасно!"

— Существует мнение, что в основном любопытство толкает несовершеннолетних к наркотикам. Так ли это?

— Врачи знают (и сами больные про это рассказывают), что первое употребление вызывает тяжелейшее отравление: головокружение, тошноту, расстройство желудка. И мальчишка, из любопытства сделавший укол, повторить его не захочет, если... Если не объявится заинтересованное лицо, которое станет убеждать, что теперь все будет легче, а потом наступит "кайф".

— А почему так заинтересованы наркоманы в пополнении армии больных? Что здесь главное — деньги?

— Не только. Наркоманы говорят, что чувствуют себя комфортно лишь среди таких же, как они сами, и ребята должны знать то, что заранее знает, но никогда им не скажет "благодетель", бесплатно предлагающий первую порцию: "Через месяц ты будешь воровать из дома деньги, искать нас, потому что наркотик станет тебе необходим".

— Во сколько же обходится "кайф"?

— В среднем день наркомана стоит около 400 рублей. Где брать такие колоссальные суммы? По справкам МВД, 80 процентов квартирных краж — а сегодня это наиболее распространенное преступление — совершается наркоманами. Они обладают свойством легко входить в доверие к людям. Приходят в гости к новому товарищу, а дальше, что называется, дело техники — снять отпечаток с ключей, проникнуть в квартиру. А знай подросток, как выглядит наркоман, его походку, мимику, новое знакомство не состоится так легко, как это случается ежедневно. И наше Общество позаботится о распространении такого знания. Выпустим специальные печатные и видеопрограммы, ориентированные на детей.

— А что же все-таки делать тем, кто уже привязался к наркотикам? Им вы в состоянии помочь?

— Попробуем, как в западных странах, объединять наркоманов в коммуны. Единомышленники, связанные желанием распрощаться со злом, обычно хорошо поддерживают один другого. Это эффективная помощь. Но пока все упирается в финансирование...

— Вы ждете помощи от государства?

— Нет. Во всем мире общественные организации не зависят от государственных структур. Они и возникают потому, что государственные учреждения не справляются с "больными" проблемами.

— Общества, подобные вашему, есть за рубежом?

— Только в США около ста тысяч организаций, деятельность которых направлена против алкоголизма и наркомании. Мы сотрудничаем с американским фондом "Дети — существа особенные" и с международной организацией "Нарконон". Будем прибегать к помощи международных реабилитационных центров, а в перспективе — создание подобных центров в нашей стране.

— Размах — это, конечно, хорошо. Но с чего начинать рядовому подростку, например, читателю "Мы", если ему важно что-то узнать о наркомании — хочет спастись или кого-то спасти?

— Любой может приехать, прийти, позвонить, написать нам. Наш адрес: 103050, Москва, ул. Горького, 22, гостиница "Минск", комната 502-509. Телефоны: 299-15-02, 299-15-03. Готовы помочь, чем можем. И рады любой помощи, любому совету ребят. На них наша надежда.

Наталья ЩЕРБАНЕНКО,
студентка факультета
журналистики МГУ

P.S. Мой взрослый собеседник в тот день, когда я с ним разговаривала, когда он убеждал пришедшего к нему парня отказаться от анаши, преодолеть себя, был в несколько необычном состоянии. В тот день он бросил курить. Ему тоже предстояло преодолеть себя, как многим ребятам... "Сравнила!" — скажут мне. Сравнила. Потому что легких побед над собой не бывает.

НАШЕ ПРОШЛОЕ

Роберт К. МЭЙССИ
ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Перевод с английского
Валентины ЗАХАРОВОЙ

НИКОЛАЙ

ВВЕДЕНИЕ

Написание этой книги, как вообще многое в жизни, — результат обстоятельств и судьбы. Это началось десять лет назад, в день, когда моя жена и я узнали, что у нашего маленького сына — гемофилия¹. На своем пути я встретился с удивительными фактами, связанными с поведением родителей мальчика, самого необыкновенного из всех пораженных этой болезнью. Этим мальчиком был царевич

¹ Гемофилия — тяжелое наследственное заболевание, несворачиваемость крови. — Ред.

И АЛЕКСАНДРА

Алексей, единственный сын и наследник Николая II, последнего царя всея Руси.

То, что я открыл, было одновременно блистательно и трагично. Общеизвестно, что болезнь сына и наследника русского престола была важным фактором в жизни его родителей, царя Николая II и императрицы Александры, а, следовательно, и в судьбе императорской России. В одном из наиболее серьезных политических исследований этого периода "Конец русской монархии" его автор, посол Великобритании в России сэра Бернарда Пэйра, категорически утверждает: "12 августа 1904 г. ... про-

изошло событие, которое более, чем что-нибудь другое, определило все дальнейшее направление исторического развития России. В этот день родился наследник престола, долгожданный и горячо просимый у бога". Пэйр считает, и это его утверждение до сих пор никто не оспаривает, что усилия отчаявшейся матери, пытающейся справиться с гемофилией, поразившей ее сына, привели к Григорию Распутину, выдающемуся чудотворцу из Сибири. Близость Распутина к трону, его влияние на императрицу и через нее на русское правительство привели или, по крайней мере, ускорили падение династии.

Есть люди, которые по политическим и другим соображениям продолжают утверждать, что Николай был "кровавым". Чаще всего о нем говорят как о человеке нерешительном, слабым, глупом, как о личности неполноценной, немощной, стоящей во главе коррумпированной, разлагающейся системы. Возможно, это — преобладающее мнение о последнем русском царе. Историки единодушны в том, что Николай был "хорошим человеком". Личное обаяние, деликатность, сильная привязанность к семье, глубокие религиозные чувства, патриотизм были настолько очевидны и ярко выражены, что их невозможно отрицать. Однако эти же историки считают, что личные черты не имеют отношения к делу и что, каким бы ни был человеком Николай, он был плохим царем. Качества, которыми мы восторгаемся в частной и в религиозной жизни, становятся второстепенными, когда речь идет о правителе. Мерилом величия как царей, так и президентов являются не их частная жизнь и не их намерения, а их дела.

Следуя этим меркам, можно сказать, что Николай не был великим царем. Исторически великие лидеры России — Иван Грозный, Петр Великий, Ленин и Сталин были из тех, кто грубой силой и террором вынуждали отсталую нацию делать рывок. Возможно, еще сейчас, в наши дни многие русские относятся с благоговением к тем жестоким правителям, которые ударами хлыста заставляли их двигаться вперед. Петр I, обрекавший своих врагов на мучительные пытки, вешавший их на Красной площади, предавший насильственной смерти своего сына, прозван Великим. Николай же, правление которого было мягче в сравнении с правлением любого из его предшественников, получает ярлык "кровавого".

Николай был человеком высокоинтеллекта, как, впрочем, каждый европейский монарх его времени или наших дней; своими достоинствами, слабостями и даже внешними данными Николай удивительно напоминал Георга V.

В Англии, где основное качество монарха состоит в том, чтобы быть "хорошим человеком", что автоматически означает быть "хорошим королем", Николай был бы замечательным монархом.

Однако судьба распорядилась иначе. Существовали еще возможности приспособить самодержавие к требованиям современности. Но вот по иронии судьбы для того, чтобы трагический конец стал неизбежным, судьба посылает Николаю гемофилию сына и Распутина. Это был последний удар, с которым не справился Николай и после которого самодержавная власть не могла удержаться. Гигантский ураган, разразившийся над Россией, унесил его самого и всех, кого он любил. Николай прилагал все силы для того, чтобы остановить это. Однако его усилия могли бы принести пользу жене и детям, но они были явно недостаточны для России.

Попав в паутину, которую он не мог разорвать, Николай заплатил за свои ошибки — он, его жена и пятеро детей приняли мученическую смерть: Но судьба не отняла у них все. Она сохранила нам самое главное. Вечные ценности, которыми они жили и за веру в которые были осмеяны, сделали их символом мужества и достоинства, который спустя многие годы светит нам. Эти человеческие ценности бессмертны, они будут жить независимо от взлетов и падений любой империи. Так что в конце концов он — победил.

Р. К. МЭЙССИ

САМОДЕРЖЕЦ

На зимнем бале 1894 г. вслед за выкриком главного церемониймейстера появился высокий, могучего сложения человек с бородой — царь Александр III. Рядом с ним в шитом серебром платье, блистая бриллиантовыми украшениями, со своей знаменитой бриллиантовой тиарой на голове была его темноглазая жена-датчанка, императрица Мария. Оркестр начи-

нал с полонеза. Затем на протяжении бала следовали кадрили, чакона, мазурка, вальс. В полночь начинался ужин. Поглощая салат из крабов, куриное суфле, взбитые сливки, пирожные, веселящаяся публика через двойные высокие окна дворца могла видеть, как бушующий зимний ветер гнал снежную пыль вдоль скованной льдом Невы. Царь ростом 6 футов и 4 дюйма походкой медведя прохаживался между столами, останавливаясь то там, то здесь для того, чтобы поболтать с гостями. Ровно в 1.30 царствующая чета покидала бал, и гости нехотя расходились по домам.

Александр III обладал огромной работоспособностью и необычайной физической силой. Он стигал рукой железные подковы и серебряные тарелки. Однажды во время официального обеда австрийский посол высказал предостережение относительно событий на Балканах и угрожающе заметил, что Австрия может в связи с этим в кратчайший срок мобилизовать два-три армейских корпуса. Александр III спокойно взял со стола серебряную вилку, согнул ее в узел и швырнул на тарелку австрийского посла со словами: "Вот так я собираюсь поступить с вашими корпусами". Встав на заре, перекинув ружье через плечо, царь отправлялся на целый день охотиться по лесам и болотам. Это был его способ отдохнуть и предаться размышлениям. Как медведь, на которого он походил внешне, царь был угрюмым, резким, скардным и подозрительным. Он был человек решительный, имел определенные симпатии и антипатии и твердую, целенаправленную волю. Приняв решение, он ложился в постель и крепко засыпал. Он не любил англичан и немцев и имел пристрастие ко всему русскому. Ненавидел все показное и считал, что истинно русский человек должен быть прост в поведении — манере, еде, речах и одежде. Он носил свою одежду — штаны и сапоги — до дыр. Королева Виктория однажды сказала об этом грузном царе, что он "был монархом, которого она не может считать джентльменом".

Александр III господствовал в своей семье так же, как он господствовал в своей империи. Своеобразную самостоятельную роль иг-

рала только его жена, поскольку она очаровала этого угрюмого гиганта. Его дети, особенно трое сыновей, вообще не пользовались никакой свободой. Царские слова означали приказание, и, по свидетельству одного из придворных, когда "царь говорил, создавалось впечатление, что он был готов ударить вас". Когда царь собирал маленький камерный оркестр, он господствовал и здесь, исполняя свою партию на фаготе.

Александр III был убежденным самодержцем, максимально использующим власть, данную ему его саном. Он мог бы стать приверженцем сильной самодержавной власти при любых обстоятельствах. В то же время особенно яростным сторонником такой власти сделало царя убийство его отца, царя-освободителя Александра II. Реакционные политические взгляды не мешали Александру III быть дальновидным царем. Он заключил военный союз с Францией и получил от французских банкиров огромные займы на строительство железных дорог в России. С одной стороны он начал реорганизацию русской армии, а с другой — решительно пресекал любые попытки, в том числе и провокационные, втянуть страну в войну. Несмотря на ненависть к немцам и ко всему немецкому, он привлек германских промышленников с их капиталами в угледобывающую и сталеплавильную промышленность России.

Стремление управлять такой огромной империей единолично требовало напряжения даже таких огромных сил и энергии, которыми обладал Александр III. Императорская чета жила в

Аничковом дворце, расположенном на Невском проспекте.

Жена Александра III была наделена талантами, помогавшими ей в ее положении императрицы. Она была урожденной датской принцессой Дагмарой, младшей сестрой Александры, вышедшей замуж за принца Уэльского Эдварда и ставшей впоследствии королевой Англии.

К тридцати годам Мария Федоровна выполнила династические обязанности, родив пятерых детей: Николая (1868 г.), Георгия (1871 г.), Ксению (1875 г.), Михаила (1878 г.) и Ольгу (1882 г.).

Поскольку царь был поглощен своей работой, Мария Федоровна воспитывала и опекала детей, наблюдала за их обучением, руководила ими, давала советы и была поверенной их тайн. Часто ей приходилось играть роль буфера между ее растущим молодым поколением и сильным, грубоватым человеком — их отцом. Ее старший сын, застенчивый царевич Николай, особенно нуждался в ее поддержке. Все в облике царя вызывало страх и благоговение царевича. И это было неудивительно. Вот один из примеров. В октябре 1888 г. недалеко от Кракова императорский поезд сошел с рельс. Царь со своей семьей в это время ел пудинг в вагоне-столовой. Крыша вагона начала проваливаться. Царь, обладавший невероятной силой, подставил под опускающуюся крышу свою спину и держал ее до тех пор, пока его жена и дети не выскочили из вагона невредимыми. Мысль о том, что когда-нибудь он должен будет занять место своего могущественного отца, подавляла молодого Николая.

ЦАРЕВИЧ НИКОЛАЙ

То, что судьба сделала Николая царевичем, а затем возвела его на русский престол, имело свой особый смысл и значение. Он не был первенцем в семье Александра III. Более того, в результате ряда тяжелых семейных обстоятельств он был лишен той поддержки, которую мог бы как царствующий монарх получить у своих братьев. Старший — Александр — умер в детстве. Другой — Георгий — был его ближайшим товарищем детства. Николай восхищался юмором Георгия. Как только брат раздражался шуткой, Николай тщательно записывал ее на листке бумаги и складывал эти листки в особую коробку. Много лет спустя, будучи царем, Николай хохотал, запершись один в кабинете, перечитывая свое собрание анекдотов Георгия. К несчастью, еще в юности Георгий заболел туберкулезом обеих ног, был отправлен в сопровождении избранных слуг на высокогорные солнечные поселения Кавказа. Младший брат, Михаил, был на десять лет моложе Николая и уже в силу разницы в возрасте не мог стать для него серьезной поддержкой.

Несмотря на то что дворец в Гатчине насчитывал девятьсот роскошно убранных комнат, Николай с братьями и сестрами воспитывались в спартанской суровости. Их отец, царь Александр III, каждое утро вставал в 7 часов, умывался ледяной водой, оде-

вался по-крестьянски, варил себе кастрюлю кофе и садился за рабочий стол. Позже, когда вставала Мария Федоровна, он завтракал с ней вареными яйцами с ржаным хлебом. Дети спали на простых солдатских койках с жесткими подушками, утром принимали холодную ванну и ели кашу на завтрак. В обед, когда они встречались с родителями, было много еды, но детям подавали в самую последнюю очередь после всех гостей, и, поскольку они должны были вставать из-за стола, как только поднимался отец, они часто оставались голодными. Полноценные обеды у детей были тогда, когда они обедали одни без родителей. Эти обеды превращались иногда в неуправляемые сборища, во время которых братья и сестры бросали друг в друга кусками хлеба через стол.

Николай получил домашнее образование. Его обучали преподаватели по языку, истории, географии. К нему приходил учитель танцев, с бакенбардами, в белых перчатках, требовавший, чтобы на пианино аккомпаниатора стояла большая ваза со свежими цветами. Среди преподавателей самым главным был Константин Петрович Победоносцев. Блестящий философ, человек реакционных взглядов, Победоносцев был, как его называли, "великим проповедником социального застоя", "самым влиятельным и мрачным представителем последнего царствования". Он был преподавателем детей Александра II, и, будучи молодым человеком, Александр III стал его преданным, верящим в него учеником. Победоносцев принял на себя обязанности воспитателя царевича Николая.

В двадцать один год Николай был стройным молодым человеком, 5 футов и 7 дюймов ростом, с квадратным открытым лицом своего отца, с выразительными глазами своей матери и необычайно притягательным собственным обаянием. Его лучшими отличительными чертами были обходительность, доброта, дружелюбие. "Ники улыбался своей обычной ласковой, застенчивой, немного грустной улыбкой", — писал его младший двоюродный брат и близкий друг великий князь Александр Михайлович. Готовый сам любить всех, Николай ожидал, что окружающие будут любить его. И насколько это было возможно через барьеры лесты и этикета, окружавшие его сан, они делали это.

Во многих отношениях его образцованность была замечательной. У него была необычайная память, и он хорошо знал историю; говорил по-французски и по-немецки, а его английский был настолько хорош, что мог ввести в заблуждение профессора Оксфордского университета, который мог принять его за англичанина. Николай замечательно ездил верхом, грациозно танцевал и был прекрасным стрелком. Его учили вести дневник, и, как многочисленные дворяне и принцы того времени, он добросовестно, день за днем, записывал состояние погоды, количество подстреленных птиц, имена тех, с кем прогуливался или обедал.

В мае 1890 г., за несколько дней до своего 22-летия, Николай записал в своем дневнике: "Сегодня навсегда окончил свое обучение". Главная обязанность царевича после того как он заканчивал свое

*Императрица
Мария Федоровна
со своим
старшим сыном,
царевичем Николаем.*

обучение и становился взрослым, состояла в том, чтобы как можно более незаметно ждать, когда наступит его время стать царем. В 1890 г. Александру III было только сорок пять лет. Он мог еще царствовать ближайшие 20—30 лет и поэтому не торопился воспитывать в Николае качества, позволившие бы ему стать его преемником. Николай с удовольствием выполнял предназначенную ему роль светского молодого рассеянного человека. Он появлялся на

совещании императорского совета, при этом не сводил глаз со стрелок часов. При первой возможности он исчезал.

В течение зимы 1890 г. Николай выезжал каждый вечер. В январе он присутствовал на двадцати представлениях. Иногда посещал театр два раза в день — оперу и балет. Именно в это время он увидел балет Чайковского "Спящая красавица", впервые поставленный в Петербурге. Николай присутствовал на генеральной ре-

*Отец и сын —
Александр III
и Николай.*

*Фотография на память.
Николай
и Александра
в кругу европейских
монархических
семейств.
(См. стр. 177)*

петиции и на двух спектаклях, посещал театральные представления на немецком, французском и английском языках, в том числе "Венецианского купца" Шекспира. Особенно любил оперы "Евгений Онегин" и "Борис Годунов". В феврале он даже решил исполнить маленькую роль в "Евгении Онегине".

Когда наступал великий пост, Николай оставался дома, обедал с матерью, играл в карты с друзьями. В его комнате во дворце теле-

фон был установлен таким образом, что он по специальной линии мог слушать оперу Чайковского "Иоланта" прямо из театра. Наследник регулярно сопровождал своего отца на охоте, оставляя дворец на вечерней заре и проводя день, охотясь по лесам и болотам на фазанов и зайцев.

Особое удовольствие Николаю доставляло присутствие на площади перед Зимним дворцом верхом на белом коне с рукой, застывшей в приветствии перед эс-

кадронами казаков в огромных меховых шапках, надвинутых низко, почти на самые брови, гарцевавших мимо со знаменами, развевающимися над пиками. Армия с ее великолепием и блеском, с ее историей привлекала и очаровывала Николая на протяжении всей его жизни. Ни один из титулов, возможно, не значил для него больше, чем звание полковника, пожалованное ему отцом.

В девятнадцать лет Николай стал командиром эскадрона конной гвардии и отправился в Красное Село, самый большой под Петербургом военный лагерь, для проведения летних маневров императорской гвардии. Заняв отдельный домик со спальней, кабинетом, гостиной и балконом, выходящим на маленький садик, он погрузился в приятную, не отягощенную размышлениями жизнь, обычную для русского богатого молодого офицера из дворянской аристократической среды. С удовольствием участвовал во всех сплетнях и жизни этого сообщества. Его скромность обеспечила ему популярность среди молодых офицеров.

Николай был совсем молодым офицером, когда в 1890 г. встретил семнадцатилетнюю балерину Императорского театра Матильду Кшесинскую — маленькую подвижную девушку, тоненькую, в расцвете красоты, с точеной шеей, темными кудрями и веселыми глазами. Кшесинская прошла десятилетнюю суровую школу балетного танца и в 1890 г. закончила ее первой ученицей. Случилось так, что на выпускном спектакле и на ужине в честь выпускниц присутствовала вся императорская семья.

В своих мемуарах Кшесинская вспоминает приезд царя Александра III. Он возвышался над всеми остальными и спросил громким голосом: "Где Кшесинская?" Когда ему представили эту маленькую девушку, он сказал ей с большой теплотой: "Будьте слабой и украшением нашего балета". Во время ужина царь сам занял место рядом с Матильдой. Затем, когда он ушел, рядом с ней сел царевич. Кшесинская посмотрела на Николая, и, как она пишет, "в наших сердцах вспыхнула любовь, которая с непреодолимой силой покорила нас, и мы потянулись друг к другу". Запись Николая в дневнике была более лаконична и сдержанна: "Мы были на вечеру в театральной школе. Посмотрели короткую пьесу и балет. Это было восхитительно. Ужин с учениками".

Николай обращал внимание не только на Кшесинскую. Наследник считал молодую балерину привлекательной; она была всегда рядом, под рукой и старалась всеми возможными способами дать ему понять, как сильно он ей нравится. Однако более серьезными были чувства наследника к высокой с золотистыми волосами немецкой принцессе Алисе Гессен-Дармштадтской.

Алиса была младшей сестрой великой княгини Елизаветы, двадцатипятилетней жены великого князя Сергея Александровича, дяди Николая. Елизавета, или, как ее называли, Элла, была веселой молодой женщиной. Она устраивала катания на коньках, семейные театральные постановки и вносила молодое оживление в императорскую семью. Николай был частым гостем дома своей

молодой тетки. Его визиты участились, когда в Петербург приехала сестра Эллы — Алиса. Серьезная и застенчивая Алиса таила в себе глубокий внутренний огонь. Когда она останавливала свои серо-голубые глаза на Николае, он испытывал своего рода потрясение. К несчастью, она жила далеко, в земле Гессен-Дармштадт, а его родители видели мало оснований для того, чтобы рекомендовать русскому царевичу заключить союз с незначительной немецкой принцессой.

...Карьера девятнадцатилетней Матильды Кшесинской была на подъеме. Она танцевала ведущие партии в балетах Чайковского, в том числе Аврору в "Спящей красавице". Сам Чайковский приезжал на ее репетиции и сопровождал балерину на пианино. Однажды после окончания спектакля, в котором Матильда танцевала принцессу Аврору, великий композитор пришел в ее уборную поздравить ее. Позднее Матильда Кшесинская станет в один ряд с Анной Павловой и Тамарой Карсавиной — великими балеринами дореволюционной России.

В глазах общества связь наследника престола и балерины не вызывала осуждения. Высокие титулы и ножки хороших балерин были неотделимы. Многие вызывавшие восторг и глубокое поклонение молодые танцовщицы кордебалета Императорской балетной труппы Мариинского театра, накинув плащ на свои плечи, подобрав пышные юбки, вступали в обтянутые внутри бархатом роскошные кареты для того, чтобы отправиться на частный ужин в один из элегантных дворцов столицы.

Николай никогда не скрывал от Кшесинской своего влечения к принцессе Алисе Гессен-Дармштадтской. В начале 1894 г. он сказал Матильде о надеждах сделать Алису своей невестой. В том же году Николай и Матильда расстались. Прощание произошло на дороге: Матильда была в карете, Николай — верхом. Когда он исчез из вида, Матильда заплакала.

ПРИНЦЕССА АЛИСА ГЕССЕНСКАЯ

"Сокровенная мечта моего сердца — жениться на Алисе Гессенской. Я так давно ее люблю. Особенно глубоко и сильно после ее шестинедельного пребывания в Петербурге в 1889 г. Я долго боролся со своим стремлением превратить эту мечту в действительность". Так Николай начал в 1892 г. свои записи в дневнике. В это время Николай был обескуражен перспективами своих отношений с Алисой. Дело в том, что русское общество не разделяло упорных восторгов наследника относительно этой немецкой принцессы с золотисто-рыжими волосами. Алиса произвела плохое впечатление во время своих визитов в Петербург к великой княгине Елизавете Федоровне. Плохо одета, неуклюжая, неловко танцующая, с ужасающе плохим акцентом во французском языке, вспыхивающая как школьница, слишком застенчивая, чересчур нервная, очень высокомерная — вот часть тех неприятных суждений, которые сложились в Петербурге об Алисе Гессенской.

Общество почти открыто иг-

норировало Алису, чувствуя себя в полной безопасности, поскольку было известно, что Александр III и императрица Мария Федоровна с их антигерманскими настроениями не могут иметь никаких планов относительно союза наследника с этой принцессой. Алиса была крестницей Александра III. Однако все знали, что царь ищет более значительную партию для своего сына.

Прежде чем отправиться в путешествие на Восток, Николай записал в своем дневнике: "О, Господи, как я хочу уехать в Ильинское (имение Елизаветы Федоровны, где гостила Алиса), если я не увижу ее теперь, я должен буду ждать целый год, а это непереносимо". Родители продолжали охлаждать его пыл. Они говорили, что Алиса никогда не перейдет в православие, чтобы выйти за него замуж. Николай умолял, чтобы ему разрешили увидеть ее и сделать предложение. И если Алиса отвергнет его, он никогда не женится — так думал Николай. До тех пор, пока Александр III физически чувствовал себя хорошо, он не обращал внимания на просьбы сына. Но зимой 1894 г. царь заболел инфлюэнцей и вдобавок появились неприятности, связанные с почками. Его жизнеспособность стала угрожающе падать. Царя начала беспокоить мысль о том, что будет с Россией, если он уйдет. Никакие экстренные меры не могли изменить тот факт, что царевич не имел никакого опыта в управлении страной. Александр III решил, что в данной ситуации женитьба может хоть в каком-то отношении стабилизировать положение наследника. Поскольку Алиса была единственной девуш-

кой, о которой можно было вести разговор с Николаем, Александр III и Мария Федоровна нехотя согласились разрешить царевичу сделать ей предложение.

Аликс-Виктория-Елена-Луиза-Беатриче, принцесса Гессен-Дармштадтская, родилась в июне 1872 г. в средневековом городе Дармштадте, расположенном в нескольких милях от Рейна. Она была названа именем своей матери — Алисы Английской, третьей из девяти детей королевы Виктории. "Аликс" — наиболее близкое в немецком языке фонетическое звучание к "Элис" в английском. "Они изуродовали мое имя здесь, в Дармштадте. Они произносят его как "Элизе", — говорила ее мать.

Аликс родилась "милым, веселым существом, смеющимся, с ямочкой на одной щеке", — писала ее мать королеве Виктории. Когда ее крестили (крестными были будущий царь Александр III и будущий король Эдуард VII), мать уже называла Аликс "солнышко". "Наше солнышко, одетое во все розовое, вызывало необычайное восхищение", — сообщает Элис-мать в Виндзорский замок.

Дармштадт был старым немецким городом с узкими, выложенными брусчаткой улицами, с сонными кровлями над домами, украшенными резьбой и гравировкой XIV века. Дворец великого герцога находился в центре города, окруженный парком, в котором росли липы и каштаны. Комнаты дворца дочь королевы Виктории, вышедшая замуж за великого герцога, наполнила всем тем, что ей живо напоминало бы Англию.

Аликс еще не было шести лет,

*Ники и Аликс,
принцесса
Гессен-
Дармштадтская.*

когда она уже правила своим маленьким экипажем, запряженным пони. Ее сопровождал ливрейный лакей, важно шедший рядом с головой маленькой лошадки. Летом ее отец, великий герцог Людвиг, забирал свою семью в охотничье поместье Фонгартен. Здесь Аликс проводила утренние часы в зальтом солнцем дворе перед домом, бегая вверх и вниз по каменным ступеням или сидя у фонтана и погружая руки в воду, пытаясь поймать золотую рыбку. Она обожала надевать платья своей матери и с важным видом спускалась в холл, утопая в кринолине, воображая себя сказочной волшебницей.

В 1878 г., когда ей было 6 лет, дизентерия опустошила замок в Дармштадте. Заболели все, кроме одного, дети герцога. Королева Виктория послала своего личного доктора, чтобы помочь докторам в замке Дармштадт. Измученная уходом за детьми, заболела мать девочки, принцесса Элис. Менее чем через неделю она умерла. Смерть матери, которой было 35 лет, поразила шестилетнюю Аликс. Она тихо, с отсутствующим, окаменевшим видом сидела в комнате для игр. Ее нянька стояла в углу и плакала. Все изменилось в доме. Даже игрушки — старые знакомые — были сожжены в целях предотвратить распространение заразы. После этой трагедии Аликс, веселая, добрая маленькая девочка, упрямая, но отзывчивая, с горячим темпераментом, стала отгораживаться от людей. Тяжелый гнет внутреннего одиночества подавил ее. Лучезарная улыбка, так часто сиявшая на ее лице раньше, почти исчезла. Она пресекала все попытки к за-

душевным отношениям и любви. Незнакомые места стали для нее неприятны так же, как и незнакомые люди. Только в тесном семейном кругу, в окружении любящих и понимающих ее людей, Аликс менялась — застенчивая, серьезная и холодная принцесса опять становилась веселой, любящей, с ямочками на щеках, становилась "солнышком", как в своем раннем детстве.

После смерти дочери королева Виктория стала относиться к великому герцогу Гессенскому как к своему сыну, часто приглашала его с детьми-сиротами в Англию. Аликс, теперь самая младшая, стала любимицей стареющей королевы, и Виктория старалась знать все о жизни своей маленькой внучки. От преподавателей и гувернанток в Дармштадте требовалось направлять специальные доклады в Виндзорский замок, откуда в ответ шел непрерывный поток советов и инструкций от королевы. Неудивительно, что такая опека привела к тому, что у Аликс сформировались чисто английские и, более того, викторианские нормы морали и вкусы. В результате будущая императрица России превращалась в личность с определенными яркими чертами, вызывавшими бесспорное уважение, — в молодую представительницу высшей английской аристократии.

Аликс была прилежной ученицей. К 15 годам она получила серьезную подготовку по истории, географии, по английской и немецкой литературе. Она была прекрасной, почти виртуозной пианисткой, однако не любила выступать публично.

Впервые Аликс приехала в Пе-

тербург, когда ей было 12 лет, на свадьбу своей сестры Эллы с великим князем Сергеем Александровичем, младшим братом Александра III. Она с интересом наблюдала, как ее сестру на вокзале в Петербурге встречала золоченая карета, запряженная белыми лошадьми. Во время свадебной церемонии в церкви Зимнего дворца Аликс стояла сбоку в белом муслиновом платье с розами в волосах. В перерывах между длительными, непонятными для нее песнопениями литургии и каждениями, наполнявшими церковь чудными ароматами, она бросала тайные взгляды на шестнадцатилетнего царевича Николая. Николай подарил ей маленькую брошь. Растерявшись, Аликс взяла ее, но потом на одном из детских вечеров потихоньку сунула эту брошь в руку Николая. Царевич обиделся и отдал брошь своей сестре Ксении, которая, ничего не подозревая, с удовольствием приняла ее.

Затем Аликс и Николай встретились пять лет спустя, в 1889 г., когда она приехала навестить Эллу. Теперь ей было 17 лет, ему 21 — возраст, когда молодые люди и девушки влюбляются. Они видели друг друга на приемах, балах, ужинах. Однажды днем он зашел за ней, чтобы взять с собой на каток, в который был превращен замерзший пруд, и покатать на санках по ледяным горам. Прежде чем Аликс покинула Петербург, Николай уговорил родителей устроить в Александровском дворце Царского Села специальный вечер танцев с чаем и ужином с блинами и икрой.

На следующее лето Аликс вернулась в Россию — на этот раз не

в Петербург, а в Ильинское, имение великого князя Сергея Александровича под Москвой. Здесь Элла с мужем жили спокойной жизнью помещиков-аристократов, приглашая к себе друзей на длительные сроки. Лето было в разгаре, и они занимали себя неторопливыми поездками по близлежащим лугам или прогулками по лесу за грибами и ягодами. В первый раз Аликс видела безбрежные русские поля, роши белоснежных берез и крестьян в рубахах и лаптях. Она была тронута их глубокими поклонами, полными уважения к ней, иностранке. Вместе с Эллой побывала на деревенской ярмарке, где с восторгом покупала деревянные игрушки и пряники, которые она увезла домой.

В это посещение Аликс и Николай не виделись, так как Николай уехал в кругосветное путешествие. Но у Аликс усиливалась уверенность в том, что она любила русского царевича. С самого начала их знакомства Николай был вежливым и деликатным. Ей нравились его задумчивость и обаяние, его зовущие голубые глаза. Она видела, что родители продолжают относиться к Николаю как к мальчику. Но в то же время она видела и другое — спокойную настойчивость, с которой он добивался ее, несмотря на то что родители не разделяли его стремлений. Преданность делала его человеком, на которого она могла положиться.

Вместе с тем непреодолимым в глазах Аликс препятствием на пути к возможному замужеству с застенчивым любящим Николаем была разница в вероисповедании. Приняв конфирмацию в 16 лет,

Аликс выполняла требования лютеранской веры со всем жаром своей эмоциональной и страстной натуры. Она, воспринимавшая в жизни все серьезно, особенно глубоко относилась к религии. Так легко отказаться от веры, которой она поклялась быть верной, было в ее глазах бунтом против бога. А поскольку Аликс была уже влюблена в Николая, ее раздирали сомнения.

Летом 1894 г. должна была состояться свадьба Эрнеста, брата Аликс, занявшего престол герцогства Гессен-Дармштадт после смерти отца. Свадьба в Кобурге должна была собрать высших представителей правящих монархий Европы. Королева Виктория, которой в то время было 75 лет, со своим сыном Эдвардом, принцем Уэльским, — из Англии, кайзер Вильгельм II, 35-летний внук Виктории, — из Берлина, Николай, вырвавший у своих родителей разрешение сделать предложение Аликс, — из России. Теплым апрельским вечером Николай сел в поезд в Петербурге в сопровождении трех из четырех братьев Александра III — великих князей Владимира, Сергея и Павла. Спустя полтора суток поезд прибыл в Кобург. Когда Николай, одетый в полную парадную форму, вышел на платформу, его встречала Аликс. В этот вечер они обедали и были в оперетте вместе со всей семьей. На следующее утро, потеряв голову и будучи не в состоянии больше ждать, Николай отправился прямо к Аликс и сделал ей предложение. В своем дневнике и в письме к матери он описывает то, что произошло. "Боже мой, какой день! — пишет он в дневнике. — Около 10 часов после кофе я

пошел к Аликс вместе с Эллой. Она была особенно хороша, но печальна. Мы остались вдвоем, и между нами начался разговор, которого я так давно ждал и так сильно хотел и в то же время очень боялся. Наступил полдень, а мы еще продолжали говорить без всякого результата: она не хотела менять свою религию. Бедная девочка, она так плакала. Когда мы расставались, она немного успокоилась". В своем письме родителям в Гатчину Николай писал: "Я старался объяснить ей, что она не может не дать своего согласия, что она просто не может этого избежать. Аликс плакала и время от времени шептала: "Нет, я не могу". Я продолжал настаивать... На это ушло два часа, которые ни к чему не привели". Но Николай не был одинок в своих попытках добиться согласия.

Отношения Николая и Аликс занимали всех, собравшихся на свадьбу герцога Гессенского. Во время самой свадебной церемонии Николай находился рядом с Аликс. "Как сильно я хотел в этот момент заглянуть в глубину души Аликс", — писал он.

На следующий день после церемонии Аликс сдалась. Николай с восторгом записывает в своем дневнике: "Изумительный, незабываемый день. Сегодня моя любимая, обожаемая Аликс дала согласие. Около 10 часов утра она пришла к тете Мэшэн (Мария Павловна, жена старшего дяди Николая, великого князя Владимира), и после долгого разговора с ней мы пришли к взаимопониманию. О, боже, какая гора свалилась с моих плеч... Целый день я был как в тумане, не отдавая себе до конца отчета в том, что со

мною произошло. Вильгельм (кайзер) сидел с родственниками в соседней комнате, ожидая конца наших переговоров. Затем вместе с Аликс я пошел прямо к королеве (Виктории). Все родственники были в восторге. После ленча мы пошли в церковь Святой Марии и отслужили благодарственный молебен. Я до сих пор не верю, что обручен". В письме к матери Николай пишет: "Нас оставили вдвоем, и она с первых же минут согласилась... Я плакал как ребенок, и она тоже. Выражение ее лица изменилось совершенно — оно озарено спокойствием и покорностью... Весь мир изменился для меня: природа, люди — все стало казаться добрым и любящим. Она тоже совершенно стала другая — веселая и занятая, разговорчивая и нежная".

На следующее утро Николай проснулся и услышал цоканье лошадиных подков по брусчатке мостовой и резкие выкрики военных команд. Это драгуны ее королевского величества Виктории проходили под его окнами строем почетного караула в его честь. "В 10 часов, — пишет Николай в своем дневнике, — моя восхитительная Аликс зашла за мной, и мы отправились вместе на утренний кофе к королеве". Теперь в течение всего пребывания в Кобурге день начинался с утреннего кофе с "бабушкой". Королеве Виктории доставляло большое удовольствие видеть эту молодую пару. Неисправимый романтик и неутомимая труженица в матриониальных делах царствующих семейств, королева Виктория любила окружать себя влюбленными молодыми людьми с мягким сиянием глаз. Аликс была ею

особенно любима, и теперь, когда обручение состоялось, королева хотела насладиться их счастьем. В этот день было холодно и пасмурно. Но, как пишет Николай, "для меня — все сияло". Поскольку так много родственников собралось вместе, принц Альберт предложил сфотографироваться всем вместе. Сделанная фотография представляет собой внушительную панораму европейских монархических семейств. Старая королева со своей тростью, маленькая и неукротимая, сидит в центре, в первом ряду. Кайзер с устрашающего вида усами — единственный мужчина, который на этой фотографии сидит, — одет в мундир. Николай небольшого роста, спокойный и кроткий, в мягкой шляпе с полями, стоит рядом с Аликс, которая выглядит прелестной, но без тени улыбки.

Со всех концов поступали поздравительные телеграммы. "Несмотря на то что мы отвечали непрерывно целый день, — жаловался Николай, — гора телеграмм не уменьшалась, а скорее увеличивалась. Кроме того, казалось, что каждый живущий в России послал цветы моей невесте".

Несмотря на то что царь Александр III и императрица противились этому союзу, они смирились и отнеслись к событию, как только оно свершилось, должным образом. Аликс написала императрице Марии Федоровне письмо, в котором называла ее "тетя-мама". В письме к Николаю Мария Федоровна отвечала: "Твоя дорогая Аликс стала для меня почти дочерью. Скажи Аликс, что ее письмо глубоко тронуло меня... только... я не хочу, чтобы она называла меня "тетя-мама". Я для

нее теперь — "дорогая мама".

Весна неожиданно пришла в Дармштадт. Парк наполнился цветами, воздух — ароматами и теплом. Николай все еще не мог поверить своему счастью. "В последние дни она так изменилась в отношениях со мной, что я весь переполнен радостью. Сегодня утром она написала целых два предложения по-русски без ошибок", — сообщает он. Когда все отправлялись на прогулку в каретах, Николай и Аликс ехали сзади в повозке, запряженной пони, с поводьями в руках. Они гуляли, собирали цветы, отдыхали у прудов с золотыми рыбками. Они всегда обедали вместе. "Нам нелегко переносить присутствие посторонних, когда каждому из нас нужно сказать друг другу так много", — жаловался Николай. По вечерам они ходили на концерты в местный театр.

Николай стал проводить каждый вечер вдвоем с Аликс в ее комнате. "Мы долго были вместе, и она была необычайно нежна со мной... Как странно, что теперь я могу приходить и уходить, когда хочу, без всяких запретов. Но как трудно расставаться с ней даже вечером, на одну ночь".

Наконец после десяти блаженных дней пришло время расставаться. Он провел последний вечер в комнате Аликс. За окном шел теплый весенний дождь. "Как горько уезжать от нее теперь надолго, — пишет он. — Как хорошо нам было вдвоем — настоящий рай".

На следующий день он отправлялся на восток, в Россию. Его сердце было переполнено любовью и печалью. На пальце было кольцо. "Первый раз в жизни я на-

дел кольцо. Мне это кажется немного смешным".

В этом году Николаю казалось, что май никогда не кончится. В парке благоухали лилии. Николай писал Аликс одно письмо за другим. Наконец в июне он сел на борт императорской яхты "Штандарт", которая через Балтийское и Северное моря помчала его к Аликс в Англию. Через четыре дня, в конце пути, около берегов Англии он написал: "Завтра я опять увижу мою возлюбленную... Я сойду с ума от восторга". Он высадился в Грейвсенде, сел на поезд и прибыл на вокзал Ватерлоо в Лондоне "прямо в объятия моей невесты, которая была как никогда прекрасна".

Вдвоем они отправились в Уэлтон-на-Темзе, имение Виктории Баттенбергской, старшей сестры Аликс. Там, на берегу тихо струящейся реки, они провели три незабываемых дня. Они бродили по лугам, покрытым ярко-зеленой травой, собирали цветы и фрукты в саду. Они сидели около дома на траве под огромным каштаном. Аликс вышивала, а Николай читал ей вслух. "Мы были вне времени. Погода стояла замечательная. На лодке мы поднимались вверх по течению, а затем плыли назад, устраивая маленькие пикники на берегу. Чудная идиллия", — писал царевич матери. Много лет спустя как Николай, так и Александра продолжали помнить каждую мелочь этих трех солнечных дней, проведенных в английском загородном имении, и одного упоминания Уэлтона было достаточно, чтобы вызвать слезы счастья на глазах Александры Федоровны.

В своих письмах к матери царевич извинялся за то, что не может

писать домой чаще. "Каждую минуту, — объясняет он, — я вскакиваю, чтобы поцеловать ее". Во время одного из таких посещений Аликс узнает, что Николай ведет дневник. Теперь она сама время от времени делает записи в его дневнике. Эти записи, в большинстве случаев сделанные по-английски, начинаются короткими репликами. Например, такими: "Тысячу раз целую моего любимого", или "навсегда, навсегда...", или "Да благословит тебя Бог, мой ангел". А затем следовали стихи или молитвы.

"Мне снилось, что я влюблена. Я проснулась и узнала, что это — правда, на коленях я благодарила Бога за это счастье. Истинная любовь — это дар божий. Каждый день она становится сильнее, глубже, полнее и чище". Видя такую всепоглощающую любовь к себе, Николай счел необходимым открыть некоторые эпизоды из своей прошлой жизни. Он решил рассказать ей о Кшесинской. Несмотря на то что Аликс было только 22 года, она оказалась на высоте, как истинная внучка королевы Виктории. Она простила его великодушно, со слезами на глазах, однако прочла короткое наставление, в котором Николай выглядел как типичный представитель мужского пола, получивший исцеление в результате возвышенной любви.

"Что было, то было. Прошлое никогда не вернуть. Всех нас подвергают искушению в этом мире, и когда мы молоды, нам особенно трудно устоять и не поддаться искушению. Но если мы сумеем раскаяться, Бог простит нас. Извини, что я говорю об этом так много, но я хочу, чтобы ты был уверен в моей

любви к тебе. Я люблю тебя еще сильнее после того, как ты рассказал мне эту историю. Твое доверие так глубоко тронуло меня. Я постараюсь быть достойной его. Благословит тебя господь, мой любимый Ники..."

Перед отъездом из Англии царевич и его невеста отправились к королеве в Осборн, королевскую резиденцию на острове Уайт. Из окон дворца они любовались флотилиями судов с парусами, надуваемыми ветром. Николай снял ботинки и как мальчишка гонялся за волнами, набегавшими на берег.

Этой идиллии, продолжавшейся шесть недель, пришел конец в последних числах июля. Аликс оставила запись в дневнике Николая: "Мы нашли свою любовь. Я связала ей крылья. Она никогда не исчезнет и не покинет нас. Она всегда будет звучать в наших сердцах".

Когда императорская яхта "Северная звезда", на борту которой находился царевич, проходила Дувр, он прочел слова, записанные Аликс в его дневнике, слова, похожие на молитву: "Спи спокойно. Волны убаюкают тебя. Ангел-хранитель — всегда с тобой. Нежно тебя целую". "Мы навсегда принадлежим друг другу. Я — тебе. В этом ты можешь быть уверен. Ключ от моего сердца, в котором ты заключен, — потерян, и тебе никогда не выйти оттуда".

В дневнике была и другая запись, странные пророческие слова:

"Прошлое принадлежит прошлому, и мы его не можем вернуть. Будущего мы не знаем. И только настоящее принадлежит нам".

Продолжение следует

Рубрику ведет
Нина ТИХОНОВА

ДОРОГА К ЧЕРНОМУ "МЕРСЕДЕСУ"

Логично предположить, что фанаты и особенно фанатки Дмитрия Маликова знают об этом певце все. Собирают статьи из разных изданий, слушают беседы с артистом по радио и ТВ. Средства массовой информации не обижают Диму невниманием.

В такой ситуации любопытно, что в редакцию продолжают приходить письма, в которых читатели просят рассказать даже о самой звездной звезде с начала — кто такой, откуда взялся? Полагаю, для молодежной аудитории это простительно — подрастает новое поколение и знать не знает, что там было год-другой назад.

Спешу уведомить юных читателей, что за последнее время в жизни Димы не произошло особенных перемен. Недавно я встречалась с ним после длительного перерыва. Изумило, когда почти с порога Маликов слово в слово повторил то же самое, что рассказывал год назад и с тех пор повторял чуть не в каждом интервью. "Он что, навсегда текст зазубрил?" — советовалась я потом с коллегами.

Впрочем, почему мы ждем, будто у звезды дни так и пестрят экстраординарными событиями?

Что касается Димы, скорее наоборот: он трудяга, по уши в своей музыке, только тренировка на рояле занимает чуть что не полчаса, поэтому житейских впечатлений у музыканта едва ли не меньше, чем у обычного человека. Вот и кажется, что рассказывает он все об одном и том же.

Да, Дима Маликов по-прежнему сын Юрия Федоровича Маликова, руководителя ансамбля "Самоцветы". Того самого, где с успехом солировала в свое время мама Володи Преснякова и играл на саксе Пресняков-старший. Так что все это — одна компания, одна, как теперь говорят, "мафия". Хотя к творчеству Димы это имеет только то отношение, что он с детства рос в культурной музыкальной среде — что заметно сказалось на его искусстве, лично для меня очевидно выделяющимся на фоне общей артистической безграмотности юной попры.

С точки зрения протекции, отец, безусловно, помог Диме раскрутиться, но, думаю, конкуренция между детьми из актерских династий едва ли не круче, чем между сиротами. Как известно, в этом вопросе Диме помогла мама

Фото Дмитрия ЛОВКОВСКОГО

— танцовщица, от которой он унаследовал привлекательную внешность. В остальном "наследные" сынки поначалу раздражают публику, представляются исключительно "блатными" и тем усерднее должны доказывать свое право на успех.

Ну вот, хотите новость? Дима намерен после концертов в Тольятти купить с конвейера черные "Жигули" — девятку. (Черный цвет — его любимый.) Готов приобрести аналогичной окраски "мерседес-230Е". (Не спутайте цифры, когда поспешите с предложениями или решите обзавестись такой же "тачкой", как у кумира.) Это обыденные нюансы биографии звезды.

А для того чтобы иметь машину, дорогие мальчики и девочки, обязательно становится мясником или главой совместного предприятия по поиску сексуальных партнеров. Дима, например, окончил музыкальную школу, училище при консерватории и нынче заканчивает второй курс на фортепианном отделении Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского.

В своей сольной программе, впервые показанной в Москве в концертном зале "Олимпийский" 24 ноября 1990 года, Дима соединил песенную попсу с исполнением произведений своих любимых композиторов — Рахманинова и Листа. Это благородная затея — приобщить молодежь к классике через эстраду. Я вполне согласна с Маликовым — у великих композиторов прошлого есть шлягеры как-нибудь покруче нынешних.

Интеллигентность песенного

репертуара, который Дима сочиняет для себя сам, определяет качество аранжировок и звукозаписи. На мой взгляд, "отделка" удастся Маликову лучше, чем сочинение мелодии. Он подолгу возится с каждой вещью, варьирует, что-то меняет. Поэтому в его репертуаре долгое время крутилось всего пять песен: "Ты моей никогда не будешь" (в народе она известна как "Ты со мной никогда не станешь" или "Ты моим никогда не будешь" — да не оскорбят подобные переделки памяти автора стихов Давида Самойлова), "Лунный сон" — поэзия Лилии Виноградовой, "До завтра", "Студент" и "Брачный кортеж" на тексты Александра Шаганова, того самого, что сотрудничал с "Черным кофе" и "Любэ".

С Шагановым Маликов создал новую песню — "Бедное сердце". Премьера ее совпала с гибелью Виктора Цоя, и Маликов переименовал работу в "Посвящение", позже добавив, что поминает этой композицией и Высоцкого, и Леннона, Хендрикса, Моррисона, Джоплин.

Дима по-прежнему творит не быстро. За год к репертуару добавилось всего две песни. Вторая премьера — "Сторона родная". Попытка воплотить заветную Дмину идею: насытить диско национальным русским звучанием. Цель, по моему убеждению, замечательная и открывает чуть ли не единственный возможный путь отечественной эстрады на Запад. Однако Дима говаривал о непрямолинейной, внутренней фольклорности. На деле пока, на мой взгляд, получилось нечто сильно напоминающее все те же "Самоцветы" — некий усредненный ва-

риант того, что именуется "советской" песней. Впрочем, к песне прилагается самый дорогой (по слухам) в отечественном шоу-бизнесе видеоклип, так что перспективы ее успеха неисповедимы.

Среди помощников в работе Маликов особенно выделяет сегодня звукорежиссера Виктора Савина.

Для завистников Димы могу сообщить, что отдельной от родителей квартиры певец пока не смог получить. На той же жилплощади его сестра Инна по-прежнему занимается каратэ, а колли Стинг (названный в честь любимого Диминого музыканта и еще потому, что в дословном переводе это имя означает "балбес") требует ежедневных прогулок. С девушками навалом мистификаций, но пока Дима не женат.

О творческих планах говорить трудно. Шикарный проект покорения Димой Англии, задуманный в центре Стаса Намина, накрылся. Нынче эмигрировавший в Штаты музыкант Анатолий Могилевский открывает в Нью-Йорке ночной клуб, и Дима приглашен попробовать там с парой песен. Однако загадывать сложно, практика показывает, что отечественная попса не больно устраивает западников по уровню.

Дима и в Ленинграде-то еще ни разу не выступал. Зато в Италии в очередь с Глызиным гастроли прошли нормально.

Так что жизнь продолжается. По Диминому мнению, которое я всецело разделяю, удручающе застойная жизнь "перестроечной" попсы, где среди артистов Маликов привлекает хотя бы стремлением к профессионализму.

СТЕБОК СТЕБКУ РОЗНЬ

Рок-музыканты, вторя некоторым иным деятелям авангардного искусства XX века, например Пикассо, любят утверждать, что главный смысл их деятельности не в творческом результате, а в свойствах личности художника и манере его повседневного поведения. Особенно за эту идею ухватились отечественные рокеры, поскольку с музыкальной квалификацией у них напряженка, да и прочие составные сценического мастерства профессионализмом не отличаются. На хоругви был поднят лозунг о принципиальном антипрофессионализме рока. Однако, как выяснилось, противостоять официальной "заученности" можно по-разному. Это старая как мир история, хотя ро-

керы мнят, будто играют ее впервые. Сколько мне довелось поводить мальчиков и девочек, уверенных, что если каждый из них — отдельный человеческий организм, это само собой гарантирует, что каждый — неповторимая и, главное, невероятно интересная для окружающих индивидуальность. Раскрепощение оборачивается у таких бескультурьем, а отсутствие мгновенного успеха доводит до нервных срывов и шизоидной озлобленности.

Осознать себя как материал творчества невероятно трудно. Тем более превратить в сцену весь мир, а каждый объект его сделать атрибутом художественного сюжета. Можно праведно возражать против театральных стереотипов, но, как ни скучно об этом говорить, элементарное стебало требует в качестве основы мастерство пародии, владение сценическими законами, которыми, вы считаете, не сумели воспользоваться предки, — так переплюньте их. Только переиграйте, недоигравших без вас хватает.

В Москве людей, гордых потрепаться о себе, никак не подтвердив право на это творчеством, набралась целая Академия Авангарда. Единственной их акцией стало то, что они сфотографировались для буклета, который выйдет в Париже. "Вот и молодцы, — скажут некоторые, — авантюристы, конечно, но победителей не судят". Трудно возражать: к сожалению, мы живем в пародийное время, когда объявить себя инопланетянином, врачевать все болезни, массируя "четвертый позвонок" (была такая сатирическая книга Марти Ларни

времен становления "развитого" капитализма в Америке) или открыть контору "Рога и копыта" действительно выгоднее, чем делать нечто реальное.

Я предлагаю лишь различать стебков. Вот ленинградец Сергей Курехин в телепрограммах в последнее время вовсе не музицирует. Он дает комические интервью и ведет забавную "игро-теку" в "Кабаре "Пятого колеса". И это, доложу вам, полноценный театр. Начиная с того чтобы найти в напарники Кандида — журналиста Шолохова и продолжая яркими остротами в процессе переложения нашего житья-бытья на новоявленные курехинские правила игры в карты и бильярд.

Подобным мастерством владеет и ленинградская группа "НОМ" ("Неформальное объединение молодежи"), созданная в 1987 году. В нее входят Сергей Кагадеев (вокал), Андрей Кагадеев (бас), мой однофамилец Дмитрий Тихонов (клавиши, аккордеон), Сергей Бутузов (гитара), В. Постниченко (барабаны) и Юрий Салтыков (шоу).

По части запудривания мозгов ребята не промахи. Впрочем, помимо эксцентричности изложения, можно разглядеть нешуточную боль в заверениях, что задачу свою артисты видят в "идиотизации драматических проявлений действительности и гипертрофированной драматизации идиотических ее сторон методом статического динамизма". Классический прием комедии — мир наизнанку.

Группа "НОМ" из тех, музыку которых, на мой взгляд, бесполезно слушать в отрыве от зрелища. В данном случае это та

ипостась панка, которая породила самый музыкальный из театров абсурда, оставшийся при том самым театральным из музыкальных явлений. Неудивительно, что "НОМ" более, чем с другими, подружился с группой "АВИА". И та, и другая команда по идее мыслима и без музыки. Стебные диспуты и "торжественные заседания", подобные тем, которыми радовала сборная групп в "Поп-антенне", любили в XIX веке на парижском холме Монмартр в кабаре "Ша нуар".

Честное слово, не огорчайтесь, но в истории было уже все. Только задумаешь стать первооткрывателем, как выясняется, что возрождаешь фольклор. В нашей стране к "капустникам" (паро-

дийным спектаклям) по сию пору снобы относятся высокомерно. Ну вы знаете все эти дискуссии о "легких" жанрах, вконец сгубившие очень сложную квалификацию юмориста.

"НОМ" завораживает... черт его знает чем (а это и есть высший пилотаж в искусстве). Музыканты могут взяться за телерекламу какой-то кооперативной игры и превратить ее в яркий спектакль, с узнаваемыми персонажами, неизвестно еще, подтверждающими ли прелести нового предпринимательства, но до смертоубийства спорящими на лестничной клетке: "Ты вспомни, как жили!" — "А я говорю — только свободный рынок!.." и активно жулящими по части фишек и костей на игровом поле.

Шоумен "НОМа" Юрий Салтыков блистательно справляется с конферансом, пародируя то директора клуба, который теперь яро поддерживает молодежную музыку, впрочем, слабо отличая ее от песен Кобзона, то балаганного Деда в паре с Тевье-молочником, то вовсе негра.

Музыка для "НОМа" — краска, дополняющая театр. Здесь можно проявить мастерство танца — странного, порой состоящего из бесконечно повторяющихся бытовых движений. В песнях, как и у монмартрских кабареьеров, и у русских скоморохов, парадоксальность мышления взвинчивается ритмом. Музыкальные композиции становятся лирическими отступлениями, подтверждающими многогранность таланта.

Нина ТИХОНОВА

Фото Леонида ГУСЕВА

„ПЛОХИЕ МАЛЬЧИКИ”

Со времени громких событий панк-рок-революции во второй половине 70-х гг. в рок-музыке не находилось сильного “раздражающего фактора”, который бы эпатировал общество столь же яростно, как это делали “Секс пистолз” или еще раньше, в эпоху рок-н-ролла — Джерри Ли Льюис. Может быть, именно потому, что молодежь заждалась новых кумиров, готовых противопоставить общепринятой морали свое вызывающее “я”, звезда группы “Ганз н’Роузиз” засветила столь ярко в буквально считанные дни.

Создали ансамбль два молодых американца — певец Билл Бейли, более известный под псевдонимом Даблью Эксп Роуз, и гитарист Айззи Стрэдлин, которые до этого в течение целого ряда лет безуспешно пытались добиться известности, выступая в разных музыкальных коллективах. Только после того как им удалось привлечь в свою творческую компанию басиста известной группы “Л. А. Ганз” Даффа Маккагена, у них что-то начало получаться. Вскоре появились второй гитарист Сол Хад-

сон, откликающийся на прозвище Слэш, и ударник Стив Адлер. Этот состав и олицетворяет до сих пор группу под названием “Ганз н’Роузиз”, хотя в последние месяцы усиленно муссируются слухи, что Адлер собирается отделиться.

Пришествию “Ганз н’Роузиз” в клан суперзвезд предшествовали необычайно откровенные интервью музыкантов, которые гордо заявили, что в свободное от работы время они не прочь... надраться, извините, как свиньи или побаловаться наркотиками. А надо вам сказать, что времена, когда к наркомании в США относились более-менее спокойно, прошли. Война с наркоманией превратилась в общеамериканское явление на фоне растущих проповедей здорового образа жизни. А заставила американцев трезво посмотреть на свои привычки... эпидемия СПИДа.

Сегодня артисты-наркоманы из героев превратились во всемирно порицаемых изгоев, теперь уже не сыскать днем с огнем газетных передовиц, посвященных очередной поимке рок-исполнителя

за покупкой или потреблением наркотиков. Сегодня в моде рассказы артистов о том, как они сумели избавиться от своего пагубного пристрастия. Вот это выносятся в заголовки.

В таком контексте откровения участников "Ганз н'Роузиз" прозвучали диссонансом и сразу привлекли к себе внимание. Похоже, этого-то они и добивались. Избрав себе личину "плохих мальчиков от рок-н-ролла", нещадно ругаясь площадной бранью на концертах, на телевидении, в любом месте, где рядом находились журналисты, они создали себе сенсационную рекламу. О них стали говорить как о новых панках, выросших на хард-роке. Их дебютного диска ожидали с нетерпением. И он оправдал надежды: атакующая музыка, излу-

чающая злобную энергию, несмотря на явный недостаток мелодий, как нельзя лучше передавала в звуках музыки разрабатываемый ими имидж. Циничные тексты песен, порой откровенно оскорбительные, "подлили масла в огонь". Пластинка "Вкус к разрушению" в короткие сроки разошлась тиражом в семь миллионов экземпляров. Первая же песня на ней — "Добро пожаловать в джунгли" — содержала совершенно неприличные вздохи и стенания Эксл Роуза поверх мощного драйва хард-рока.

Чем дальше, тем больше. Музыканты стали попадаться на мелком хулиганстве, Эксл Роуз даже ударил бутылкой по голове свою соседку по дому, которая имела неосторожность сделать ему замечание, за что немедленно попал

в кутузку. Извинения (словно малые дети: "Я больше не буду!") никакой роли уже не могли здесь сыграть. А какой скандал случился во время вручения группе награды видеоканала MTV за 1989 год! Мат из уст Слэша настолько шокировал режиссеров передачи, что им пришлось прервать трансляцию. Руководители телекомпании ABC с перепугу заявили: "Такого не случилось на нашем экране 17 лет! С этого дня все подобные шоу мы будем передавать с семисекундной задержкой для того, чтобы в случае необходимости успеть не дать в эфир вещи, которые могут оскорбить наших зрителей".

В арсенале "Ганз н'Роуиз" самые разнообразные выходки. Например, многими как неожиданное было воспринято решение ансамбля принять участие в благотворительном концерте из серии "Фарм-Эйд" — в помощь фермерам, терпящим разорение. Но когда Эксл Роуз заявил аудитории, что единственная песня про фермеров, которую он знает, это композиция старой английской панк-группы "Ю. К. Сабз" под названием "На ферме", все стало на свои места — это выступление для "Ганз н'Роуиз" новая возможность "показаться". "Я не могу полюбить гумно, там так пахнет дерьмом..." — затянул Эксл Роуз слова этой грубой панк-песни.

Молодежи, которая испокон века не слушалась своих родителей и все в жизни предпочитала испытывать методом проб и ошибок, кажется, что "Ганз н'Роуиз" бросают вызов устоявшимся нормам поведения, выступают против закоренелости общества и тем самым раздвигают

рамки жизненного пространства. "Ганз н'Роуиз" уверяют, что их питает творческая среда панк-рока, но в отличие от панк-группы "Ганз н'Роуиз" нет идеи. Панки говорили: "Мы — сами по себе, мы ни с кем" и стали "врагами общечеловечности". "Ганз н'Роуиз" говорят наоборот: "Мы с вами, мы обычные ребята, просто немного грубые, вот и все" — и стали зарабатывать миллионы, несмотря на скандалы.

Мне кажется, они — пустышки внутри. Их проделки — не больше, чем поза, вызванная понятным желанием хоть в чем-то отличаться от сотен подобных им групп. Ведь музыка "Ганз н'Роуиз" ничем особенным не выделяется из рамок признанного сейчас направления хард-н-хеви. Единственное, что можно поставить им в заслугу, — это удачное сочетание в своем творчестве элементов различных базовых стилей рок-музыкальной культуры — блюза, рок-н-ролла, панк- и хард-рока. А то, что на это "ключули" подростки, доказывает лишь скудость современного рок-рынка, на котором "ходкий" товар оказывается "с душком".

Как-то Эксл Роуз сделал открытие: "Я тут немножко приболел, и поэтому мне пришлось бросить пить и курить. И знаете — пить стало намного легче! Прямо не знаю теперь, как снова начать пить и курить. Попробовать, что ли, немножко заняться своим здоровьем?" Вполне может быть, что эта фраза означает, что у нас есть надежды когда-нибудь увидеть "Ганз н'Роуиз" в новом, более уравновешенном виде.

Андрей КОКАРЕВ

ЭТОТ ТЕКСТ НАПИСАН НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫ ЕГО НЕ ПРОЧИТАЛИ!

Но чтение заняло бы у Вас значительно меньше времени, если бы Вы уже успели закончить школу рационального чтения.

ОБУЧЕНИЕ В НАШЕЙ ШКОЛЕ – ЭТО:

- увеличение скорости чтения в 3–10 раз
- укрепление памяти
- возможность концентрировать внимание и быстро восстанавливать силы

Школа рационального чтения – это 26 филиалов в разных городах страны, постоянный научный поиск и самые низкие цены в СССР.

Очное обучение – 6 недель

Заочное обучение – 3 месяца

*Для того чтобы попасть в нашу школу, достаточно при-
слать заявку, кратко указав свои анкетные данные.*

*Наш адрес: 121151,
Москва, Кутузовский
проспект, 24, ШРЧ. В
письмо не забудьте вло-
жить пустой конверт
со своим адресом, в кото-
ром мы Вам пришлем
буклет с подробной ин-
формацией и условиями
приема.*

*Телефон для справок:
249-99-84*

**ВСЕСОЮЗНАЯ ШКОЛА
РАЦИОНАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ**

121151, Москва, Кутузовский пр., 24
Телефон: 249-99-84, Телекс: 411700 „ТОМ“
Телефакс: 2002216 „ТОМ“, 000892

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

ВИДЕООБЗОР

"Красный Октябрь" — новая советская подводная лодка выходит из Полярного. Она должна выполнить важное задание по проверке бесшумных двигателей. Однако капитан, роль которого исполняет Шон Коннори ("Неуязвимые", "Семейный бизнес"), решает направить подлодку к берегам Соединенных Штатов и просить политического убежища. Режиссеру Джону Мактирнану ("Крепкий орешек", "Хищник") удастся держать зрителей в напряжении на протяжении более чем двух часов.

Познакомился парень с девушкой. Вскоре они поженились, родились у них мальчик и девочка. Он продвигается по службе, покупает замечательный дом, она его обустроивает. И вдруг Барбара, в великолепном исполнении Кэтлин Тернер ("Роман с камнем", "Честь семьи Прицци"), неожиданно решает развестись с Оливером, которого играет Майкл Дуглас ("Роман с камнем", "Уолл-стрит", "Черный дождь"). Он любит ее и не хочет развода, она же ни при каких условиях не хочет жить с мужем и требует, чтобы он оставил ей только дом, в который она вложила много сил. Фильм "Война Роузов" сделан в жанре

черного юмора режиссером и актером Денни Де Вито, как и его первая работа в качестве режиссера "Сбрось маму с поезда". Сам Де Вито также играет в картине роль адвоката Оливера.

Преступник решает ограбить банк в маленьком американском городке. Для этого он вызывает опытных партнеров из разных концов страны. Однако уже в начале фильма его арестовывает полиция. Прибывшие в назначенный день урки находят в его квартире данные о намечающемся ограблении и решают все это проверить без главаря. В фильме "Неорганизованная преступность" много смешных моментов, но это никак не мешает остроумно развитию событий.

Уродливый от рождения Джонни Красавчик — герой одноименного фильма — грабитель. Попав в тюрьму из-за предательства партнеров, он думает о мести. И тут подворачивается предложение тюремного врача придать ему нормальный человеческий вид. Он соглашается на серию косметических операций и превращается в Микки Рурке ("Сердце Ангела", "9 1/2 недели"). Легенда о том, что Красавчик

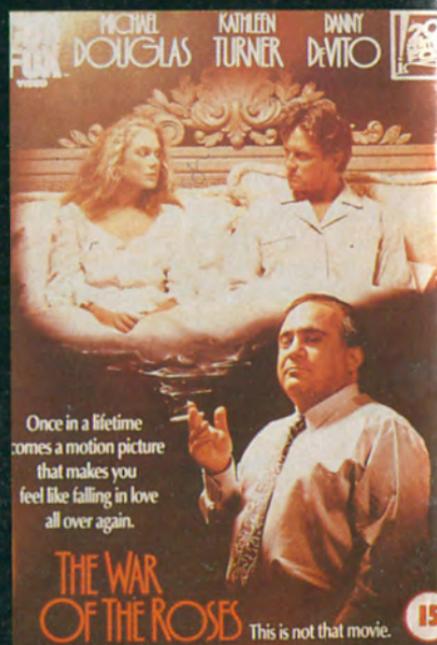
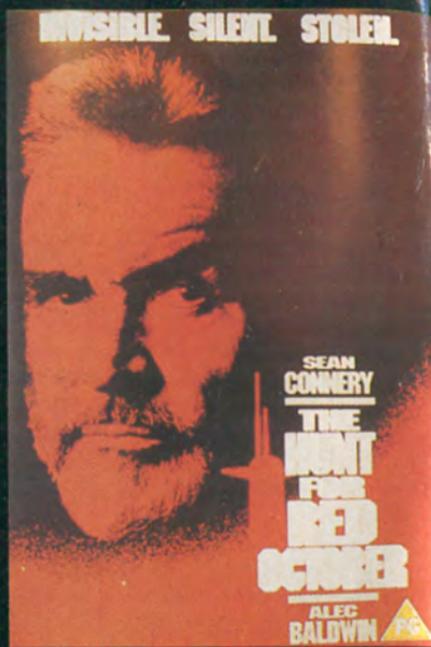
умирает в тюрьме, успокаивает предателей, а он тем временем разрабатывает план мести. Уолтер Хилл — разноплановый режиссер, но больше всего ему удаются триллеры и боевики.

Инопланетное существо, очень агрессивное, попадает на Землю, оно может прятаться в человеке как живом, так и мертвом, оживляя его. По его следам гонятся полиция и ФБР, но безрезультатно. В конце концов чудовище убивают, но как — вы узнаете, если посмотрите фильм "Скрытый враг".

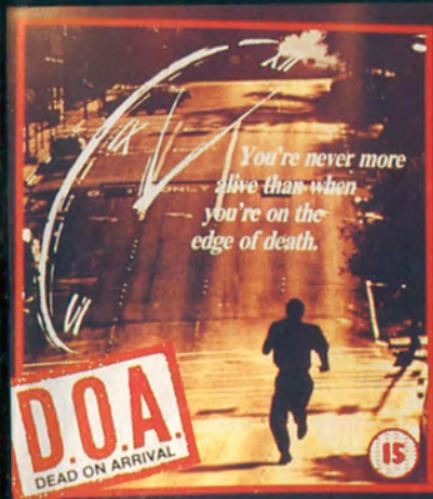
Шо Косуги ("9 смертей ниндзи", "Месть ниндзи") и Жан Клод Ван Дамме ("Кровавый спорт", "Боксер") — два мастера восточных единоборств — выступают в картине "Черный орел". Американский истребитель потерпел аварию и упал в Средиземное море. Американцы пытаются снять с самолета секретную систему слежения, но им мешает советский корабль, прибывший на место происшествия для этих же целей. Шо Косуги — сотрудник ЦРУ, Ван Дамме — КГБ. Нетрудно догадаться, что верх одержал американец.

Преподаватель литературы в университете попадает в ужасную историю. Его отравляют, и он должен умереть в течение нескольких десятков часов. Узнав об этом, он не теряет и пытается выяснить — кто же убийца? В конце концов это ему сделать удастся. В главной роли фильма "Дневник одной агонии" — Денис Куэйд.

Александр АДИН

SHO KOSUGI
JEAN CLAUDE VAN DAMME

DENNIS QUaid

MEG RYAN

CHARLOTTE RAMPLING

***** — отличный фильм

**** — хороший

*** — неплохой

** — ничего особенного

* — плохой

**ОХОТА
ЗА "КРАСНЫМ ОКТЯБРЕМ"**
(THE HUNT
FOR RED OCTOBER) ****
США 130 мин. Драма 1990

**ВОЙНА РОУЗОВ
(THE WAR OF THE ROSES) ******
США 111 мин. Комедия 1989

**НЕОРГАНИЗОВАННАЯ
ПРЕСТУПНОСТЬ
(DISORGANIZED CRIME) ******
США 97 мин.
Боевик/Комедия 1989

**КРАСАВЧИК ДЖОННИ
(JOHNNY HANDSOME) *****
США 97 мин. Триллер 1989

**СКРЫТЫЙ ВРАГ
(THE HIDDEN) *****
США 94 мин.
Фантастика/Боевик 1987

**ЧЕРНЫЙ ОРЕЛ
(BLACK EAGLE) *****
США 101 мин. Боевик 1988

**ДНЕВНИК ОДНОЙ АГОНИИ
(D.O.A. DEAD ON ARRIVAL) ******
США 93 мин. Триллер 1988

82 31

*Тридцать лет назад Юрий ГАГАРИН
открыл людям дорогу в космос.
Сегодня к звездному старту готовятся юные.*

Цена 1 руб. 20 коп.
Индекс 70554